

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

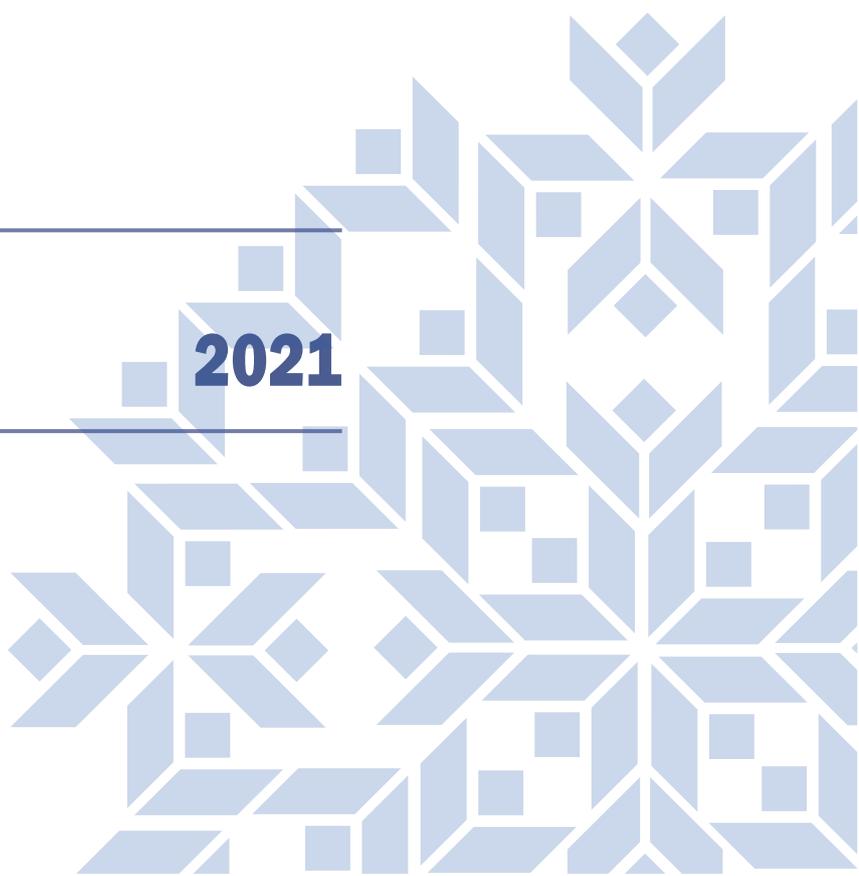
Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

4

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

- Бакиров В. С.** Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З. Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер Иэн Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П. Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р. Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л. Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Цулелер П. Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary** **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by

- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Doktorov B. Z. Independent analyst and consultant, USA.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Korosteleva E. A. University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Makallister Ien Australian National University, Canberra, Australia.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Narbut N. P. RUDN University, Moscow, Russia.
Semen'ska-Zhokhovska R. Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Halman L. Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Zulehner P. M. University of Vienna, Vienna, Austria.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА – РОКОВАЯ ДАТА В СУДЬБЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

(беседа главного редактора журнала А. Н. Данилова
с руководителем Центра социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета,
доктором социологических наук, профессором Д. Г. Ротманом)¹

A QUARTER OF A CENTURY – A FATAL DATE IN THE FATE OF UNIVERSITY SOCIOLOGY

(conversation of editor-in-chief of the journal A. N. Danilov
with the head of the Center for Sociological and Political Research
of the Belarusian State University, doctor of science (sociology),
full professor D. G. Rotman)

Вначале скажем несколько слов о нашем собеседнике. Давид Генрихович Ротман – известный белорусский социолог, создатель и бессменный руководитель Центра социологических и политических исследований БГУ, который известен как центр Ротмана. К поступлению в 1967 г. на философское отделение исторического факультета БГУ Д. Г. Ротман уже имел за плечами богатую биографию: был учеником механика-ремонтника на Минской обувной фабрике «Луч», отдал долг Отчеству (три года срочной службы в танковом дивизионе в Печах).

Давид Генрихович – общественно активный человек. В БГУ избирался комсомольским лидером исторического факультета, входил в состав молодежного штаба университета. В третьем трудовом семестре был командиром студенческого отряда, участвовавшего в строительстве Волжского автомобильного завода в Тольятти в рамках Всесоюзной ударной комсомольской стройки, входил в состав сводного университетского стройотряда в ГДР.

В социологии Д. Г. Ротман признан профессионалом самого высокого уровня. Первым заметил и оценил его таланты профессор Георгий Петрович Давидюк, открыв молодому ученому путь в новую науку – социологию, верность которой Давид Генрихович хранит вот уже более полувека. Сегодня ЦСПИ БГУ широко известен в мире. В нашей стране именно ему принадлежит наибольшее количество международных научных проектов и самых престижных грантов.

– Давид Генрихович, в декабре исполнилась четверть века, как по Вашей инициативе и под Вашим руководством был создан центр, который за эти годы превратился в крупное научное подразделение университета. ЦСПИ БГУ по праву пользуется

высоким авторитетом как в стране, так и далеко за ее пределами. Учитывая, что всю жизнь Вы посвятили социологии, было бы очень интересно начать наш разговор с рассказа о Вашем профессиональном пути.

¹Благодарим за помощь в подготовке материала кандидата социологических наук, доцента Т. В. Щёлкову.

– Я прекрасно помню многих моих преподавателей. Но больше всего на мой профессиональный выбор и мое формирование как социолога повлиял, конечно, Георгий Петрович Давидюк, который на нашем отделении читал продолжительный курс прикладной социологии. Кроме того, с 1967 г. уже работала Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований БГУ. Она занималась разработкой самых разных тем, в том числе проблем образования, семьи, идеологии. Сотрудники ПНИЛСИ БГУ иногда привлекали к исследованиям студентов, и, естественно, эта работа была связана с социологией. Я в меньшей степени участвовал в выполнении заданий лаборатории, но наблюдать за происходившим в ней мне было очень интересно. После окончания отделения философии исторического факультета БГУ в 1972 г. я работал социологом в Центре научной организации труда легкой промышленности. Там я трудился два года, пока Георгий Петрович, прямо скажем, меня как-то не «выловил» и сказал: «Ну, чем ты занимаешься? Давай бросай все свои дела и переходи ко мне. Я сейчас руковожу кафедрой философии и при этой кафедре буду создавать сектор прикладной социологии». Я согласился. И в октябре 1974 г. перешел на работу к Г. П. Давидюку.

Со мной работали великолепные ребята. Среди них выделялся, к примеру, Сергей Шавель. Сегодня это ведущий белорусский социолог. Можно назвать и множество других моих талантливых коллег. Сектор прикладной социологии существовал довольно продолжительное время, на хозяйственно-договорных началах выполнял заказы многих белорусских предприятий. Работа здесь дала мне очень многое. Мне довелось провести большое количество исследований совместно с кафедрой, например с Жанной Грищенко, Светланой Буровой. Мне удалось довольно близко познакомиться с очень известными людьми. Среди них хочу отметить Вячеслава Францевича Кебича, который позже стал премьер-министром нашей страны. Он очень хорошо относился к социологии. И самое главное, что это один из первых в Беларуси функционеров, управленцев, который инициировал исследования на своем предприятии не напоказ, а для принятия конкретных решений. Благодаря нашим опросам, социологическому анализу он отслеживал ситуацию, собирал актив, руководителей, проводил беседы. Конечно, мы занимались исследованиями и на других предприятиях, но такого глубокого понимания роли социологии, как у Вячеслава Францевича, я не припомню ни у кого.

Времена, естественно, менялись, возникали новые проблемы, в том числе в экономике. Георгий Петрович пригласил меня на работу в ПНИЛСИ БГУ (он уже был ее руководителем). Опять же благодаря ему я стал подниматься на определенный уровень, выходящий за рамки нашей республики. Он как-то

пригласил меня и говорит: «Слушай, Государственный комитет СССР по народному образованию собирается проводить социологическое исследование и приглашает для участия представителей разных республик. Так что готовься ехать в Москву». Я поехал. В Москве впервые собрались социологи практически из всех союзных республик. Геннадий Алексеевич Ягодин (председатель комитета), Феликс Иванович Перегудов (первый заместитель председателя комитета) сообщили нам, что принято решение о создании Всесоюзной программы «Общественное мнение». Мы приступили к исследованиям. Белорусские специалисты (и Лидия Новикова, и Светлана Бурова, и многие другие) завоевали высокий авторитет в ходе программы. И это было, конечно, очень здорово! Мы смогли сразу заявить о себе и руководить серьезными проектами. Исследований было много, особенно интересные работы были до распада Советского Союза.

Некоторые исследования в 1990 и 1991 гг. уже показывали, что вот-вот начнется процесс развала. За три-четыре месяца до того, как произошел распад Советского Союза, мы с Анатолием Овсянниковым и Александром Иудиным обратились к Секретарю ЦК КПСС по науке Вадиму Андреевичу Медведеву. Попытались донести информацию о том, что ситуация в стране неоднозначная, национальности враждуют и это может плохо закончиться. Он сказал: «Мы в это не верим и никуда никому об этом докладывать не будем». Я предложил хотя бы в КГБ сообщить. А тот ответил: «Мы всякую ерунду распространять не будем».

Союз распался, а потом начало распадаться все внутри союзных республик, были ужасные проблемы и с деньгами, и с экономикой. С прилавков пропали продукты, другие товары. Ситуация складывалась тяжелая. И естественно, из-за этого в нашей стране и в других постсоветских странах социологические структуры начали просто закрываться из-за отсутствия финансирования. А мы хотели работать. И тогда я со своими коллегами – Светланой Буровой, Ларисой Соглаевой, Лидией Новиковой, Натальей Голубковой – создали структуру «Общественное мнение». Это была негосударственная организация, мы проводили исследования на заказ. Но если структура существует, выполняя только заказы, конечно, всегда присутствует угроза того, что сотрудники завтра могут остаться без работы.

Где-то в начале 1990-х гг., уже после развала Советского Союза, с нами связались представители правительства Австрии с предложением проводить социологические исследования на территории Республики Беларусь. Вообще, они хотели, чтобы мы постепенно охватили все постсоветское пространство. К нам же обратились потому, что мы ранее участвовали во всесоюзной программе «Общественное мнение». Они знали, что у нас, как говорится, «руки

длинные» по всей территории Советского Союза, кроме того, белорусские социологи пользовались высоким авторитетом. Было очень удобно, что одним из инициаторов таких исследований был вице-президент Национального банка Австрии, поэтому проблем с заказом исследований не возникало. Координировал работу мой близкий друг профессор Кристиан Херпфер, который сегодня является президентом Всемирной ассоциации по изучению ценностей. Начались первые международные проекты. Созданная нами организация «Новый демократический барометр» проводила исследования на всем постсоветском пространстве.

Нас стали приглашать во многие международные программы. Я уже имею в виду группу социологов, которая образовалась в БГУ. В то время начали создаваться социологические структуры Европейского союза. Была организована программа для постсоветских государств, которая называлась *INTAS*. Перед ней стояла задача стимулировать развитие социологии и других общественных наук. Сообщество социологов БГУ 10–12 раз выигрывало эти гранты и проводило исследования. Затем европейская комиссия стала создавать пятую, шестую, седьмую рамочные европейские программы. Мы, естественно, участвовали в них, но уже всей объединенной командой постсоветского пространства. Мне довелось руководить объединенной программой, в которой участвовали Украина, Россия, Грузия, Армения, Казахстан. Исследования были связаны с социальными условиями и образом жизни, здоровьем населения, межнациональными отношениями, религией.

В это время я уже перешел работать на кафедру социологии. Меня переполняли идеи и хотелось создать какое-то исследовательское подразделение. Ректором БГУ в это время был А. В. Козулин, первым проректором – П. И. Бригадин. Я предложил им создать социологическую структуру. Они меня поддержали, и 17 декабря 1996 г. был подписан приказ о создании Центра социологических и политических исследований БГУ, меня назначили руководителем. В структуре центра было несколько отделов. Для них университет выделил ставки, чего сейчас уже, к сожалению, нет. Собрался очень хороший круг социологов. В основном это были люди, которые в свое время работали в ПНИЛСИ, все имели богатый опыт. Кроме того, они участвовали со мной во всесоюзной программе «Общественное мнение», ездили по всему Советскому Союзу. Поскольку нам довелось поработать в крупных международных проектах, о нас узнали не только на постсоветском пространстве, но и в Европе. Следует отметить, что в любых проектах мы занимали лидирующие позиции, нам оказывали полное доверие. Это не всегда было удобно по той простой причине, что предполагало огромную ответственность. Нужно было очень много работать, попросту пахать. Центр подключился к большому

количеству крупнейших проектов, в которых участвовали не только постсоветские страны, но и такие государства, как Великобритания, Франция, Германия и др. Наш центр 17 декабря отмечает 25-летие. Сто лет назад в БГУ была создана кафедра социологического профиля, однако вскоре была закрыта. В 1967 г. благодаря Петру Мироновичу Машерову в университете было возобновлено изучение социологии и создана ПНИЛСИ. Ровно через 25 лет, после распада Советского Союза, ПНИЛСИ «умер» из-за экономических проблем. В 1996 г. мы создали ЦСПИ. А сейчас, через 25 лет, центр столкнулся с серьезными финансовыми проблемами. Кроме того, из-за пандемии исследования проводить практически невозможно, ведь главный наш метод – опрос лицом к лицу. В результате складывается очень тяжелая ситуация. ПНИЛСИ просуществовал 25 лет, теперь и мы подошли к этой роковой точке.

– Давид Генрихович, за эти 25 лет в мире, в нашей стране многое поменялось. Возникли новые государственные и негосударственные социологические структуры, появились новые информационно-коммуникационные возможности, идет процесс усовершенствования социологической диагностики, методов исследования. Это видно по работе вашего центра. Как за этот период поменялась социология?

– Вопрос интересный, но довольно сложный. Становление всех постсоветских государств идет достаточно неоднозначно. Возникают экономические, социальные проблемы. Естественно, они все больше влияют на развитие социологической науки. Ведь социология строится на изучении вызовов, которые создает общество. Приходится все время искать новые подходы, методы. Но мы остаемся приверженцами того, что имели на старте. Опросы должны проводиться с помощью техники. Это может быть планшет или бумажный носитель. Но обязательными условиями выступают интервьюеры, случайный отбор и работа на маршруте социологов. Важно, чтобы были возможности для контроля качества сбора информации по телефону. Например, при интернет-опросах мы не можем проверить, кто нам отвечает, даже если человек представляется.

Для чего нужна социология? Для того, чтобы четко понимать, что происходит, как к этому относится общество, какие проблемы возникают, что нужно сделать для устранения противоречий и сложностей. Поэтому ошибки в социологическом исследовании можно сравнить с ошибками хирурга во время операции. Они приводят к катастрофе. Например, социологической службе дает заказ организация, которая занимается бизнесом. Необходимо выяснить, как товары воспринимаются на рынке, какая цена является удовлетворительной, как действовать дальше, откуда экспортировать или куда импортировать товары.

И если социологи предоставляют ненадежную информацию, бизнес может развалиться. Аналогично и в политической сфере. Ложная информация от социологов вводит людей в заблуждение. Взять, к примеру, электоральное исследование. Кандидату говорят: «Ты лидируешь, все в порядке», а на самом деле это не так. Социолог, как профессионал, не имеет права никого подставлять. Это просто невозможно.

Профессиональные нормы социолога обеспечиваются тем, что он обязан все что угодно сделать для того, чтобы информация была объективной. Даже если это закрытые сведения, мы говорим: «Вы заказчик, вы получили информацию. Мы ничего не интерпретируем. Поступайте, как считаете нужным, но вы должны принять правильное решение на основании наших данных». Это главный принцип. К сожалению, некоторые социологические службы просто стараются заработать денег, не беспокоясь за результат. Но мы не имеем права ошибаться, не имеем права предоставлять заказчикам искаженную информацию. Недоработка или какие-то методические, методологические ошибки недопустимы.

– Сейчас в условиях глобальной нестабильности, пандемии, иных вызовов изменяются методология и методика социологических исследований. Появляются новые технические возможности для развития социологии, сокращается время для принятия правильного управленческого решения. Как реагирует ваш центр на эти новшества?

– Наши исследования направлены на то, чтобы улучшить жизнь людей, помочь в преодолении сложностей, показать, присутствуют ли в обществе взаимопонимание, согласие. Если люди будут это понимать, качество наших исследований улучшится. К сожалению, есть и другие причины, тормозящие процессы совершенствования нашей деятельности. И здесь можно делать ставку только на абсолютно добросовестную работу социологов, которые участвуют в сборе информации, четкое соблюдение правил, точное определение людей для интервьюирования. Обязательно должны быть обеспечены условия для того, чтобы работали законы вероятности. Если эти правила не будут срабатывать, информация исказится.

– Может случиться такая ситуация: вы получили достовернейшую информацию, обнародовали ее, а результатам никто не верит. Что тогда? На чем держится социологической авторитет организации, на чем строится доверие людей?

– Часто люди не доверяют не информации, а каналам, которые до них доводят эту информацию. Вот это как раз тормозит нашу работу. У нас проводилось и проводится очень много исследований информационного поля. Выяснилось, что многие каналы информации, их контент не привлекают

внимание людей. И если там содержится социологическая информация, она просто остается без внимания. Вот в чем проблема. Поэтому, к сожалению, нам очень сложно выполнять свои функции. Но, с другой стороны, нашей информации будут верить в том случае, если исследования будут проводиться очень часто. Ведь станет заметен эффект.

– Ваш центр издает интересные серии книг. Среди них хотелось бы выделить «Ценностный мир современного человека» и «Актуальные проблемы современного белорусского общества». Расскажите подробнее о Ваших изданиях...

– Проблема состоит в том, что люди книги не читают. Мы, когда занимаемся, например, со студентами, школьниками, не внушаем им какие-то правила, связанные с чтением книг. Современное общество (и это касается не только нашей страны, а мира в целом) не стремится читать. Молодое поколение больше увлечено гаджетами и другими развлечениями. Но мы мало делаем для того, чтобы прививать им желание узнавать что-то новое. Но и просто узнавать мало. Необходимо, чтобы человек, прочитав книгу, начал думать о том, что там написано, а не закрыл ее и все. Только отдельные представители молодого поколения действительно читают. Общество не формирует у молодых людей потребности в получении информации из книг. Ведь очень важен следующий после чтения этап, связанный с умением анализировать, отличать правду от вымысла и т. д. Информация должна привлекать, притягивать, вызывать доверие. Но мы у молодых людей, к сожалению, не формируем эти качества. По крайней мере, я этого не замечаю, наши исследования это доказывают. Сегодня говорят, что нужно развивать определенные личностные качества. Необходимо, чтобы люди не просто формально участвовали в каких-то развивающих мероприятиях, а чтобы они воспринимали происходящее глубже и задумывались: «Зачем нам это надо? Это может быть интересно?».

– У Вас большой научный, организационный и публичный опыт. Что Вы можете посоветовать тем, кто еще только на пути в социологию? Что надо учитывать при подготовке социологических кадров?

– У каждого практикующего социолога есть определенные правила, профессиональные требования к себе. Обязательными моральными качествами выступают честность, добросовестность, порядочность. И не только это. Нам, возможно, нужно ввести такую практику, чтобы преподаватели, которые обучают социологов, максимально участвовали в проведении исследований. Чтобы это реализовать, в каждой учебной социологической структуре должна быть собственная лаборатория. В таком случае мы можем говорить об эффективном обучении. Социология,

как инструмент получения объективных сведений о ситуации в обществе, будет совершенствоваться. Будущие социологи должны четко понимать, для чего нужно собирать информацию, как себя вести с респондентами, как привлекать их к участию в опросе. Можно рассказать об этом в лекции, но нужна практика. Если бы сегодня студенты и преподаватели постоянно были привлечены к действиям, связанным с получением социологической информации, разработкой программ или инструментария, ситуация была бы совершенно иной.

Преподаватель должен очень любить свою профессию. У нас на кафедре хорошие преподаватели, но они лишены возможности практической работы, так как на факультете нет специальной лаборатории. По-моему, такое решение можно было бы принять. Это позволит повысить качество подготовки студентов, наши выпускники станут более востребованными. Мы сейчас много говорим о формировании чувства патриотизма. Так вот, один из основных элементов любви к Родине – это любовь к своей профессии, потому что мы профессионально реализуемся в обществе. И мы должны создавать условия, чтобы процесс обучения молодого поколения предполагал больше практики. Я считаю, в нашей стране должно быть как можно больше социологических структур, в том числе в тех образовательных учреждениях, где преподают социологию. Если человек хорошо понимает, что такое наука об обществе, он больше начинает понимать само общество, он с большей любовью относится к нему.

– Любое исследование предполагает работу целого коллектива, в котором формируются какие-то особые отношения. И ваш центр выступает не просто как ведущая в стране исследовательская структура – он выполняет координирующую функцию, привлекает людей из разных регионов, разных организаций к участию в социологических исследованиях, приобщая их тем самым к работе в науке...

– Когда проводится исследование, когда интервьюеры идут на контакт с населением, это очень важно и для самих людей. Ведь они видят, что их мнение интересно для государства, для аналити-

ков. И это определенный элемент воспитания социальной активности, которая побуждает человека действовать, повышает его активность, стремление совершенствоваться.

– На мой взгляд, круг социологов более сплоченный, чем другие научные сообщества, в силу коллективности труда...

– Социологическая наука – это одна из тех общественных наук, которые «склеивают» общество. Благодаря ей улучшаются взаимоотношения между членами социума, ведь социологи общаются с десятками тысяч людей. Эти люди высказывают свою точку зрения о проблемах. Наука об обществе укрепляет общество, это важнейший инструмент консолидации. Мы можем говорить о пропаганде, о СМИ, о чем угодно, но прямой контакт людей есть только в социологии.

– В заключение, поздравляя центр с 25-летием, хотелось бы спросить, каким Вы видите его будущее?

– Все довольно сложно. Сегодня многие структуры, нужные государству, науке, университету, системе образования, сталкиваются с проблемами. Что касается нашего центра, то нам бы хотелось увеличить количество бюджетных ставок на 4–5 единиц. Ведь люди не могут работать только на заказах, потому что сегодня они есть, а завтра нет. Состояние неопределенности страшит. Много сложностей принесла пандемия. Проводить исследования стало труднее, заказов меньше. Заказчики все прекрасно понимают, и нам самим приходится отказываться от некоторых очень интересных проектов. Конечно, я надеюсь, что мы как-то выживем, что волна заболевания спадет и увеличится количество заказов, международных программ.

– Давид Генрихович, спасибо Вам большое за содержательную и интересную беседу. Верим, что юбилейная дата не станет роковой в судьбе университетской социологии... Поздравляем Вас и коллектив центра, наших коллег, с 25-летием создания структуры и желаем новых творческих успехов.

УДК 316.1

ГЕНЕЗИС ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРИАНГУЛЯЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е. Е. КУЧКО¹⁾, Д. О. УРБАН²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

Рассматривается история становления качественного и количественного методологических подходов в социологии. Историческая реконструкция фундаментальных идей представителей этих направлений позволяет лучше понять их взаимосвязь, определить возможности их взаимодействия при исследовании социальной реальности. Анализируются качественная и количественная стратегии социологического исследования с учетом их онтологических, гносеологических, аксиологических и методологических принципов. Содержательный анализ трех этапов социологического познания позволяет понять специфику развития социологического знания, определить центральные идеи и ценности, динамику взаимосвязи сложившихся подходов и парадигм. Отмечается, что качественные и количественные методологические подходы в социальных науках возникли практически одновременно, но их дальнейшее развитие шло крайне неравномерно, а использование для изучения и объяснения социальной реальности долгое время строилось без учета принципов паритетного взаимодействия. Расширение практики социологических исследований в ситуации высокой динамики социальных процессов позволило повысить уровень исследовательской культуры. Понимание ценностей и познавательных различий качественной и количественной методологий обусловило необходимость их совместного использования. Основанием совмещения качественного и количественного методологических подходов является их функциональная дополнительность, что выражается в возможности наиболее полно представлять различные аспекты исследования одной и той же предметной области. Доказывается мысль о том, что методологическая, концептуальная триангуляция, как стратегия взаимодействия качественного и количественного подходов при изучении социальных проблем, повышает полноту и достоверность полученной информации, расширяет исследовательские возможности.

Ключевые слова: качественная методология; количественная методология; триангуляция; исследовательские стратегии в социологии.

Образец цитирования:

Кучко ЕЕ, Урбан ДО. Генезис теоретических оснований использования триангуляции в социологических исследованиях. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;4:9–14. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-9-14>

For citation:

Kuchko EE, Urban DO. Genesis of theoretical grounds for the use of triangulation in sociological research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;4:9–14. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-9-14>

Авторы:

Елена Евгеньевна Кучко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.
Дарья Олеговна Урбан – независимый исследователь.

Authors:

Elena E. Kuchko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. avesol@yandex.ru
Dariya O. Urban, independent researcher. sociology@bsu.by

GENESIS OF THEORETICAL GROUNDS FOR THE USE OF TRIANGULATION IN SOCIOLOGICAL RESEARCH

E. E. KUCHKO^a, D. O. URBAN^b

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

^b*Independent researcher, Minsk, Belarus*

Corresponding author: E. E. Kuchko (avesol@yandex.ru)

The article considers the history of formation of qualitative and quantitative methodological approaches in sociology. The historical reconstruction of the fundamental ideas of representatives of these areas makes it possible to better understand their relationship, to determine the possibilities of their interaction in the study of social reality. In this regard, the article analyses the qualitative and quantitative strategy of sociological research taking into account their ontological, epistemological, axiological and methodological principles. A meaningful analysis of the three «waves», the stages of sociological cognition makes it possible to understand the specifics of the development of sociological knowledge, determine central ideas and values, and better understand the dynamics of the interaction of existing approaches and paradigms. Qualitative and quantitative methodological approaches in social sciences arose almost simultaneously, but their further development was extremely uneven, and their use to study and explain social reality for a long time was not based on the principles of parity interaction. The expansion of the practice of sociological research in a situation of high dynamics of social processes made it possible to increase the level of research culture, the understanding of values and cognitive differences in qualitative and quantitative methodologies made it possible and necessary to use them together. The basis for combining qualitative and quantitative methodological approaches is their functional additionality, which is expressed in the ability to most fully represent various aspects of the study of the same subject area. We are talking about methodological, conceptual triangulation as a strategy for the interaction of qualitative and quantitative approaches in the study of social problems using qualitative and quantitative methods for collecting and analysing sociological information. Such a technique increases the completeness and reliability of the received information, expands research capabilities.

Keywords: qualitative methodology; quantitative methodology; triangulation; research strategies in sociology.

Обоснование появления в социологических исследованиях триангуляции в ее современном виде и понимании связано с теоретико-методологической разработкой и практическим использованием двух основных методологических стратегий – количественной и качественной. Развитие социологии можно условно разделить на три этапа. В качестве критерия такого разделения служит не только хронология, но и особенности представлений об объекте и предмете изучения, а следовательно, методологические стратегии сбора и интерпретации данных. Исходя из этого, периоды развития социологии можно назвать первой, второй и третьей социологией [1].

К представителям первой социологии можно отнести О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Милля, Л. Кетле, позднего Т. Парсонса. Исторически первым направлением в ней была макросоциология, которая делала акцент на изучении прежде всего фактов социальной жизни, описании макроструктур и рассмотрении общества как живого организма. Представители первой социологии считали, что характер социальных структур предопределяет характер индивидуальных действий, так что, с точки зрения социологии, социальные структуры не менее, а даже более реальны, чем индивидуальные действия, и изучение последних возможно только после исследования социальных структур.

Идеи представителей первой социологии имели большое значение для развития социологической

методологии. Изначально позитивистская методология О. Конта и его последователей претендовала на исключительную объективность науки. Обоснование необходимости возникновения науки такого рода строилось на критике современной О. Конту социальной философии и метафизики. Предполагалось, что данные социологических исследований необходимо получить при помощи методов, используемых в естественных науках, которые претендуют, по сравнению с метафизикой, на большую строгость и объективность. В качестве методов, способных обеспечить наиболее точное и объективное представление о социальной действительности, предлагались наблюдение, описание и эксперимент.

Особую роль в формировании научной методологии имели работы Дж. С. Милля и Л. Кетле. Дж. С. Милль постулировал необходимость использования разработанной им индуктивной логики в качестве основного и единственного метода познания социальной действительности в целях повышения уровня объективности исследований. Л. Кетле показал возможности статистики в социологическом исследовании, чем определил эвристический вектор новой науки. Фактически идея Л. Кетле о «среднем человеке» стала центральной при выборе методологической стратегии первой социологии. Использование количественных данных и математического аппарата статистики послужило основанием для написания многих эмпирических и теоретических

работ (в том числе классического труда Э. Дюркгейма «Самоубийство») и до сих пор не теряет актуальности.

Определенную роль в возникновении и развитии количественной методологической стратегии в социологии в ее современном виде сыграла чикагская школа. Ее представители работали в Чикагском университете в первой половине XX в. (А. В. Смолл, Дж. Дьюи, У. Томас, Ф. Знанецкий, Э. Бёрджесс, Р. Парк). Основной заслугой чикагской школы по праву считается развитие не только количественной, но и впоследствии качественной методологии. Так, на основе работ У. Томаса и Ф. Знанецкого были обоснованы основные принципы качественной методологии: сохранение первичных данных в неизменном виде, методологическая возможность пересмотра гипотез и основных понятий в процессе анализа, построение типологии как основного результата качественного исследования на основе более существенных характеристик изучаемых явлений. Идеи первых представителей чикагской школы по аналитическому критерию вписываются в рамки первой социологии, поскольку их исследования основывались на принципах рационализма и эмпиризма и проводились в соответствии с представлениями о классической количественной стратегии сбора данных. Таким образом, представители первой социологии аргументировали обоснованность и эффективность применения количественной методологической стратегии сбора данных, считали ее единственно справедливой и применимой, ссылаясь на идеи рационализма, эмпиризма и общие принципы объективного научного познания. Во многом такой эвристический ракурс определялся разделяемой в то время большинством ученых картиной мира и способом восприятия действительности. В центре внимания исследователей находились первичные по отношению к человеку структуры. Анализ таких структур возможно осуществлять только на макроуровне, описывая их согласно принципам объективности.

Методологический поворот произошел с появлением второй социологии, представители которой делали акцент на микроструктурах, а именно на социальном действии, ориентированном на других людей. Совокупности индивидуальных действий образуют повторяющиеся ситуации взаимодействий, которые принято называть структурами. Социальные структуры не существуют сами по себе, независимо от действий. Их изучение возможно только после исследования социальных действий. Изучение социальных действий предполагает не только и не столько описание и количественный анализ, сколько изучение глубинных мотивов, смыслов и других характеристик социальной деятельности человека. К представителям данного направления в социологии можно отнести М. Вебера, Дж. Мида, Г. Блумера, А. Шютца, П. Бергера, Т. Лукмана.

Являясь первым представителем второй социологии, М. Вебер первым поворачивает ракурс рассмотрения социальных проблем с макроуровня глобальных общественных структур на микроуровень социальных интеракций, суть которых раскрывается через центральное понятие в его работах – «социальное действие». Говоря о сути понимающей социологии, М. Вебер пишет: «Социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся истолковать, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие. <...> Социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на него» [2, с. 602].

По мнению М. Вебера, метод социологии должен соответствовать ее предмету. В связи с этим он отмечает определенное сходство социологического предмета не только с предметом наук о природе, как в позитивизме, но и с предметом наук о культуре. Таким образом, возникает направленность познания на объяснение предмета через его понимание. Принципиальным становится не столько процесс или факт совершения действия, сколько его смысл и, закономерно, установление каузальных связей. Когда предметом изучения выступает смысл, простого количественного описания недостаточно, необходимо понимание проблемы.

Методологические идеи М. Вебера принято рассматривать, как правило, в связке со схожими по направлению идеями Г. Зиммеля, который считал несообразным и вовсе невозможным существование глобальных социальных теорий в социологии. При этом он акцентировал внимание на социальном взаимодействии как единице анализа. Он полагал, что социология в целом должна изначально конструироваться как метод. Поскольку она исходит из того, что человека следует трактовать как общественное существо и что общество является носителем всех исторических событий, постольку она не находит объекта, который не изучался бы уже какой-либо из общественных наук, но обнаруживает для всех их новый путь – метод науки, которая именно в силу ее применимости ко всей совокупности проблем не является наукой, обладающей собственным содержанием [3, с. 17]. Социологический метод мог использоваться в различных общественных науках и был призван вычленять то, что Г. Зиммель называет чистыми формами социации, на изучение, описание и объяснение которых в конечном итоге и направлено социологическое познание.

Идеи М. Вебера и Г. Зиммеля стали основой для развития качественной методологии, создали общетеоретический контекст, в котором пересматривалось и расширялось понимание социологических методов, появились различные теоретические направления социологической мысли. Они оказали

значительное влияние на становление символического интеракционизма, феноменологии, этнометодологии и других течений.

Дальнейшим основанием для развития качественной методологической стратегии стало возникновение парадигмы символического интеракционизма. Классиками символического интеракционизма считаются Дж. Мид, Х. Блумер, Ю. Хабермас и др. По мнению В. А. Ядова, «символический интеракционизм привнес в качественную социологию представление о языке как о ключевой основе для интерпретации смыслов социальных коммуникаций» [4, с. 354]. Коммуникация осуществляется через обмен различными символами (как вербальными, так и невербальными), для изучения которых недостаточно фиксации исключительно внешних проявлений. Приверженцы символического интеракционизма указывают на необходимость понимания действительности через раскрытие значимости тех или иных символов, что становится возможным только при детальном анализе и интерпретации индивидуальных особенностей людей, а не структуры в целом.

Вторая социология стала своего рода шлюзом между первой и третьей социологией. Этот период можно, с одной стороны, охарактеризовать как переходный, а с другой – как прорывной. Именно в это время появляется новое представление о картине мира, возникает новое восприятие социальной действительности. Общество больше не рассматривается как система, первичная по отношению к индивиду, напротив, индивид в процессе коммуникации и взаимодействия занимает приоритетное место в исследованиях.

Третья социология отказывается от детерминизма макро- и микроструктур в человеческом поведении, критикуя первую социологию за излишнюю абстрактность, линейность, описание общества через понятия «прогресс» и «порядок», отсутствие должного внимания к таким проблемам, как конфликт и дезорганизация, а вторую – за неспособность объяснить проблемы глобального уровня. Третья социология отвергает обе стратегии в объяснении социальной жизни. В качестве конечной цели исследования она принимает социальные события – действия человека в коллективных контекстах, ограниченные, с одной стороны, вкладом и вовлеченностью участников и, с другой стороны, окружающей средой. Таким образом, внимание фокусируется на том, что реально происходит в человеческом обществе, на уровне между структурами и действиями, где создаются социально-индивидуальные практики, которые визуально наблюдаемы и составляют наиболее реальную жизнь. И эта жизнь не является абсолютным продуктом существующих структур в обществе, равно как и абсолютным продуктом действий людей и их свободной воли. Социальные практики людей в повседневной жизни

формируют и закрепляют структурные возможности для последующих поколений, которые будут действовать в их рамках, создавая новые возможности и ограничения. И этот процесс непрерывен. Поэтому для понимания природы того или иного явления общественной жизни нам необходимо изучить повседневные поведенческие практики, которые соединяют в себе как структурные и культурные возможности и ограничения, так и поведение (действия) конкретных людей.

Такой теоретический поворот повлек за собой очередные изменения в методологических основаниях социологической науки. Позиции качественной социологии еще больше укрепились по сравнению с количественной и получили признание в широких научных кругах и активное распространение в эмпирических исследованиях. Основными представителями третьей социологии являются А. Шютц, Г. Гарфинкель, И. Гофман.

Работы А. Шютца представляют собой попытку синтеза философских концепций Э. Гуссерля и социологической теории М. Вебера. Феноменологическое изучение мира начинается с вынесения за скобки утверждений о том, что мир существует либо не существует, что он объективен и един для всех существ и т. д. Феноменологическая социология с позиций чистого сознания описывает остающийся за скобками жизненный мир. «Жизненный мир – это мир, к которому мы принадлежим в нашей естественной дофилософской установке. Естественная установка – это наивная точка зрения практически действующих индивидов, в рамках которой существование природного и социального мира не подвергается сомнению, просто принимается на веру» [5]. Феноменологическая социология так же, как и феноменологическая философия, воздерживается от естественной установки, но при этом пытается ее изучить и понять, какую роль она играет в повседневном конструировании социального мира.

В своем основном труде «Феноменология социального мира» (1932) А. Шютц выдвинул концепцию понимающей социологии, пытаясь применительно к сфере социального познания решить поставленную Э. Гуссерлем задачу – восстановить связь абстрактных научных понятий с жизненным миром, миром повседневного знания и деятельности. Его амбицией является построение социологии как науки, которая была бы способна объективно понять субъективный, по сути, мир социального опыта людей [1, с. 108].

Г. Гарфинкель ввел понятие «фоновые практики», под которыми понимал совокупность привычных, не всегда осознаваемых способов (методов) поведения, взаимодействия, восприятия, описания ситуаций. Основная задача этнометодологии – изучение фоновых практик и составляющих их методов, а также объяснение того, каким образом на их основе возникают представления об объективных

социальных институтах, иерархиях власти и других структурах. Следовательно, предметом этнометодологии является мир повседневной жизни, «обычное общество». «Обычное общество» – это категория, охватывающая все уровни общественной жизни, от наиболее сложных, макрообщественных, до наиболее простых, микрообщественных» [1, с. 116]. И для того чтобы понять микрообщественные явления, необходимо изучить локальные практики, своеобразные для различных общественных ситуаций. Этнометодологию интересует не содержательная сторона общественного порядка, а то, каким образом он конструируется. Внимание акцентируется на процедуре создания порядка и смысла в разных общественных ситуациях. «Процедуры создания порядка и смысла имеют главным образом нереплексивный характер, выполняются спонтанно участниками общественных ситуаций, а сам конструируемый ими порядок приобретает признаки реальности» [1, с. 116].

Согласно Г. Гарфинкелю только возмущение порядка позволяет показать, что социальный порядок является не чем-то данным, а лишь достижением членов общества, которое постоянно воспроизводится в конкретной коллективной практике. «Общество – не скрытая абстракция, а конкретное явление здесь и сейчас» [1, с. 118]. Поэтому использование фотографии в рамках этнометодологии может помочь при этнометодологических исследованиях.

По мнению И. Гофмана, предметом драматургической социологии является порядок взаимодействия – все, что происходит в обществе, когда люди вступают в непосредственные взаимные контакты. Все, что бы ни делали люди, так или иначе касается других людей, т. е. все наши действия социально обусловлены. И поняв простейшие социальные действия и явления, мы сможем понять более сложные.

Как писал П. Штомпка, интеракция имеет два важных свойства. Во-первых, это повсеместное явление, встречаемое везде, во всех областях общественной жизни. Во-вторых, интеракция – универсальное явление, которое встречается во всех обществах в разное время. Элементарной единицей интеракции, по мнению И. Гофмана, выступает встреча – физическое присутствие участников. То, что происходит во время встречи, он рассматривает по аналогии с театром. Во время встречи каждый человек спонтанно и нереплексивно моделирует свое поведение так, чтобы произвести впечатление на окружающих. Действия людей происходят в рамках конкретного пространства, а «каждая лич-

ность занимает в пространстве определенное место, на которое приписывает себе право и к которому ограничивает доступ другим» [1, с. 124]. За фасадом находятся кулисы, скрывающие сферу приватности. Именно здесь человек является самим собой, тем, кто он есть. И. Гофман большое значение уделяет личности, а именно тому, каким образом личность демонстрирует свои намерения, готова ли она участвовать в определенных социальных ситуациях, является ли одиночкой, какова степень ее вовлеченности в происходящие события и т. д.

Представители третьей социологии внесли значительный вклад в развитие методологии науки, выделив проблемы повседневности в качестве наиболее значимых для социологического изучения. Таким образом, можно сказать, что исторически в социологии сложились две основные методологические стратегии – качественная и количественная. В настоящее время обе эти стратегии активно используются при проведении социологических исследований.

Представители как первой, так и второй, и третьей социологии оказали значительное влияние на становление и развитие методологии социологической науки. Понимание теоретических оснований социологической методологии представляется важным для практической организации исследований, поскольку часто именно теоретическая ориентация исследователя определяет выбор той или иной методологической стратегии. Например, приверженцы теорий структурного функционализма прибегнут скорее к помощи количественных исследований, поскольку данная теоретическая парадигма не предполагает изучение внутренних субъективных особенностей индивидов.

В то же время работа в таких жестких теоретических рамках значительно сужает ракурс рассмотрения проблемы и ограничивает возможности исследователя, а потому стоит критически подходить к выбору теоретических рамок, оставляя пространство для использования различных методологических подходов и методов. Выбор того или иного подхода (метода) зависит и от конкретной исследовательской ситуации. Средством повышения валидности результатов и эффективности социологического исследования служит триангуляция как стратегия взаимодействия качественного и количественного подходов при изучении социальных проблем с использованием качественных и количественных методов сбора и анализа социологической информации.

Библиографические ссылки

1. Штомпка П. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования*. Москва: Логос; 2007. 168 с.
2. Вебер М. *Избранные произведения*. Гайденко ПП, составитель. Москва: Прогресс; 1990. 703 с.
3. Simmel G. *Grundfragen der Soziologie. Individuum und Gesellschaft*. Berlin: G. J. Goschn'sche Verlagchandlung GmbH; 1917. 103 S.

4. Ядов ВА. *Стратегия социологического исследования*. Москва: Добросвет; 1998. 600 с.
5. Сериков АЕ. Социология: курс лекций [Интернет]. 2003 [проектировано 6 мая 2021 г.]. Доступно по: <http://www.phil63.ru/lektsiya-9-fenomenologicheskaya-sotsiologiya-i-etnometodologiya>.

References

1. Shtompka P. *Vizual'naya sotsiologiya. Fotografiya kak metod issledovaniya* [Visual sociology. Photography as a research method]. Moscow: Logos; 2007. 168 p. Russian.
2. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Gaidenko PP, compiler. Moscow: Progress; 1990. 703 p. Russian.
3. Simmel G. *Grundfragen der Soziologie. Individuum und Gesellschaft*. Berlin: G. J. Goschn'sche Verlagchandlung GmbH; 1917. 103 S.
4. Yadov VA. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya* [Strategy of sociological research]. Moscow: Dobrosvet; 1998. 600 p. Russian.
5. Serikov AE. Sociology: a course of lectures [Internet]. 2003 [cited 2021 May 6]. Available from: <http://www.phil63.ru/lektsiya-9-fenomenologicheskaya-sotsiologiya-i-etnometodologiya>. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 28.11.2021.
Received by editorial board 28.11.2021.*

УДК [003+316+330.1]:303.09

МЕТОДЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ – МЕТОД ПОСТРОЕНИЯ МНОГОКРАТНЫХ СПИРАЛЕЙ И МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются методы семиотического моделирования – метод построения многократных спиралей и мультимодальный анализ. Определяется релевантность использования указанных методов для изучения социально-экономических явлений. Особенности использования рассматриваемых методов описываются с помощью двух групп ключевых понятий: а) группы концепт-переменных таких концептов, как код (генетический, иконический, информативный, культурный, меметический, цивилизационный, языковой, а также социокод), ген (биологический, культурный, социальный, философский, экономический), спираль (архимедова, двойная, многократная, плоская, пространственная, тройная и др.); б) группы концепт-переменных таких концептов, как модализация, модальность, модус и мультимодальность. Отличия рассматриваемых методов обусловлены не только различными наборами используемых для их описания концептов, но и основными объектами, изучаемыми с помощью данных методов. Отмечается, что в качестве основного объекта моделирования с использованием метода построения многократных спиралей чаще всего выступают различные типы таких сложных знаков, как коды и гены. Объектами мультимодального анализа, как правило, являются макроуровневые семиотические единицы: видео, комиксы, креолизованные и поликодовые тексты, плакаты и другие полимодальные тексты. Обосновывается вывод о том, что метод построения многократных спиралей и мультимодальный анализ вместе с семиотическим и цепочечным анализом образуют единую методологическую систему социальной семиотики.

Ключевые слова: метод; простые и сложные знаки; знаковые системы; код; ген; спираль; метод построения многократных спиралей; мультимодальный анализ; метод синектики; комплексные знаковые цепочки.

METHODS OF MODELLING OF SOCIO-ECONOMIC PHENOMENA – METHOD OF CONSTRUCTING MULTIPLE SPIRALS AND MULTIMODAL ANALYSIS

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The article considers the methods of semiotic modelling (method of constructing multiple spirals, and multimodal analysis, etc.). The relevance of the use of these methods for the study of socio-economic phenomena is determined. Features of the use of these methods are described with help of two groups of key notions: a) the group of concept-variables of such concepts as code (genetic, iconic, information, cultural, memetic, social, civilisation, language), gene (biological, cultural, social, philosophic, economic), spiral (Archimedes, double, multiple, plane, spatial, triple, etc.); b) the group of concept-variables of such concepts as modalisation, modality, mode and multimodality. Differences between the methods

Образец цитирования:

Щербин ВК. Методы моделирования социально-экономических явлений – метод построения многократных спиралей и мультимодальный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021; 4:15–25.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-15-25>

For citation:

Shcherbin VK. Methods of modelling of socio-economic phenomena – method of constructing multiple spirals and multimodal analysis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;4:15–25. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-15-25>

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
shcherbin5353@mail.ru

under consideration are due not only to the different sets of concepts used to describe them, but also due to the main objects studied using these methods. So, as the main object of modeling using the method of constructing multiple spirals, various types of such complex signs as codes and genes are most often used. The objects of multimodal analysis are, as rule, macrolevel semiotic units (video, comic books, creolised and poly-code texts, posters, and other polymodal texts). The conclusion is substantiated that the method of constructing multiple spirals and multimodal analysis, together with the previously considered semiotic and chain analyses, form a single methodological system of social semiotics.

Keywords: method; simple and complex signs; systems of signs; code; gene; spiral; method of constructing multiple spirals; multimodal analysis; method of synectics; complex sign chains.

Введение

В нашей предыдущей статье [1] уже описывались особенности двух методов моделирования социально-экономических явлений – семиотического и цепочечного анализа. Однако указанными видами анализа методологическая система социальной семиотики (нового направления современной социологической науки, которое сегодня стремительно развивается) уже не исчерпывается. Постоянно появляются

принципиально новые методы семиотического моделирования социальной реальности, которые нуждаются в своей экспликации перед читателями социологических изданий. Именно этим обусловлено то, что главной целью данной статьи является исследование таких методов моделирования социально-экономических явлений, как метод построения многократных спиралей и мультимодальный анализ.

Метод построения многократных спиралей

Многочисленность цепочек (связей) разных типов и видов, выявленных в рамках социогуманитарных и естественных наук, предполагает создание их классификации. Решение указанной проблемы осложняется тем обстоятельством, что многие виды и типы цепочек пересекаются, т. е. взаимодействуют друг с другом, создавая более сложные по структуре знаки: в лингвистике это объединения цепочек в классы [2, с. 189], в экономической науке – пересечения цепей [3, с. 7] и стратегии создания цепочек (сети филиалов крупных производственных корпораций) [4, с. 331], в биологической науке – многомерные пространственные спирали, объединяющие путем скручивания целые группы разных по биохимическому составу цепочек [5], и др.

К настоящему времени наибольшее развитие из перечисленных сложных знаков получили многомерные пространственные спирали, объединяющие в себе несколько разнотипных цепочек. Немецкий философ Э. Томас называет такие сложные в структурном отношении пространственные спирали многократными [6, с. 156]. В генетике уже выделены двойные, тройные и более сложные многократные спирали. Приведем определения нескольких многократных спиралей разных типов. «...Структура ДНК – две соответствующие друг другу цепи простых химических соединений, называемых основаниями, обернутых вокруг друг друга в двойной спирали» [7, с. 9]. «Морис предполагал, что спираль [ДНК] состоит из трех полинуклеотидных цепей» [5, с. 79]. «В молекуле гемоглобина содержится 174 аминокислоты. Они собраны в четыре цепи, перекрученные между собой и образующие невероятно сложную трехмерную глобулярную структуру» [8, с. 49].

Американский ученый и писатель А. Азимов описывает сложную трехмерную структуру про-

странственной спирали следующим образом: «Такие кривые, как круг, эллипс, овал, лежащие в плоскости, всем хорошо знакомы. Их легко нарисовать на листе бумаги. А вот изобразить плоскую кривую, делающую постоянно увеличивающиеся витки, гораздо сложнее. Она называется *спиралью*. Этот термин происходит от латинского слова... *spira*, что значит изгиб, извив. Теперь представьте себе винтовую лестницу или нарезку винта с большим шагом. Эта трехмерная кривая тоже называется спиралью. Проволоку, свитую по винтовой линии, так и называют спиралью, а если эта проволока сделана из стали, то получается спиральная пружина. <...> Заметим, что в английском языке для названия пространственной спирали существует еще другое слово... *helix*, происходящее от греческого “геликс” – спираль, винт, хотя смысловое различие между ними не всегда выдерживается. Примером спирали в природе является раковина улитки, количество витков которой увеличивается по мере роста моллюска, вместе с тем, конечно, увеличивается и размер каждого последующего витка» [9, с. 217–218]. В энциклопедических словарях также различают плоские и пространственные спирали: спирали (от греч. *speira* – виток) – кривые, закручивающиеся вокруг точки на плоскости (плоские спирали, например архимедова спираль) или вокруг оси (пространственные спирали, например винтовая линия) [10, с. 380].

Достижения генетической науки по представлению пространственной структуры ДНК в виде все более сложных многократных спиралей, объединяющих в один сложный знак (спиральную модель) сразу целую группу разных по составу биохимических цепочек, вдохновили специалистов из других отраслей науки на поиск структурных совпадений и аналогий между такими отличающимися типами

знаковых систем, как генетический код, иконический код, информационный код, культурный код, меметический код, социокод, цивилизационный код, языковой код и др. Сравним следующие описания многочисленных пар разных кодов.

«Из последних трудов, посвященных ДНК-коду... мы узнаем, что вся детализированная и специфическая генетическая информация содержится в сообщениях, закодированных в молекулах, а именно в линейной упорядоченности кодовых слов, или кодонов. Каждое слово состоит из трех единиц, называемых нуклеотидными основами или буквами кодового алфавита. Этот алфавит состоит из четырех различных букв, используемых для записи генетического сообщения. «Словарь» генетического кода содержит 64 различных слова, которые определяются как триплеты, поскольку каждое из них строится как последовательность трех букв. <...> Среди всех систем передачи информации только генетический код и языковой код базируются на использовании дискретных компонентов, которые сами по себе не имеют смысла, но служат для построения минимальных единиц, имеющих смысл, то есть сущностей, наделенных собственным смыслом в данном коде. <...> Однако сходство структур в двух рассматриваемых информационных системах простирается гораздо дальше. <...> Переход от лексических единиц к синтаксическим группам разного ранга параллелен переходу от кодонов к цистронам и оперонам; два последних уровня генетических последовательностей биологи сравнивают с синтаксическими группами разной степени сложности, а ограничения на дистрибуцию кодонов внутри таких конструкций были названы синтаксисом ДНК-цепи» [11, с. 392–394].

Структурное сходство моделей, отражающих архитектуру генетического и языкового кодов, дало основания американскому философу М. Деланда использовать обобщающий термин «информационные паттерны» при работе с двумя указанными кодами: «Эти [информационные] паттерны могут быть сравнимы с отпечатками пальцев, которые выражают идентичность человеческого организма, но вне правоохранительных организаций, собирающих, хранящих и использующих их в целях идентификации, они не имеют никакой биологической функции. Но, как утверждает Делёз, в истории нашей планеты были такие критические пороги, когда физическая экспрессивность становилась функциональной. Первый отправной пункт – это возникновение генетического кода, отмечающее момент, когда информационные паттерны перестали зависеть от полноценной трехмерной структуры сущности (такой как атом) и превратились в отдельную одномерную структуру – длинную цепочку нуклеиновых кислот. Второй отправной пункт – это возникновение языка: если генетическая линейность

все еще связана с пространственной смежностью, языковые вокализации отображают *темпоральную линейность*, наделяющую информационные паттерны даже большей автономией от их материального носителя. Эти две отдельные экспрессивные линии по праву можно рассматривать как ассамбляжи. Как и все ассамбляжи, они демонстрируют отношение части-к-целому: гены состоят из линейных последовательностей нуклеотидов и являются составными частями хромосом; слова состоят из линейных последовательностей фонетических звуков или написанных букв и являются составными частями предложений. Некоторые из этих компонентов играют материальную роль физического субстрата для информации, и с помощью тщательно разработанного механизма эта информация может быть выражена в виде белков (в случае генетического материала) или в виде значений (в случае лингвистики)» [12, с. 24–25].

Еще ранее структурно-модельный параллелизм генетического и языкового кодов в процессе создания модели культуры отмечал С. Лем: «На социальном уровне язык есть аналог наследственной плазмы как канала управления, параллельного хромосомному каналу. Так что в формальном плане различные языки соотносятся друг с другом так же, как различные системы генной передачи признаков. Те и другие, неустанно фильтруемые миром, избирательно «просачиваясь» через его среду, отображают свойства этой среды» [13, с. 62].

Модельные сходства и отличия между генетическим и информационным кодами В. А. Губайловский описывает следующим образом: «Генетический код – это сигнал, который передается сквозь время. А информация прошивает пространство» [14, с. 205].

По мнению И. В. Фомина, «...генетические коды могут быть предметом семиотического рассмотрения ничуть не в меньшей степени, чем коды меметические. Таким образом, всякий мем является знаком, но не всякий знак является мемом» [15, с. 80].

По свидетельству А. Н. Данилова, сходство функций, выполняемых генетическими и культурными кодами (социокодами) в своих экосистемах, отмечалось еще в исследованиях академика В. С. Стёпина: «В своих трудах В. С. Стёпин выделял культуру как совокупность надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, выполняющих в обществе роль, аналогичную той, которую в жизни биологических организмов играют генетические коды. Такого рода социокодами являются мировоззренческие универсалии (категории культуры), которые задают системную и историческую целостность определенным (охватываемым ими) аспектам деятельности, поведения и общения. Культурные коды, как знаково-символическая форма обработки информации, выполняют функции сжатия и рубрикации сведений, их трансляции, раскрытия

содержания сигналов, транскрибирования и интерпретации» [16, с. 21–22]. Вместе с тем А. Н. Данилов обратил внимание исследователей и на значительные отличия между генетическим и культурным кодами: «Культурный код – это не механический аналог генетического кода. Здесь нет выстроенной природой четкой последовательности происходящих процессов, распределения ответственности за определенные участки духовного развития человека, возможности механического воспроизводства и повторения. Здесь невозможна и аналогичная генной инженерии социальная инженерия, когда путем хирургического вмешательства заменяется поврежденное звено в генетическом коде на новое, здоровое, чтобы предотвратить нежелательное развитие. Усложнен и вопрос о выстраивании заданного будущего, контролируемого определенными структурами. Нельзя хирургически уберечь человека от вражды, зависти, ненависти или вакцинировать его от насилия, хамства, предательства» [16, с. 22].

Достижения современной генетики в построении спиральных моделей ДНК и других белковых молекул вдохновили гуманитариев также на поиск структурных совпадений и аналогий между такими сложными знаками, как биологический ген, культурный ген, социальный ген, философский ген, экономический ген и др. Сравним определения указанных типов генов.

Биологический ген. «Структурно-функциональная единица генетического материала, наследственный фактор» [17, с. 51].

Культурный ген. «...В известной книге Ричарда Броди приводятся различные определения интересующего нас феномена [мема], но большинство из них – *культурный ген* (курсив наш – В. Ш.), единица передачи культурного наследия – так или иначе указывают на связь мема со структурным пространством культуры» [18, с. 30].

Социальный ген. «Гипотетическая частица культуры, являющаяся единицей информации, передаваемой другим поколениям» [19, с. 387].

Мультиmodalный анализ

Все более широкое применение информационно-коммуникационных технологий в социальных и гуманитарных науках, породившее формирование цифровых гуманитарных наук, которые «пытаются смоделировать мир вокруг» [27, с. 183], а также появление визуальной социологии, критической иконологии, метаграфемики, мультимедиа способствовали формированию и использованию такого метода семиотического моделирования, как мультиmodalный анализ. Назначение визуальной социологии заключается прежде всего в интерпретации и понимании образных форм выражения, фотографий, видеоизображений и т. п. [28, с. 109]. Критическая иконология – это «наука образов, междисциплинарное изучение вербальных и визуальных медиа» [29, с. 7]. Метаграфемика представляет со-

Философский ген. «Многие выработанные философские идеи транслируются в культуре как “дрейфующие гены”, которые в определенных условиях социального развития получают свою мировоззренческую актуализацию» [20, с. 107].

Экономический ген. «Любая наука имеет свою первооснову, свой атом, *ген* (курсив наш – В. Ш.), клетку, молекулу, закладывающую не только методологию познания своего объекта, но и определяющую *начало* своего предмета. И то, что современная экономическая наука в рамках доминирующего мейнстрима “потеряла” эту структурирующую субстанцию, свидетельствует о ее серьезных внутренних проблемах, разрешающих когнитивных способностях, перспективах развития» [21, с. 15].

Кроме того, отмеченные параллели между различными типами кодов и различными типами генов способствовали перенесению из генетики в гуманитарные и социальные науки (в процессе описания сложных знаков разных типов) такого метода семиотического моделирования, как построение моделей многократных спиралей, объединяющих в себе две, три и более цепочки разного вида и типа. В частности, можно упомянуть многочисленные примеры использования моделей двойных, тройных и более сложных многократных спиралей в лингвистике [22; 23], лингвистике [24], художественной литературе [25, с. 481], философии [6], экономической науке [26], других областях знаний [5].

Таким образом, широкое применение метода построения многократных спиралей в разных научных дисциплинах (генетике, информатике, кибернетике, социологии, экономике и др.) уже обеспечивает научные прорывы в понимании сложнейших биологических, информационных, кибернетических, социально-экономических и прочих явлений. Понятийную основу метода построения многократных спиралей составляют концепты «ген», «код», «многократная спираль», «спираль» и их концепт-переменные.

бой научную дисциплину, «в рамках которой исследуются способы визуализации текста средствами алфавитного письма, а также изучаются возможности семантической интерпретации изобразительной составляющей текста – рисунков, графиков, схем и пр.» [30, с. 7]. Мультимедиа – это «особый вид компьютерной технологии, объединяющий в себе как традиционную статическую (текст, графику), так и динамическую информацию (речь, музыку, видеофрагменты, анимацию и т. д.)» [31, с. 402].

Ключевыми понятиями для данного вида анализа являются концепты «модализация», «модальность», «модус» и «мультиmodalность». При этом у концепта «модализация» отдельные исследователи выделяют целый ряд концепт-переменных, например, французский лингвист А. Греймас отмечал

следующие: «знать-как-делать, хотеть-делать, мочь-делать и должно-делать» [цит. по 32, с. 90].

Аналогичным образом несколько концепт-переменных выделяется у концепта «модальность», под которым сегодня понимается:

1) «понятийная категория, характеризующая тернарную оппозицию “говорящий – высказывание – действительность”» [33, с. 380];

2) «грамматическая категория, обозначающая отношение содержания речи к действительности» [34, с. 199];

3) семантико-прагматическая категория, указывающая «на ориентацию говорящего по отношению к высказыванию» [35, с. 335];

4) модальность ощущений, означающая «принадлежность к определенной сенсорной системе и используемая для характеристики либо ощущения, либо сигнала» (в первом случае имеется в виду возникновение ощущения в определенной сенсорной системе, во втором – адекватность раздражения определенному анализатору). От выделения семи модальностей (Г. Гельмгольц, И. Т. Павлов) сегодня перешли к пяти основным сенсорно-перцептивным системам: зрительной, слуховой, кожно-мышечной, обонятельно-вкусовой, вестибулярной. Кроме того, выделяются интермодальные ощущения (вибрация), неспецифические ощущения синестезии (ощущения какой-либо модальности, например зрительной, при действии раздражителей другой модальности, например слуховой) [36, с. 527].

Буквально десятки концепт-переменных фиксируются сегодня у концепта «модус», понятийное содержание которого дифференцируется такими значениями:

1) «философский термин, обозначающий свойство предмета, присущее ему лишь в некоторых состояниях, в отличие от *атрибута* – неотъемлемого свойства предмета»;

2) «в логике – разновидность умозаключений (например, *модус силлогизмов*)» [37, с. 598].

В свою очередь, к числу концепт-переменных данного концепта можно отнести следующие:

- модусы времени (прошедшее, настоящее и будущее [38, с. 187], время как символ, как образ, как опыт [39, с. 10]);

- абсолютный модус, модус бытия, модус познания [17, с. 164];

- дифференциальный модус, под которым понимаются «собственно лингвистические различия и противопоставления, рассматриваемые как один из “модусов” в общей системе “поведения” человека» [40, с. 139];

- модусы знания (незнания), мнения, ощущения, полагания, речи, сенсорности, сообщения, эмоций и др. [41, с. 136, 156];

- многочисленные риторические модусы. В частности, британский лингвист М. А. К. Халлидей писал о них следующее: «Существует широкий круг риторических модусов в каждом языке. В английском языке мы можем различать модусы предложения, обещания, угрозы, клятвы, соглашения, приказа, вопрошания, упрашивания, побуждения, уговаривания, господства, инструктирования, поощрения, рекомендования, консультирования, запрещения, отговаривания, расхолаживания, предупреждения, подкупа, запугивания, шантажа, пристыживания, обхаживания, ворчания, намекания, восхваления, порицания, горения со стыда, преувеличения достоинств, парирования, уклонения от ответа, выражения недовольства, оскорбления, хвастовства, требования возмещения убытков, констатирования, предсказания, упования, опасения, поучения, аргументирования, отрицания, подчинения, настаивания, доказывания, обвинения, подразнивания, подразумевания, разоблачения, осознания, соглашательства, спрашивания, дискутирования, признавания, колебания, реагирования, отпирательства, согласия, отказа, провозглашения, заверения и успокаивания. Названы только некоторые модусы. Причем это не просто перечень модусов, они систематически взаимодействуют, и каждый из них представляет отдельный комплекс семантических характеристик, каждая из которых противостоит всему перечню модусов точно так же, как и остальные модусы, объединяемые категорией модальности»¹ [42, р. 342].

Что касается концепта «мультимодальность», то обозначающий его термин *multimodality* (от лат. *multi* ‘много’ и *modalis* ‘манера, вид’) введен английским семиотиком Г. Крессом и австралийским основателем социальной семиотики Т. ван Лиувеном² и обозначает «...множественность форм коммуникации (не только вербальной, но также музыкальной, визуально-образной, в форме запахов). Развитие понятия связывают с появлением информационных технологий, однако его история уходит глубже (уже средневековые манускрипты имели визуальные формы)» [19, с. 259]. Автор термина «мультимодальность», Г. Кресс объяснял его понятийное содержание следующим образом: «Мульти- в слове *мультимодальность* предполагает, что существует целый ряд модусов, общедоступных для воспроизводства всеми членами сообщества. Многие (хотя и не все) модусы встречаются в широком диапазоне сообществ: таковы, например, письменность, жесты, изображения. С другой стороны, устная речь является модусом, недоступным для членов сообщества людей “с нарушениями речи”» [43, с. 84].

Объектами мультимодального анализа являются макроуровневые семиотические единицы: видео, комиксы, креолизованные, поликодовые тексты,

¹Здесь и далее перевод наш. – В. Ш.

²Kress G., van Leeuwen T. Multimodal discourse: the modes and media of contemporary communication. London : Arnold, 2001. 152 p.

плакаты как полимодальные тексты и другие сложные знаки. Рассмотрим некоторые из них.

Видео. «Визуальная часть телепрограммы или телефильма, синоним телевидения» [44, р. 513].

Комикс. «Серия рисунков с кратким сопроводительным текстом, образующим связное повествование (обычно развлекательного, приключенческого содержания)» [17, с. 119].

Поликодовый (креолизованный) текст. Поликодовый текст охватывает «...случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)». В отечественной лингвистике тексты данного вида также получили наименование креолизованных. Под этим термином понимаются «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей – вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим системам, нежели естественный язык)» [цит. по 45, с. 101].

Плакат как полимодальный текст. «О. К. Ириханова обращается к семиотике плаката, применяя социокогнитивный подход, при этом плакаты описываются как полимодальные тексты. По мнению автора, семиотическая полимодальность проявляется в креолизации изобразительной и языковой знаковой систем, а также в «совмещении свойств иконичности, символичности и индексальности (дейктивности). <...> Базовыми семиотическими кодами подобного рода плакатов являются лингвистический, или вербальный, а также графический, цветовой и иконический коды, которые носят невербальный характер. Под иконическим кодом понимаются рисунки, фотографии и другие графические изображения, инкорпорированные в текстовое пространство плаката» [45, с. 101–102].

Перечисленные сложные знаки обычно изучаются путем описания лежащих в их основе комплексных знаковых цепочек, к числу которых можно отнести следующие последовательности простых знаков:

1) цепочку межкодовых переводов информации как мышление. «Все информационные процессы (порождение и восприятие информации, ее переработка в процессах мышления) представляют собой процесс прохождения информации по цепочке иерархии кодов внутри некоторой системы (внутри мозга, организма, компьютера, между отправителем (-ями) и получателем (-ями) сообщения в конкретном акте коммуникации. Во всех названных случаях идет процесс перекодирования (перевода) информации» [46, с. 286];

2) зафиксированные при помощи научных приборов и лабораторных записей «референциальные цепочки, включающие “следы природы”» [47, с. 173];

3) научные формулы. «...Всякую формулу можно представить только как связь общих специфических знаков. Без таких универсальных знаков, как, например, в арифметике и алгебре, нельзя было бы

выразить ни одно особое отношение в физике, ни один частный закон природы» [48, с. 203];

4) комплексные цепочки, включающие базисные знаки разных семиотических систем. «Мы согласились считать базисными знаками систем пять видов знаков:

- естественные знаки – для естественных систем;
- образы – для систем образования;
- слова – для языковых систем;
- иероглифы – для систем записи;
- символы – для математических (формализованных) кодов.

Следует принять во внимание, что в каждой системе эти знаки имеют разветвления в виде цепочки: основная форма базисного знака – производные от основной формы знака» [49, с. 176];

5) цепочки преемственности языковых знаний. «Джефффри Чосер не смог бы беседовать с современным англичанином, несмотря на то что они связаны друг с другом непрерывной цепью из двух десятков поколений англичан, каждый из которых вполне мог бы вести разговор со своими непосредственными соседями по этой цепи, как сын говорит со своим отцом» [8, с. 291];

6) репликационные цепочки мемов. «Рассмотрим представление о Боге. <...> Это очень старая идея. Как она реплицируется? С помощью устного и письменного слова, подкрепляемого великой музыкой и великим изобразительным искусством. <...> Выживаемость хорошего мема, входящего в мемфонд, обуславливается его большой психологической привлекательностью. <...> Бог существует, пусть лишь в форме мема с высокой выживаемостью или инфекционностью, в среде, создаваемой человеческой культурой» [8, с. 236];

7) словесно-цифровые цепочки и другие комплексные знаковые цепочки, объединяющие в своем составе знаки с различными кодовыми и модусными характеристиками. «Если знаниевая цепочка отражает последовательность этапов развития сложного общественного феномена (общества, индустрии, университета и др.) при помощи сочетания слова и цифры (например, *общество 1.0; общество 2.0; общество 3.0* и т. д.), то она называется *словесно-цифровой цепочкой*» [50, с. 283].

Моделирование и изучение посредством мультимодального анализа как вербальных, так и невербальных объектов способствовало более глубокому познанию феномена интерсемиотичности, под которым «...в современной интерпретирующей семантике понимают динамическое взаимодействие разнотипных семиотических систем. Действительно, не будучи результатом деятельности одного языка, текст подлежит изучению с позиции множества формирующих его кодов... Во-первых, потому что естественные языки суть полисемиотические системы, и смысл текста передается разными типами

языковых знаков, в том числе просодией, пунктуацией и т. п. Во-вторых, потому что в кодировке смысла участвует не только система языка, но и другие систематики типа социальных норм, причем прерогатива, согласимся, не принадлежит обязательно системе языка. <...> Короче говоря, понятие интерсемиотичности принципиально для понимания самой сути интерпретации. Поскольку объект изучения является по определению семиотически разнородным, интерпретирующей семантике нельзя замыкаться на лингвистической структуре, а надлежит учитывать и другие социальные нормы» [51, с. 62, 65].

Более глубокое познание феномена (понятия) интерсемиотичности имеет особую актуальность для понимания природы такого социально-коммуникативного явления, как дискурс. В пользу данного вывода свидетельствует тот факт, что отдельные отечественные исследователи понимают под дискурсом «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [52, с. 8].

На наш взгляд, именно интерсемиотический характер мультимодального анализа позволяет ему объединить возможности различных знаковых систем и открывает новые пути для обогащения научной эвристики. Во всяком случае без опоры на феномен интерсемиотичности и инструментальные возможности мультимодального анализа невозможно осуществить такой эвристический, креативный подход, как метод синектики. С. А. Лебедев отмечает: «Синектика – один из распространенных методов стимулирования научного творчества, разработанный У. Гордоном. Суть этого метода – сделать незнакомое знакомым, а привычное – чуждым и изменить таким образом сложившийся взгляд на вещи. Преодоление стереотипов достигается с помощью следующих приемов: 1) личностное уподобление, при котором испытуемый представляет сам себя изучаемым им процессом, предметом, что способствует включению рефлексорного механизма сознания; 2) поиск самых разнообразных аналогий изучаемому процессу, предмету; 3) использование поэтических образов, символов, метафор для формирования задачи; 4) активизация воображения, фантазии за счет придумывания “сказочных” решений проблемы, даже если они противоречат известным законам природы. Помещение изучаемого объекта в необычный контекст помогает не только разорвать привычные смысловые связи, но

и актуализировать латентный опыт исследователя. Одно из главных достоинств метода синектики состоит в том, что он обучает метафорическому мышлению, умению сочетать логическое и образное мышление и свободно переходить от одного типа мышления к другому» [53, с. 533].

От остальных методов семиотического моделирования (семиотического анализа, цепочечного анализа, метода построения многократных спиралей и др.) мультимодальный анализ отличается исключительной сложностью, обусловленной как обилием концепт-переменных у лежащих в его основе концептов «модализация», «модалность», «модус» и «мультимодальность», так и исключительным разнообразием вербальных и невербальных объектов, для комплексного моделирования и изучения которых он применяется. По мнению Р. К. Потаповой, само формирование мультимодального анализа стало возможным благодаря разработке новых информационных технологий. «Чем можно считать эволюционную цепочку от древних рукописей с миниатюрами к современным иллюстрированным книгам, от них – к книгам и журналам с вложенными грамзаписями на гибких пластинках, далее – к журналам с приложением на оптических дисках, наконец, к современным гипермультимедийным электронным изданиям, объединяющим все виды информации (текст на естественном языке, цифры, графики, изображения, звукозаписи, видео и т. п.), как не поиском информационной технологии, все более приближенной к естественной гипертекстовой среде?» [54, с. 362].

Учитывая исключительную сложность мультимодального анализа, к настоящему времени в западных странах уже созданы и регулярно переиздаются учебники, полностью посвященные данному методу семиотического моделирования [55]. Более того, в зарубежной справочной литературе уже представлены описания многочисленных разновидностей мультимодального анализа: мультимодального дискурс-анализа, социально-семиотического мультимодального дискурс-анализа, мультимодального дискурс-ориентированного анализа, нексус-анализа, анализа мультимодального взаимодействия, системно-функционального мультимодального дискурс-анализа, мультимодального дискурс-анализа конверсационного типа [56], мультимодальных корпусно-ориентированных подходов [57], мультимодального интеракционного анализа [58], мультимодального текстового анализа [59] и др.

Заключение

Анализ двух новейших методов моделирования социально-экономических явлений (метода построения многократных спиралей и мультимодального анализа) позволяет нам сделать следующие выводы.

1. По сравнению с семиотическим и цепочечным анализом метод построения многократных спиралей и мультимодальный анализ являются более сложными методологическими средствами, требующими высокого теоретического уровня подготовки

исследователей, которые планируют использовать эти методы при описании и моделировании социально-экономических явлений.

2. Несмотря на различную степень сложности, все названные методы моделирования социально-экономических явлений представляют собой единую методологическую систему, каждый элемент которой имеет специфические функции. Целями проведения семиотического анализа выступают моделирование социально-экономических явлений в целом, представление их в качестве знаковых систем (кодов, текстов, дискурсов). Объектом цепочечного анализа являются социально-экономические цепочки различных типов, посредством моделирования которых изучаются многочисленные социальные и экономические связи. Метод построения многократных спиралей используется при моделировании знаковых систем (иконического, информационного, культурного, меметического, языкового кода, социального кода и др.) и сложных знаков (культурного, социаль-

ного, философского, экономического гена и др.). Объектом изучения мультимодального анализа являются единицы различных семиотических систем (слова, цифры, образы, рисунки, схемы, чертежи, фотографии, видеоизображения, анимации и др.), совместно используемые в рамках социальных дискурсов.

3. Ключевые концепты «ген», «код», «многократная спираль», «модализация», «модальность», «модус», «мультимодальность», «спираль», «текст», «цепная связь», «цепь», «цепочка», выступающие в качестве понятийной основы названных методов моделирования социально-экономических явлений, сегодня широко и активно используются в технологиях научной коммуникации, представляющих самые разные области современной науки (биологию, лингвистику, социологию, техникосзнание, экономику и др.). Это свидетельствует о том, что семиотизация технологий научной коммуникации имеет статус глобального научного тренда [60].

Библиографические ссылки

1. Щербин ВК. Методы моделирования социально-экономических явлений: семиотический и цепочечный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;2:13–21. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-2-13-21.
2. Сейгер Н. Синтаксический анализ естественного языка. В: Кулагина ОС, Мельчук НА, редакторы. *Автоматический перевод.* Москва: Прогресс; 1971. с. 182–213.
3. Лившиц ВН. *Основы системного мышления и системного анализа.* Москва: Институт экономики РАН; 2013. 54 с.
4. Сазерленд Дж, Кэнуэлл Д. *Стратегический менеджмент. Ключевые понятия.* Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс; 2005. 440 с.
5. Уотсон ДД. *Двойная спираль. Открытие структуры ДНК.* Перфильева ОИ, переводчик. Москва: АСТ; 2019. 256 с.
6. Томас Э. Спиральная модель ДНК в теории и эксперименте. В: Гёрц Г, Омеляновский МЭ, редакторы. *Эксперимент. Модель. Теория.* Москва: Наука; 1982. с. 153–162.
7. Предисловие Стива Джонса. В: Уотсон ДД. *Двойная спираль. Открытие структуры ДНК.* Перфильева ОИ, переводчик. Москва: АСТ; 2019. с. 5–21.
8. Докинз Р. *Эгоистичный ген.* Фомина Н, переводчик. Москва: АСТ; 2016. 512 с. Совместно с издательством «Corpus».
9. Азимов А. *Язык науки.* Лалаянц ИЭ, переводчик. Москва: Мир; 1985. 280 с.
10. Шолле ВД. *Естествознание: энциклопедический словарь.* Москва: Большая российская энциклопедия; 2002. 543 с.
11. Якобсон РО. Лингвистика в ее отношении к другим наукам. В: Якобсон РО. *Избранные работы.* Москва: Прогресс; 1985. с. 369–420.
12. Деланда М. *Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность.* Майорова К, переводчик. Пермь: Гиле Пресс; 2018. 170 с.
13. Лем С. Модель культуры. В: Лем С. *Этика технологии и технология этики. Модель культуры.* Душенко К, составитель. Пермь: Бегемот; 1993. с. 47–92. Совместно с ТОО «Центавр» и Лабораторией теории и истории культуры ИНИОН РАН.
14. Губайловский ВА. *Учитель цинизма.* Москва: Эксмо; 2011. 288 с. (Index Librorum).
15. Фомин ИВ. Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания. *Полис.* 2015;3:72–84.
16. Данилов АН. Потенциал культуры и механизм формирования нового идеала прогресса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:20–24. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-2-20-24.
17. Буторова УВ, Герд АС, Захаров ВП, Марина АС, Панков ДИ, Попов АМ и др. *Словарь специальной лексики русского языка.* Санкт-Петербург: Русская коллекция; 2014. 250 с.
18. Шомова СА. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности. *Бизнес. Общество. Власть.* 2015;22:28–41.
19. Жукова ИН, Лебедев МГ, Прошина ЗГ, Юзефович НГ. *Словарь терминов межкультурной коммуникации.* Москва: Флинта; 2013. 632 с. Совместно с издательством «Наука».
20. Стёпин ВС. Философия как рефлексия над основаниями культуры. В: Шульц ВЛ, редактор. *Парадигмы социологии знания.* Москва: Наука; 2007. с. 90–107.
21. Лемещенко ПС. Социально-институциональная природа финансового кризиса. *Социология.* 2009;1:3–19.
22. Дежина И, Киселёва В. «Тройная спираль» в инновационной системе России. *Вопросы экономики.* 2007;(12): 123–135. DOI: 10.32609/0042-8736-2007-12-123-135.

23. Ицковиц Г. *Тройная спираль «Университеты-предприятия-государство». Инновации в действии*. Уваров АФ, редактор. Томск: Издательство Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники; 2010. 237 с.
24. Карасик ВИ. *Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы*. Москва: Гнозис; 2019. 424 с.
25. Ефремов ИА. *Час Быка*. Санкт-Петербург: Азбука; 2019. 512 с.
26. Leydesdorff L. The triple helix, quadruple helix, ..., and an n-tuple of helices: explanatory models for analyzing the knowledge-based economy? *Journal of Knowledge Economy*. 2012;3:25–35. DOI: 10.1007/s13132-011-0049-4.
27. Ванхутт Э. Врата ада: история и определение цифровых (гуманитарных) наук / гуманитарной информатики. В: Террас М, Найхан Д, Ванхутт Э, Кижнер И, редакторы. *Цифровые гуманитарные науки*. Красноярск: Сибирский федеральный университет; 2017. с. 151–192.
28. Бурак ТВ. Повседневность и визуальная социология. В: Данилов АН, Гигин ВФ, Мусиенко СГ, редакторы. *Постсоветское пространство в миропорядке XXI века: приоритеты, особенности, будущее. Материалы Международной научно-практической конференции; октябрь 2010 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Медиафакт; 2011. с. 109–111.
29. Митчелл УДж. *Иконология. Образ. Текст. Идеология*. Дрозд В, переводчик. Москва: Кабинетный ученый; 2017. 240 с.
30. Баранов АН, Паршин ПБ. О метаязыке описания визуализаций текста. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2018;17(3):6–15. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.1.
31. Шлыкова ОВ. *Культура мультимедиа*. Москва: ФАИР-ПРЕСС; 2004. 415 с.
32. Кузнецов А. Метод Латура: семиотика между литературой и наукой. *Логос*. 2018;28(5):85–112. DOI: 10.22394/0869-5377-2018-5-85-110.
33. Баранов АН, Добровольский ДО, Михайлов МН, Паршин ПБ, Романова ОИ. *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Том 1*. Баранов АН, Добровольский ДО, редакторы. Москва: Помовский и партнеры; 1996. 656 с.
34. Жеребило ТВ. *Словарь лингвистических терминов*. 5-е издание. Назрань: Пилигрим; 2010. 486 с.
35. Тичер С, Мейер М, Водак Р, Веттер Е. *Методы анализа текста и дискурса*. Киселева АА, переводчик. Харьков: Гуманитарный центр; 2009. 356 с.
36. Барабанщиков ВА. Модальность ощущений. В: Касавин ИТ, редактор. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. Москва: Канон+; 2009. 1248 с. Совместно с РООИ «Реабилитация».
37. Кравец СЛ, редактор. *Большая российская энциклопедия. Том 20*. Москва: Большая российская энциклопедия; 2012. 768 с.
38. Хасанов ИА. *Время как объективно-субъективный феномен*. Москва: Прогресс-Традиция; 2011. 328 с.
39. Литвин ТВ. Трансцендентальный эстезис времени. В: Кузин ИВ, редактор. *Модусы времени: социально-философский анализ*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2005. с. 5–22.
40. Ахманова ОС. *Словарь лингвистических терминов*. 2-е издание. Москва: Советская энциклопедия; 1969. 608 с.
41. Папина АФ. *Текст: его единицы и глобальные категории*. Москва: УРСС; 2002. 367 с.
42. Halliday MAK. *An introduction to functional grammar*. Singapore: Edward Arnold; 1985. XXXV, 387 p.
43. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности. *Политическая наука*. 2016;3:77–100.
44. Weiner R. *Webster's new world dictionary of media and communications*. New York: Webster's New World; 1990. 533 p.
45. Павлина СЮ. Политический плакат как поликодовый текст. *Политическая лингвистика*. 2019;2:100–106. DOI: 10.26170/pl19-02-11.
46. Мечковская НБ. *Философия языка и коммуникации*. Москва: ФЛИНТА; 2017. 517 с. Совместно с издательством «Наука».
47. Арсеньев П. Техно-формализм, или Развинчивая русскую теорию с Латуром. *Новое литературное обозрение*. 2019;5:166–192.
48. Кассирер Э. Философия символических форм. В: Мамонтов СП, Мамонтов АС, авторы-составители. *Антология культурологической мысли*. Москва: Издательство Российского открытого университета; 1996. с. 203–204.
49. Соломоник А. *Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности)*. Крейдлин Г, редактор. Минск: МЕТ; 2004. 191 с.
50. Щербин ВК. Технологические и знаниевые цепочки как механизм технологизации современной науки. В: Гончаров ВВ, редактор. *Система «наука – технологии – инновации»: методология, опыт, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции; 26–27 сентября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси; 2019. с. 280–285.
51. Бочкарев АЕ. *Семантический словарь*. Нижний Новгород: ДЕКОМ; 2003. 200 с.
52. Караулов ЮН, Петров ВВ. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. В: Ван Дейк ТА. *Язык. Познание. Коммуникация*. Петров ВВ, составитель; Герасимов ВВ, переводчик. Москва: Прогресс; 1989. с. 5–11.
53. Лебедев СА. *Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории)*. Москва: Академический проект; 2008. 692 с.
54. Потапова РК. *Новые информационные технологии и лингвистика*. 4-е издание. Москва: КомКнига; 2005. 368 с.
55. Jewitt C, editor. *The Routledge handbook of multimodal analysis*. 2nd edition. London: Routledge; 2016. 554 p.
56. Geenen J, Norris S, Boonyalakha M. Multimodal discourse analysis. In: *The international encyclopedia of language and social interaction. Volume III*. Tracy K, editor. Singapore: Wiley Blackwell; 2015. p. 1037–1053.
57. Bateman JA. Multimodal corpus-based approaches. In: Chapelle CA, editor. *The encyclopedia of applied linguistics. Volume VII (Mu-Pr)*. Chichester: Wiley Blackwell; 2013. p. 3983–3991.
58. Norris S. Multimodal interaction analysis. In: Chapelle CA, editor. *The encyclopedia of applied linguistics. Volume VII (Mu-Pr)*. Chichester: Wiley Blackwell; 2013. p. 3996–4001.
59. O'Halloran KL, Bradley AS. Multimodal text analysis. In: Chapelle CA, editor. *The encyclopedia of applied linguistics. Volume VII (Mu-Pr)*. Chichester: Wiley Blackwell; 2013. Chichester: Wiley Blackwell; 2013. p. 4124–4129.
60. Щербин ВК. Семиотизация технологий научной коммуникации как глобальный тренд. В: Самусевич ОМ, Зубченко НА, Ивченков ВИ, Лебедева ЕВ, Сидорская ИВ, Слука ОГ и др., редакторы. *Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности. Материалы Третьей международной научно-практической конференции; 8–9 октября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2020. с. 89–93.

References

1. Shcherbin VK. Methods of modelling of socio-economic phenomena: semiotic and chain analyses. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;2:13–21. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-2-13-21.
2. Seiger N. Syntactic analysis of natural language. In: Kulagina OS, Mel'chuk NA, editors. *Avtomaticheskii perevod* [The automatic translation]. Moscow: Progress; 1971. p. 182–213. Russian.
3. Livshits VN. *Osnovy sistemnogo myshleniya i sistemnogo analiza* [Fundamentals of systemic thinking and systemic analysis]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2013. 54 p. Russian.
4. Sutherland J, Canwell D. *Key concepts in strategic management*. Basingstoke: Palgrave Macmillan; 2004. 304 p. Russian edition: Sutherland J, Canwell D. *Strategicheskii menedzhment. Klyuchevye ponyatiya*. Dnepropetrovsk: Balans Biznes Buks; 2005. 440 p.
5. Watson JD. *The double helix. A personal account of the discovery of the structure of DNA*. London: Weidenfeld and Nicolson; 1968. 226 p. Russian edition: Watson JD. *Dvoynaya spiral'*. *Otkrytie struktury DNK*. Perfil'eva OI, translator. Moscow: AST; 2019. 256 p.
6. Tomas E. [The spiral's model DNA in the theory and experiment]. In: Gerts G, Omel'yanovskii ME, editors. *Eksperiment. Model'. Teoriya* [The experiment. The model. The theory]. Moscow: Nauka; 1982. p. 153–162. Russian.
7. Preface of Stephen Jones. In: Watson JD. *Dvoynaya spiral'*. *Otkrytie struktury DNK* [The double helix. Discovery of the structure of DNA]. Perfil'eva OI, translator. Moscow: AST; 2019. p. 5–21. Russian.
8. Dawkins CR. *The selfish gene*. Oxford: Oxford University Press; 1976. 224 p. Russian edition: Dawkins R. *Egoistichnyi gen*. Fomina N, translator. Moscow: AST; 2016. 512 p. Co-published by the «Corpus».
9. Azimov A. *Words of science, and the history behind them*. New York: New American Library; 1959. 319 p. Russian edition: Azimov A. *Yazyk nauki*. Lalayants IE, translator. Moscow: Mir; 1985. 280 p.
10. Sholle VD, compiler. *Estestvoznaniye: entsiklopedicheskii slovar'* [Natural science: the encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya; 2002. 543 p. Russian.
11. Yakobson RO. [Linguistics in its relation to other sciences]. In: Yakobson RO. *Izbrannye raboty* [Selected writings]. Moscow: Progress; 1985. p. 369–420. Russian.
12. Delanda M. *Novaya filosofiya obshchestva. Teoriya assablyazhei i sotsial'naya slozhnost'* [New philosophy of society. Assemblage theory and social complexity]. Maiorova K, translator. Perm': Gile Press; 2018. 170 p. Russian.
13. Lem S. [The model of culture]. In: Lem S. *Etika tekhnologii i tekhnologiya etiki. Model' kul'tury* [The ethics of technology and the technology of ethics. The model of culture]. Dushenko K, compiler. Perm': Begemot; 1993. p. 47–92. Co-published by the «Tsentr» and the Laboratory of Theory and History of Culture of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russian.
14. Gubailovskii VA. *Uchitel' tsinizma* [The teacher of cynicism]. Moscow: Eksmo; 2014. 288 p. (Index Librorum). Russian.
15. Fomin IV. [Semiotics or memetics? Towards a question about ways of integrating social-humanitarian knowledge]. *Polis*. 2015;3:72–84. Russian.
16. Danilov AN. Culture potential and mechanism for forming a new progress ideal. *Journal of Belarusian State University. Sociology*. 2020;2:20–24. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-2-20-24.
17. Butorova UV, Gerd AS, Zakharov VP, Marina AS, Pankov DI, Popov AM, et al. *Slovar' spetsial'noi leksiki russkogo yazyka* [Dictionary of special vocabulary of Russian]. Saint Petersburg: Russkaya kolleksiya; 2014. 250 p. Russian.
18. Shomova SA. The political internet meme: essence, characteristics, types. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 2015;22:28–41. Russian.
19. Zhukova IN, Lebed'ko MG, Proshina ZG, Yuzefovich NG. *Slovar' terminov mezhkul'turnoi kommunikatsii* [The dictionary of intercultural communication terms]. Moscow: Flinta; 2013. 632 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
20. Stepin VS. [Philosophy as a reflection upon the foundations of culture]. In: Shults VL, editor. *Paradigmy sotsiologii znaniya* [Paradigms of sociology of knowledge]. Moscow: Nauka; 2007. p. 90–107. Russian.
21. Lemeschenko PS. [Socio-institutional nature of the financial crisis]. *Sotsiologiya*. 2009;1:3–19. Russian.
22. Dezhina I, Kiseleva V. «Triple Helix» in Russia's innovation system. *Voprosy Ekonomiki*. 2007;(12):123–135. Russian DOI: 10.32609/0042-8736-2007-12-123-135.
23. Itskovits G. *Troynaya spiral' «Universitety-predpriyatiya-gosudarstvo». Innovatsii v deistvii* [The triple helix: university-industry-government. Innovation in action]. Uvarov AF, translator. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki; 2010. 237 p. Russian.
24. Karasik VI. *Yazykovaya spiral': tsenosti, znaki, motivy* [The language helix: values, signs, motives]. Moscow: Gnozis; 2019. 424 p. Russian.
25. Efremov IA. *Chas byka* [The hour of bull]. Saint Petersburg: Azbuka; 2019. 512 p. Russian.
26. Leydesdorff L. The triple helix, quadruple helix, ..., and an n-tuple of helices: explanatory models for analyzing the knowledge-based economy? *Journal of Knowledge Economy*. 2012;3:25–35. DOI: 10.1007/s13132-011-0049-4.
27. Vankhutt E. [The gates of hell: history and definition of digital-humanities-computing]. In: Terras M, Naikhan D, Vankhutt E, Kizhner I, editors. *Tsifrovye gumanitarnye nauki* [Defining digital humanities]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2017. p. 151–192. Russian.
28. Burak TV. [The everyday life and visual sociology]. In: Danilov AN, Gigin VF, Musienko SG, editors. *Postsovetskoe prostranstvo v miroponyadke XXI veka: priority, osobennosti, budushchee. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; oktyabr' 2010 g.; Minsk, Belarus'* [The post-Soviet space in the world order of 21st century: priorities, specifics, future. Proceedings of International scientific-practical conference; 2010 October; Minsk, Belarus]. Minsk: Mediafact; 2011. p. 109–111. Russian.
29. Mitchell UDzh. *Ikonologiya. Obraz. Tekst. Ideologiya* [Iconology. Image. Text. Ideology]. Drozd V, translator. Moscow: Kabinetnyi uchenyi; 2017. 240 p. Russian.
30. Baranov AN, Parshin PB. [Towards the metalanguage for describing text visualisations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 2018;17(3):6–15. Russian. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.1.
31. Shlykova OV. *Kul'tura mul'timedia* [Culture of multimedia]. Moscow: FAIR-PRESS; 2004. 415 p. Russian.

32. Kuznetsov A. Latour's method: semiotics between literature and science. *Logos*. 2018;28(5):85–112. Russian. DOI: 10.22394/0869-5377-2018-5-85-110.
33. Baranov AN, Dobrovol'skii DO, Mikhailov MN, Parshin PB, Romanova OI. *Anglo-russkii slovar' po lingvistike i semiotike. Tom 1* [English-Russian dictionary of linguistics and semiotics. Volume 1]. Baranov AN, Dobrovol'skii DO, editors. Moscow: Pomovskii i partnery; 1996. 656 p. Russian.
34. Zherebilo TV. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th edition. Nazran': Pilgrim; 2010. 486 p. Russian.
35. Ticher C, Meier M, Vodak R, Vetter E. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of text and discourse analysis]. Kiseleva AA, translator. Harkiv: Gumanitarnyi tsentr; 2009. 356 p. Russian.
36. Barabanshchikov VA. [Modality of sensations]. In: Kasavin IT, editor. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: Kanon+; 2009. 1248 p. Co-published by the ROOI «Reabilitatsiya». Russian.
37. Kravets SL, editor. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Tom 20* [The Great Russian encyclopedia. Volume 20]. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya; 2012. 768 p. Russian.
38. Khasanov IA. *Vremya kak ob'ektivno-sub'ektivnyi fenomen* [Time as a objective-subjective phenomenon]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2011. 328 p. Russian.
39. Litvin TV. [The transcendental esthesis of time]. In: Kuzin IV, editor. *Modusy vremeni: sotsial'no-filosofskii analiz* [Modes of time: social-philosophical analysis]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; 2005. p. 5–22. Russian.
40. Akhmanova OS. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 2nd edition. Moscow: Sovetskaya entsyklopediya; 1969. 608 p. Russian.
41. Papina AF. *Tekst: ego edinitsy i global'nye kategorii* [Text: its units and global categories]. Moscow: URSS; 2002. 367 p. Russian.
42. Halliday MAK. *An introduction to functional grammar*. Singapore: Edward Arnold; 1985. XXXV, 387 p.
43. Kress G. [Social semiotics and challenges of multimodality]. *Politicheskaya nauka*. 2016;3:77–100. Russian.
44. Weiner R. *Webster's new world dictionary of media and communications*. New York: Webster's New World; 1990. 533 p.
45. Pavlina SYu. Political posters as multimodal texts. *Political Linguistics*. 2019;2:100–106. Russian. DOI: 10.26170/PL19-02-11.
46. Mechkovskaya NB. *Filosofiya yazyka i kommunikatsii* [The philosophy of language and communication]. Moscow: Flinta; 2017. 517 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
47. Arseniev P. Techno-formalism, or Pulling apart Russian theory with Latour. *Novoye literaturnoe obozreniye*. 2019;5: 166–192. Russian.
48. Cassirer EA. [Philosophy of symbolic forms]. In: Mamontov SP, Mamontov AS, authors-compilers. *Antologiya kul'turologicheskoi mysli* [The anthology of culturologic thought]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskogo otkrytogo universiteta; 1996. p. 203–204. Russian.
49. Solomonik A. *Pozitivnaya semiotika (o znakakh, znakovykh sistemakh i semioticheskoi deyatel'nosti)* [The positive semiotics (about signs, systems of signs and semiotic activity)]. Kreidlin G, editor. Minsk: MET; 2004. 191 p. Russian.
50. Shcherbin VK. [The technology and knowledge chains as a mechanism of technologisation of contemporary science]. In: Goncharov VV, editor. *Sistema «nauka – tekhnologii – innovatsii»: metodologiya, opyt, perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26–27 sentyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [System «science – technologies – innovations»: methodology, experience, prospects. Proceedings of the International scientific-practical conference; 2019 September 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Center for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus; 2016. p. 280–285. Russian.
51. Bochkarev AE. *Semanticheskii slovar'* [The semantic dictionary]. Nizhny Novgorod: DEKOM; 2003. 200 p. Russian.
52. Karaulov YuN, Petrov VV. [From the grammar of text to the cognitive theory of discourse]. In: van Dijk TA. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Petrov VV, compiler; Gerasimov VV, translator. Moscow: Progress; 1989. p. 5–11. Russian.
53. Lebedev SA. *Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya (osnovnye napravleniya, kontseptsii, kategorii)* [The philosophy of science: the concise encyclopedia (the main trends, conceptions, categories)]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2008. 692 p. Russian.
54. Potapova RK. *Novye informatsionnye tekhnologii i lingvistika* [New information technologies and linguistics]. 4th edition. Moscow: KomKniga; 2005. 368 p. Russian.
55. Jewitt C, editor. *The Routledge handbook of multimodal analysis*. 2nd edition. London: Routledge; 2016. 554 p.
56. Geenen J, Norris S, Boonyalakha M. Multimodal discourse analysis. In: *The international encyclopedia of language and social interaction. Volume III*. Tracy K, editor. Singapore: Wiley Blackwell; 2015. p. 1037–1053.
57. Bateman JA. Multimodal corpus-based approaches. In: Chapelle CA, editor. *The encyclopedia of applied linguistics. Volume VII (Mu-Pr)*. Chichester: Wiley Blackwell; 2013. p. 3983–3991.
58. Norris S. Multimodal interaction analysis. In: Chapelle CA, editor. *The encyclopedia of applied linguistics. Volume VII (Mu-Pr)*. Chichester: Wiley Blackwell; 2013. p. 3996–4001.
59. O'Halloran KL, Bradley AS. Multimodal text analysis. In: Chapelle CA, editor. *The encyclopedia of applied linguistics. Volume VII (Mu-Pr)*. Chichester: Wiley Blackwell; 2013. Chichester: Wiley Blackwell; 2013. p. 4124–4129.
60. Shcherbin VK. [The semiotisation of scientific communication technologies as the global trend]. In: Samusevich OM, Zubchenok NA, Ivchenkov VI, Lebedeva EV, Sidorskaya IV, Sluka OG, et al., editors. *Korporativnye strategicheskie kommunikatsii: trendy v professional'noi deyatel'nosti. Materialy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 8–9 oktyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [The corporative strategic communications: trends in professional activity. Proceedings of 3rd international scientific-practical conference; 2020 October 8–9; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Universtiry; 2020. p. 89–93. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.06.2021.
Received by editorial board 07.06.2021.

УДК 316.25

ФИЛОСОФИЯ НАРОДНИЧЕСТВА В РАБОТЕ СОЦИОЛОГА: ПАМЯТИ ИРИНЫ АЛЬБЕРТОВНЫ ХАЛИЙ (1950–2020)

М. А. ПОДЛЕСНАЯ¹⁾

¹⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
ул. Большая Андроньевская, д. 5, корп. 1, 109544, г. Москва, Россия

В память о российском социологе И. А. Халий, известной работами в области гражданского общества, инвайро-ментальной социологии, местных сообществ, общественных движений и некоммерческих организаций, исследуется философия народничества, активно использовавшаяся ученым. Анализ представлен двумя этапами. На первом – выделяются основные взгляды народников, описываются направления, которые затрагивала народническая мысль: человек и его природа, солидарность и признаки общественной жизни, учение о человеческих потребностях, методы и методология общественных наук, «философия действия» как исследовательская позиция. На втором этапе выясняется, как взгляды народников отразились в работе И. А. Халий, какое преломление и звучание они приобрели спустя век с точки зрения практического применения. Философия народничества представлена не как явление прошлого, а как явление настоящего, особенно актуальное в ситуации системных кризисов и необходимости их оценки, в том числе интеллектуалами и представителями интеллигенции.

Ключевые слова: философия народничества; русская интеллигенция; история современной российской социологии; И. А. Халий; концепция «актуализированная ценность».

THE PHILOSOPHY OF POPULISM IN THE WORK OF A SOCIOLOGIST: IN MEMORY OF IRINA ALBERTOVNA KHALIY (1950–2020)

M. A. PODLESNAIA^a

^aInstitute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
5 Bol'shaya Andron'evskaya Street, 1 building, Moscow 109544, Russia

In memory of the Russian sociologist I. A. Khaliy, known for her research in the field of civil society, environmental sociology, local communities, social movements and non-profit organisations, the article analyses the philosophy of populism, which was actively used by the sociologist in her research. The analysis is built in two stages. The first one is based on highlighting the main views of the populists and their subsequent criticism, with access to a number of areas that were affected by populist thought, such as man and his nature, the question of solidarity and signs of social life, the doctrine of human needs, methods and methodology of social sciences, philosophy of action as a research position. The second stage is a comparative analysis, as a result of which it is considered how the views of the populists were reflected in the work of I. A. Khaliy, what refraction and sound they acquired a century later from the point of view of practical application. The work is all the more interesting because it gives an idea of the philosophy of populism not as an obsolete phenomenon of the past, but as a phenomenon of the present, which turns out to be especially relevant in a situation of systemic crises and their assessment, including by intellectuals and representatives of the intelligentsia.

Keywords: philosophy of populism; Russian intelligentsia; history of modern Russian sociology; I. A. Khaliy; the concept of «actualised value».

Образец цитирования:

Подлесная МА. Философия народничества в работе социолога: памяти Ирины Альбертовны Халий (1950–2020). Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021;4:26–31.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-26-31>

For citation:

Podlesnaia MA. The philosophy of populism in the work of a sociologist: in memory of Irina Albertovna Khaliy (1950–2020). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;4:26–31. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-26-31>

Автор:

Мария Александровна Подлесная – кандидат социологических наук; старший научный сотрудник.

Author:

Mariia A. Podlesnaia, PhD (sociology); senior researcher.
yatar@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2159-4958>

Введение

Как пишет известный специалист в области русской философии М. А. Маслин, сегодня именно народничество является тем течением, которое находится в полузабытом состоянии и требует возрождения. Народничество должно выйти из забвения не только по причине того, что во многом именно оно сформировало ментальность русской интеллигенции, но и потому, что народники одними из первых в России актуализировали такие вопросы, как теория кооперации, благополучие народного хозяйства, экономика в условиях импортозамещения и др. [1, с. 172]. Напомним, что народничество, как философское и общественное движение, направленное на сближение интеллигенции с простым народом, сформировалось в России в период реформ 1860–1910-х гг.

В условиях внешнеэкономического давления со стороны Запада, непрекращающихся санкций, с которыми столкнулась Россия в последние годы, за-

метного расслоения общества и множащихся в связи с этим социальных проблем сегодня весьма полезно вспомнить о философии народничества. А вместе с тем и о российском социологе Ирине Альбертовне Халий (1950–2020), которая одной из первых в современной России осознала потребность в обращении к идеям народничества, сделав их частью своей социологической работы и инструментария [2]. Это касалось не только определенного фокуса исследования, сосредоточенного на локальности и местных сообществах, но и позиции ученого, действующего прежде всего как практик, а не как теоретик.

Подход И. А. Халий во многом созвучен подходам таких представителей народничества, классиков русской социологии, как П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, П. А. Кропоткин и др. Проведем анализ их взглядов в области философии народничества, выделяя вклад выдающегося ученого И. А. Халий.

Материалы и методы исследования

В качестве основных объектов анализа используются работы как самих народников, их биографов, философов и историков народничества, так и труды И. А. Халий, написанные в разные годы.

Как справедливо замечает М. А. Маслин, в ранние советские годы философия народничества не только подвергалась критике, в том числе В. И. Лениным, но и рассматривалась как оппозиционная марксистско-ленинской философии. Поэтому первые серьезные работы о народничестве и народниках появились в 1970-х гг. В данном контексте в первую очередь следует упомянуть монографию В. В. Богатова о П. Л. Лаврове, вышедшую в 1972 г. и удостоенную серебряной медали ВДНХ [3]. В том же, 1972, году увидела свет первая книга по философии народничества, теории социальной революции В. А. Малинина «Философия революционного народничества», содержащая довольно полный анализ идей народников.

В настоящее время идеи народничества, как и явление русской философии в целом, продолжают изучаться на кафедре истории русской философии в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова под руководством ее заведующего доктора философских наук М. А. Маслина [4].

В 2009 г. вышла книга доктора исторических наук В. В. Зверева «Русское народничество» [5], специализирующегося на данной тематике и активно занимающегося историческим анализом формирования

народничества, его периодизацией и особенностями каждого этапа [6]. В этом направлении он продолжает дело Б. П. Козьмина, начавшего изучение народнического движения и его неоднородность в разные годы. В работах В. В. Зверева представлена подробная оценка того, как и кем исследовалось народничество в СССР [7].

Последние годы философия народничества особенно активно рассматривается молодым автором А. Ю. Вязинкиным, который специализируется на творчестве Н. К. Михайловского [8] и идее суверенной личности в трудах народников [9]. Философия народничества вызывает также интерес за рубежом, например среди сотрудников Прешевского университета. Так, одна из последних работ словацкого философа О. Мархевски посвящена интереснейшему вопросу о совмещении теории и практики в исследовании, анализу дискурсов «кабинета» и «улицы», изложенному в трудах П. Л. Лаврова [10].

Особенностью нашей работы является то, что мы намеренно уходим от подробного исторического или философского анализа идей народничества, оставляя его узким специалистам и останавливаясь на преломлении философии народничества в социологии и работе социолога. Мы проводим именно социологический анализ и пытаемся выяснить, насколько идеи народников применимы в современных социологических исследованиях.

Результаты и их обсуждение

Человек и его природа. Солидарность. Сегодня эта тема остро стоит перед социологами. Как считали народники, природа человека не является злой, ведущей к войне всех против всех, напротив, утверждалось, что «общественность [солидарность]

заложена в человеке изначально, и она – в его биологической природе» [11, с. 105]. Для народников солидарность становится одним из основных предметов изучения и благодаря критическому подходу понимается иначе, чем было принято в то время

в широких кругах, попавшим под влияние дарвинистской теории. П. Л. Лавров, например, настаивал на том, что солидарность является более высокой степенью взаимодействия между людьми, нежели борьба за существование [11, с. 106]. П. А. Кропоткин утверждал, что не борьба за «существование, а взаимная помощь является фундаментальным законом природы» [11, с. 108], более того, сама практика взаимопомощи создала и продолжает создавать общественную жизнь [12, с. 297].

Говоря о солидарности как о естественной основе общественной жизни, народники большое внимание уделяли индивидуализму, понимая под ним «осуществление общего блага с помощью личных стремлений», и общественным интересам, трактуя их как реализацию «личных целей в общественной жизни» [11, с. 116]. Таким образом, индивидуализм рассматривался через призму не столько утилитаризма, сколько разумного эгоизма, что определяло согласованность между интересами общества и индивида. В свою очередь, общество и индивид не выступали как взаимоисключающиеся, а напротив, как достигающие баланс интересов. Это представление тем более важно, чем дальше мы уходим от понимания общества как общего для всех пространства, лишённого кастового разделения.

В своих поездках по российским регионам И. А. Халий не раз сталкивалась именно с той формой солидарности, о которой писали в свое время народники, наблюдая гораздо чаще сплоченность и объединение людей, чем их вражду. В трудных климатических и природных условиях, в которых находится большая часть России, как отмечала И. А. Халий, сложно быть в состоянии войны и конкуренции, гораздо более важной становится взаимовыручка. В этом ее взгляды созвучны позиции П. А. Кропоткина, который, говоря о развитии, ставил географические и исторические условия выше экономических и подчеркивал зависимость последних от первых.

По причине народнического понимания солидарности И. А. Халий и патриотизм мыслила как объединяющее врожденное чувство [13, с. 67], испытываемое не только к большой, но и к малой Родине.

Теория факторов и человеческих потребностей. Еще одной важной темой народников было рассмотрение причин формирования общества как единого целого. В этом смысле они также противостояли привычному для них общественному мнению, объясняющему все через религиозную призму, духовность. В среде народников возникли своя теория факторов и свое учение о человеческих потребностях, которые, как подчеркивал П. Л. Лавров, являются основными элементами объединения людей в общности. Именно испытываемые людьми потребности подталкивают их к слиянию, создают прецедент общественного начала.

П. Л. Лавров является тем автором, который наиболее полно изложил теорию факторов, выделив три группы потребностей, идя от первичных (личных) к вторичным (общественным), от бессознательных к сознательным, от природных к идеальным [14]. Последние могут быть как созидающими нечто новое, устремляющимися к общественному идеалу, так и возникающими из эгоистичных расчетов. В определенном смысле народники были предтечей ставшей популярной затем во всем мире пирамиды потребностей Маслоу.

При этом важно отметить, что народники, будучи сторонниками плюралистической концепции факторов, не выдвигали какой-то один фактор в качестве ключевого, за что были критикуемы В. И. Лениным и прочими марксистами. Говоря об общественной жизни как о целостности, где лишь изучение совокупности всех факторов позволяет понять общество, народники выступали предвестниками ныне популярного системного анализа и подхода.

Генератором потребностей (главного элемента любого объединения), с точки зрения народников, всегда был и остается человек, а не системы, которые по какой-то причине стали в дальнейшем рассматриваться почти как самостоятельные сущности, не зависящие от действий человека. Особенно это касается технологических систем и технологий в целом. В работах современных философов и социологов они хоть и рассматриваются в антропологическом контексте, но трактуются в последовательности того, что человек – продолжение и придаток технологии и машины (Ж. Делез, Б. Латур). Таким образом, несмотря на приверженность гуманизму, высказывается антигуманистическая позиция.

Конечно же, народники не были свидетелями того технического прогресса, затрагивающего все области жизни, который наблюдаем сегодня мы, но они застали расцвет промышленной революции и ее технических достижений. Поэтому учение о человеческих потребностях, предложенное народниками, остается актуальным до тех пор, пока человек существует как вид и остается импульсом ко всему живому и неживому.

И. А. Халий, часто встречаясь и беседуя с людьми на местах, хорошо понимала, что работа любой системы – дело рук человека, его потребностей. Тем не менее столь простая и очевидная мысль требовала обоснования и подтверждения в научных кругах и диспутах. Поэтому в своей аргументации ей часто приходилось обращаться к мысли о том, что ни один институт не действует сам по себе и в его основе всегда лежат потребность человека и его действие. В действительности, плохо понимая потребности человека, мы плохо понимаем и работу организаций, институтов. Именно поэтому основными в ее интервью всегда оставались вопросы о потребностях, нуждах, которые человек испытывает, что поз-

воляло выяснить и причины невозможности их осуществления. В разных социальных группах обнаруживались свои нужды и недостатки, только сопоставление их друг с другом давало возможность понять природу возникавших противоречий. Например, это касалось государственной молодежной политики, которая в анализе И. А. Халий из документов превращалась в конкретные практики, действующие в регионах, и в неутешительные выводы о реальных потребностях и возможностях российской молодежи и их несоответствии по отношению к заявленной государством стратегии и интересам чиновников. Последняя работа социолога была посвящена именно этой теме [15].

В своем стремлении разобраться, что же является первичным в изучении общества, индивидуальное сознание или объективные экономические отношения, народники опирались на формы сознания, в частности морального сознания. Будучи атеистами и избегая религиозности как тормозящих научное мышление установок, народники все же не стали материалистами (за исключением, может быть, П. Н. Ткачёва, видевшего в экономическом расчете причину общественного развития), оставляя приоритет за нравственным выбором в поступках человека. Удивительно, но работа И. А. Халий последних лет посвящена именно вопросам ценностей, культурных традиций и этических установок [16; 17]. В результате в ее исследованиях появилось понятие «актуализированная ценность» [16], позволяющее отделять декларирующего о своих ценностях индивида от действующего, актуализирующего свои ценности собственным примером, образом жизни. Таким образом, стало возможным отличать актора от имитатора [2, с. 41].

Необходимо подчеркнуть, что для народников принципиально важно было уйти как от идеологического (в гегелевском понимании влияния объективного духа на мир), так и теологического рассмотрения связи индивида и общества. На это опирается тезис о том, что общество – «подлинно естественный образ существования людей» [11, с. 129] и именно живая личность из плоти и крови со своими нравами, обычаями, привычками осуществляет его формирование. Личность для народников свята и неприкосновенна, такой же подход можно заметить в работах И. А. Халий, которая обращена к живому человеку и его повседневной, бытовой жизни.

Субъективизм, который был присущ народникам и впоследствии стал предметом острой критики народничества, во многом был связан с отстаиванием суверенитета личности перед обществом, а также с несколько идеалистическим представлением о том, что подлинной личностью является та, которая способна развить в себе понимание общественных интересов, являющихся в то же время и ее интересами. Этот идеал, как можно заметить даже при беглом

взгляде на окружающую действительность, не всегда достижим, особенно в том обществе, где потребность к объединению людей исключается необходимостью конкурировать и жить, потребляя. Данное противоречие народники пытались решить с помощью понятий труда, трудовой личности и народа, считая благо народа превалирующим над национальными интересами.

В работах И. А. Халий, на наш взгляд, понятия народа и его блага также имели место, поэтому государственный и национальный интересы оставались где-то в стороне, как чуждые нуждам и чаяниям народа. Будучи человеком общественного блага, она довольно критически относилась к современному обществу и государству.

«Философия действия» народников. Как известно, философия народничества основывалась прежде всего на представлении о самой философии как о теоретическом инструменте, способствующем человеческой деятельности, как о «философии действия», «системе практической деятельности» [11, с. 12]. Отсюда – во многом критическое отношение к абстрактным философским направлениям, лишенным возможности практического применения.

Особенно много внимания этому вопросу уделяли П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский. Последний и вовсе вошел в историю социологии как теоретик субъективного метода, озвучивший проблему субъективности в общественных науках и попытавшийся ее решить. Безусловно, столь смелая задача не могла не вызвать критику, в том числе его сторонников, революционных народников, в частности П. Н. Ткачёва, М. А. Бакунина, С. Н. Южакова и др.

В качестве основного методологического принципа Н. К. Михайловский предлагал сочетать теоретический реализм и практический идеализм, предполагая, что, глядя на действительность трезво, реалистично, можно увидеть в ней неприглядные стороны, в результате чего и должен возникнуть идеал и его понимание, т. е. то, что отлично от действительности. Именно целесообразность и телеологические представления, столь нехарактерные для естественных наук, по мнению Н. К. Михайловского, являются особенно необходимыми для общественных наук. В итоге допускается мысль о том, что «социология должна начать с некоторой утопии, т. е. с разработки понятий об общественном идеале» [11, с. 139]. В этом смысле социолог выступает как проектировщик и организатор будущего. Он сам должен обладать идеалом справедливости и нравственности.

Теоретический реализм, на взгляд Н. К. Михайловского, может быть достигнут за счет погружения исследователя в жизнь народа, принятия человека таким, каков он есть, в результате умения «переживать чужую жизнь, сочувствовать человеческому в человеке» [11, с. 140]. Безусловно, подобный опыт становится

возможным, если исследователь максимально близко приближается к изучаемому субъекту, воспринимает его боль и радость как свои. Кроме того, социолог, в отличие от естествоведов, является частью общественной жизни и знает о ней в том числе из своего опыта, который в определенном смысле нельзя отбрасывать, понимая общество и через собственную субъективность. Понятно, что в век популярности позитивизма и сциентистского обоснования социологии подобные тезисы не могли не вызвать противоположной аргументации. Вместе с тем время показало, что подобный метод имеет право на существование, более того, он нашел отражение как в качественной методологии, так и в подходах к исследованию, в частности в популярной ныне автоэтнографии.

В исследованиях И. А. Халий придерживалась, за редким исключением, качественных методов, ис-

пользуя и глубинные интервью, и групповые беседы, и фокус-группы, и наблюдение. Ее осведомленность о том, что происходит в конкретном городе, поселке, поражала. Это достигалось в том числе путем долгого проживания в месте изучения, причем не в гостиницах, а на съемных квартирах, что позволяло погружаться в быт той или иной местности. По факту сбора интервью и проведения информационного поля И. А. Халий всегда обсуждала эти поездки со своим коллективом, пытаясь соотносить полученные результаты и с собственным опытом. При этом ее совсем не смущало, что прочее научное сообщество в своей массе скептически относилось к качественной методологии [18]. Видимо, проблема поиска объективности в том смысле, как ее пытались решить для себя другие социологи, И. А. Халий мало интересовала.

Заключение

Народничество – специфическое русское движение, аналогов которому трудно найти, как и обществу явлению под названием «интеллигенция». Идеи народничества, тесно связанные с великой любовью к народу, служением ему, долгом интеллигенции перед народом, счастьем в жертве, – во многом результат осмысления русской интеллигенцией тех общественных задач и идеалов, которые ставились философами Запада конца XVIII – начала XIX в. И в этом заключается, наверное, главная особенность движения: европейцы писали и вдохновлялись, русские интеллигенты хотели решить проблему справедливости и свободы не только на бумаге, но и претворить идеи в жизнь. По сути, они и были выразителями актуализированной ценности.

Оглядываясь на народников с их серьезной требовательностью к себе и роли интеллигента в об-

ществе, невольно обращаешься к современности, предполагая, что перед нынешней интеллигенцией, скорее всего, стоят совсем другие задачи. Да и сама интеллигенция, являясь еще более неоднородной, приобрела иные черты. Есть ли долг у интеллигенции перед народом в настоящее время, сложный вопрос, ответ на который стоит искать не в одном исследовании.

Но очевидно, что для отдельных представителей интеллигенции, в частности для И. А. Халий, идеи народников, которые были давно и незаслуженно забыты, оказались в определенном смысле ориентирами в мире многочисленных теорий и мнений. Перед И. А. Халий не стоял вопрос о долге интеллигенции, был лишь вопрос о том, как его исполнить, чтобы стать полезной своему народу, науке и Отечеству.

Библиографические ссылки

1. Маслин МА, Меденица В, Сербиненко ВВ, Синеокая ЮВ. Русская философия в России и за рубежом. *Философский журнал*. 2016;9(4):161–175.
2. Аксенова ОВ. Субъект социального действия в современном развитии России: актер, агент, никто? *Вестник Института социологии*. 2020;11(2):37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640.
3. Богатов ВВ. *Философия П. Л. Лаврова*. Москва: МГУ; 1972. 316 с.
4. Маслин МА. Русская философия как диалог мировоззрений. *Вопросы философии*. 2013;66(1):43–48.
5. Зверев ВВ. *Русское народничество*. Москва: Российская академия государственной службы; 2009. 286 с.
6. Зверев ВВ. Реформаторское народничество в отечественной дореволюционной историографии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2008;4:55–71.
7. Зверев ВВ. Драматическая история историографического феномена: как «мирные народники» превратились в «мелкобуржуазных реакционеров». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2009;3:5–22.
8. Вязинкин АЮ. Типы «бунтующего человека» в теории борьбы за индивидуальность Н. К. Михайловского. *Манускрипт*. 2019;12(10):143–146. DOI: 10.30853/manuscript.2019.10.27.
9. Вязинкин АЮ. Социально-экономическое освобождение человека и проблема суверенной личности в философии русского народничества. *Социодинамика*. 2019;10:21–27. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.10.30783.
10. Мархевски О. Взгляд из Словакии на изучение философии русского народничества (П. Л. Лавров: дискурс «кабинета» и дискурс «улицы»). *Философский журнал*. 2021;14(2):153–166. DOI: 10.21146/2072-0726-2021-14-2-153-166.
11. Малинин ВА. *Философия революционного народничества*. Москва: Наука; 1972. 342 с.
12. Кропоткин ПА. *Взаимная помощь как фактор эволюции*. Санкт-Петербург: Знание; 1907. 352 с.
13. Халий ИА. Патриотизм в России: опыт типологизации. *Социологические исследования*. 2017;2:67–74.

14. Лавров ПЛ. *Философия и социология: избранные произведения*. Москва: Мысль; 1965. 2 тома.
15. Подъячев КВ, Халий ИА. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020;20(2):263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276.
16. Халий ИА, редактор. *Актуализированные ценности современного российского общества*. Москва: Институт социологии РАН; 2015. 273 с.
17. Аксенова ОВ, редактор. Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций [Интернет]. 2017 [протитировано 25 октября 2021 г.]. Доступно по: https://www.isras.ru/files/File/publ/Assimetriya_zhizni_sovrem_ros_obschestva_2017.pdf.
18. Халий ИА. Нетрадиционные методы качественных исследований. В: Горшков МК, редактор. *Россия реформирующаяся: ежегодник. Выпуск 16*. Москва: Новый Хронограф, 2018. с. 266–289.

References

1. Maslin MA, Medenitsa V, Serbinenko VV, Sineokaya YuV. Russian philosophy in Russia and abroad. *Philosophy Journal*. 2016;9(4):161–175. Russian.
2. Aksenova OV. Social action agent in Russia's current development: actor, function performer, nobody? *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2020;11(2):37–53. Russian. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640.
3. Bogatov VV. *Filosofiya P. L. Lavrova* [Philosophy of P. L. Lavrov]. Moscow: Moscow State University; 1972. 316 p. Russian.
4. Maslin MA. [Russian philosophy as a dialogue of worldviews]. *Voprosy filosofii*. 2013;66(1):43–48. Russian.
5. Zverev VV. *Russkoe narodnichestvo* [Russian populism]. Moscow: Rossiiskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby; 2009. 286 p. Russian.
6. Zverev VV. The image of reformative populism (Narodnichestvo) in the works of Russian pre-revolutionary historians. *RUDN Journal of Russian History*. 2008;4:55–71. Russian.
7. Zverev VV. The image of reformative populism (Narodnichestvo) in Russian historiography from the 20s years of the 20th to the beginning of the 21st. *RUDN Journal of Russian History*. 2009;3:5–22. Russian.
8. Vyazinkin AYU. «Rebellious human» in N. K. Mikhaylovsky's theory of struggle for individuality. *Manuskript*. 2019; 12(10):143–146. Russian. DOI: 10.30853/manuskript.2019.10.27.
9. Vyazinkin AYU. Socioeconomic liberation of a person and the problem of sovereign identity in the philosophy of Russian populism. *Sotsiodinamika*. 2019;10:21–27. Russian. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.10.30783.
10. Marchevsky O. A view from Slovakia on the study of Russian philosophical narodism (P. L. Lavrov: the discourse of a study and the discourse of a street). *The Philosophy Journal*. 2021;14(2):153–166. Russian. DOI: 10.21146/2072-0726-2021-14-2-153-166.
11. Malinin VA. *Filosofiya revolyutsionnogo narodnichestva* [The philosophy of revolutionary populism]. Moscow: Nauka; 1972. 342 p. Russian.
12. Kropotkin PA. *Vzaimnaya pomoshch' kak faktor evolyutsii* [The mutual assistance as a factor in evolution]. Saint Petersburg: Znanie; 1907. 352 p. Russian.
13. Khaliy IA. Patriotism in the Russian: typology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017;2:67–74. Russian.
14. Lavrov PL. *Filosofiya i sotsiologiya: izbrannye proizvedeniya* [Philosophy and sociology: selected works]. Moscow: Mysl'; 1965. 2 volumes. Russian.
15. Podyachev KV, Khaliy IA. The state youth policy in contemporary Russia: concept and realities. *RUDN Journal of Sociology*. 2020;20(2):263–276. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276.
16. Khaliy IA, editor. *Aktualizirovannye tsennosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Actualised values of modern Russian society]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2015. 273 p. Russian.
17. Aksenova OV, editor. Asymmetry of the life of modern Russian society: the ratio of traditions and innovations [Internet]. 2017 [cited 2021 October 25]. Available from: https://www.isras.ru/files/File/publ/Assimetriya_zhizni_sovrem_ros_obschestva_2017.pdf. Russian.
18. Khaliy IA. [The non-traditional methods of qualitative research]. In: Gorshkov MK, editor. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik. Vypusk 16* [Russia reforming: yearbook. Issue 16]. Moscow: Novyi Khronograf; 2018. p. 266–289. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.11.2021.
Received by editorial board 28.11.2021.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 323.1

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В РОССИИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

В. В. ШИМОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются особенности эволюции цивилизационного подхода в России, а также исторические этапы становления цивилизационного подхода в русской политической мысли, начиная с дореволюционных времен и заканчивая постсоветским периодом. Анализируются работы Н. Я. Данилевского, Л. Н. Гумилёва, А. Г. Дугина, В. Л. Цымбурского. Делается вывод о том, что цивилизационный подход в России оказался особенно востребован в силу специфического характера отношений России с западным миром и в рамках дискуссии о принадлежности России к европейской цивилизации. В перспективе мир-системного анализа развитие цивилизационной парадигмы в России было обусловлено ее нахождением на полупериферии капиталистической мир-системы, что всегда осложняло взаимоотношения со странами Запада, входящими в мир-системное ядро. Полученные выводы могут быть использованы в рамках исследований процессов становления национальной и социокультурной идентичности на постсоветском пространстве, а также в преподавании дисциплин социогуманитарного блока (политология, история политических учений).

Ключевые слова: цивилизация; цивилизационный подход; варварство; Россия; Европа; Азия.

Образец цитирования:

Шимов ВВ. Цивилизационный подход в России и его историческая эволюция. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;4:32–38 (на англ.). <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-32-38>

For citation:

Shimov VV. Civilisation approach in Russia and its historical evolution. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;4:32–38. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-32-38>

Автор:

Всеволод Владимирович Шимов – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vsevolod V. Shimov, PhD (political science), docent; associate professor at the department of political science, faculty of law.
vs.shimoff@gmail.com

CIVILISATION APPROACH IN RUSSIA AND ITS HISTORICAL EVOLUTION

V. V. SHIMOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the features of the evolution of the civilisational approach in Russia. The historical stages of the formation of the civilisational approach in Russian political thought, starting from the pre-revolutionary times and ending with the post-Soviet period, are considered. The works of N. Danilevsky, L. Gumilyov, A. Dugin, V. Tsymbursky are analysed. It is concluded that the civilisational approach in Russia was especially in demand due to the specific nature of Russia's relations with the Western world and within the discussion about Russia's belonging to European civilisation. In the perspective of the world-system analysis, the development of the civilisational paradigm in Russia was due to its being on the semi-periphery of the capitalist world-system. It has always complicated relations with the Western countries belonging the world-systemic core. The findings can be used within the study of the processes of formation of national and sociocultural identity in the post-Soviet space, as well as in teaching disciplines of the socio-humanitarian block (political science, history of political doctrines).

Keywords: civilisation; civilisational approach; barbarism; Russia; Europe; Asia.

The civilisational development of the modern world remains one of the main problems of social science. The dispute about the unity and plurality of ways of modern mankind development brings us back to the old question of the unity of human civilisation. The linear-universalist model of social evolution that emerged in the West in the modern era remained the dominant scientific paradigm for a long time. Its opposition was the civilisational approach, which affirms the plurality of paths of social evolution and the plurality of human civilisations localised in different regions of the planet. The dispute between these two paradigms, as well as attempts to reconcile them [1; 2], continue.

Within this article, the evolution of the civilisational approach in Russia will be considered, which can be considered, without exaggeration, the birthplace of this paradigm, and where the civilisational approach still remains an important part of the socio-political discourse.

The demand for a civilisational approach in Russia is due to the specific refraction in Russian culture of the very concept of «civilisation», which arose to designate the West as the most progressive community that stands at the forefront of human development. This idea has received a number of interpretations, either suggesting the pulling up of the remaining communities to the level of an avant-garde civilisation, or denying them such an opportunity. In any case, the idea of a progressive civilisation assumed the ranking of ethnocultural groups according to the level of development, and also formed the prestige of this civilisation, not only in its own eyes, but also in the eyes of so-called backward groups. That is why even the various so-called national liberation movements of the 20th century, which criticised Western «imperialism» and colonial practices, nevertheless existed in the logic of catch-up development and were focused on copying the social institutions and cultural paradigms of the West.

Ranking societies as «advanced» and «backward» inevitably presupposed defining the boundaries between

«civilisation» and «barbarism»: which groups should be considered as «civilised» and which – as «backward»? Within the colonial empires (and especially after their collapse), this border between the European metropolises and colonies was clearly marked by geographical distances and barriers, ethnocultural, linguistic and anthropological («racial») differences. In addition to Europe, the concept of «civilisation» («West») also included zones of predominantly Anglo-Saxon colonisation in North America, Australia and New Zealand, where the living standards of «civilised societies» were reproduced, and in the case of the United States, it was promoted to leading roles within the Western world.

However, the definition of the border of «civilisation» in the Eastern Europe met with serious difficulties. Actually, the definition of the «borders of Europe», even in a purely geographical sense, is very problematic, since the very notions of «Europe» and «Asia» as separate entities emerged rather due to a curiosity. This was the name of the parts of the world, located respectively to the west and east of the Aegean Sea, by the ancient Greeks, who believed that along their entire length these two land masses were separated by water. Subsequently, when it became clear that to the north of the Sea of Azov there were no natural boundaries, the division into Europe and Asia acquired a conditional character. By the Modern Times the concept of «Europe» increasingly acquired not a geographical, but a socio-cultural meaning, denoting a community of «Civilised peoples». The concept of Asia underwent a similar metamorphosis, which, on the contrary, became a designation for the «barbarian peoples» living to the east of Europe. But to determine where this border lies between «civilisation» and «barbarism», West and East, Europe and Asia, turned out to be a task as intractable as drawing a purely geographical border between these conventional parts of the world.

The absence of a clear geographical border is aggravated by the absence of the same socio-cultural border

between «Europe» and «Asia», between which emerges a vast space, which population, both anthropologically and culturally, is close to the «civilised world» of western Europe, but in social terms it bears an imprint of backwardness and «barbarism». The process of understanding by the Western «civilised world» of this peculiar region is described in the famous book by Larry Wolf «Inventing Eastern Europe» [3].

Within the world-systems approach, the backwardness of «Eastern Europe» is explained by the fact that this region found itself in the zone of peripheral development of the capitalist world-system, having occupied a position subordinate to the interests of the «core» countries. In particular, this is why many archaic social practices (landlordism, «second edition of serfdom») were conserved here, which, with their visible archaism, made it possible to effectively extract the resources necessary for the «center» from here. The dependent position in the world-system turned into a prolonged, virtually colonial dependence of the region – a kind of land colonial empire that controlled a large part of «Eastern Europe» was Austria, where there was an indicative saying that Asia begins outside the eastern gates of Vienna.

On the other hand, it is Eastern Europe that has always been considered as the first candidate for pulling up to the level of the «civilised world» and full-fledged entry into it. This region became one of the pioneers of decolonisation and the building of new nation-states, and the entry of Eastern European countries into the EU became a symbol of their «return to civilisation».

Russia in Modern Times found itself in a position even more ambiguous than the rest of Eastern Europe. On the one hand, Russia is perceived as the most eastern, and hence the most «barbaric» part of «Europe», the very «Europeanness» of which turns out to be the most problematic. In the Middle Ages, the border of Europe was usually drawn along the Don or the Dnieper, and most of «Muscovy» was beyond its borders. Therefore, it is no coincidence that under Peter the Great and his successors, efforts were made to consolidate a new understanding of the geographical borders of Europe – along the Ural Mountains, which were then perceived as the eastern border of «proper» Russia. On the other hand, New Times Russia is the largest, most populated and politically strong (and in some periods the only independent) country of «Eastern Europe», which could not be content with the role of «just» the periphery of the West. Again, from the point of view of the world-systems analysis, countries like Russia are defined as «semi-peripheral», i. e. occupying an intermediate position between the developed countries of the «center» and «periphery» of the world-system, combining the features of «progressive» development and «backwardness». With regard to Russia, this phenomenon was considered within B. Kagarlitsky's research «Peripheral Empire» [4]. According to Kagarlitsky, in Russia in Modern Times a generally peripheral, dependent model of the economy has developed, focused on serving the

interests of the countries of the «center» (first of all, the supply of raw materials – from grain and hemp to oil and gas in different eras). However, while the classical incorporation into the periphery of the world-system was carried out through colonial conquests and political subordination of the «embedded» territories, then in Russia the peripheral economic model was combined with the formation of a strong imperial-type statehood, which allowed it to claim equal status with the powers of the «center». The specificity of the «Russian model» (both pre-Soviet and post-Soviet periods) is that «native» state was engaged in «colonisation» in the interests of the «center». Despite the dependent character of the economy, permanent technological backwardness and the preservation of the features of the social archaic, at the same time it had the potential for territorial expansion, colonial conquests and other forms of building its own sphere of influence, competing with the powers of the «center».

Thus, Russia in Modern Times was a society culturally close to Europe and connected with it by close political and economic ties. At the same time, it did not fit in many parameters into the concept of «European civilisation». This duality predetermined the deep inner contradiction of Russian culture and political consciousness.

On the one hand, the experience of Russia's «backwardness» from the West resulted in a kind of inferiority complex widespread among the Russian intellectual elite. Under the influence of this complex, a whole discourse has developed, which can be collectively designated as Westernism (Zapadnichestvo). For the first time «Westerners» (Zapadniki) emerged in the first half of the 19th century within a discussion with the «Slavophiles», and since then the concept of «Westernism» has been assigned to a fairly stable set of mythologems describing Russia's attitude to the Western world. Within this approach, the idea of Russia as a «backward» European country with «deviating» development is being formed. The reasons for this lag are seen in the historical peculiarities associated with the long isolation from the «civilised» world and the barbaric «Asian» influences to which Russia has been subjected. One of the main reasons for Russia's lagging behind in the Westernising myth is seen as the «Mongol yoke», which has led to an economic and cultural lagging behind, as well as the ingraining of political traditions of despotism and the underdevelopment of democratic institutions.

In some versions of Westernism, other features of Russian culture that distinguish it from Western European culture can be named as the reasons for «backwardness». In particular, after Max Weber's work «Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism» appeared, Orthodoxy was often blamed for Russia's lagging behind, which, in contrast to Weber's Protestantism, hindered the development of the entrepreneurial spirit and market economy to which the Western world owes its rise.

In Western logic, the desired development of Russia is seen as catching up, aimed at diligently copying Western socio-political forms and institutions, the elimination of «Asiaticism», which presupposes close integration with the Western world. In extreme forms, this idea presupposes a partial renunciation by Russia of its sovereignty in favour of Western structures, which should take on the functions of «civilising» Russia.

At the same time, the geopolitical and demographic weight of Russia, combined with the growth of the power and capabilities of the Russian state, formed a demand for ideas of greatness and global significance, which naturally came into conflict with the Westernising discourse of Russia as a backward barbarian periphery of Europe. The semi-peripheral status of Russia in the world-system constantly generated a contradiction between the dependent character of the economy and the desire to play the role of an independent and full-fledged «center». We can say that Westernism became an ideological expression of a peripheral, dependent trend in the development of Russia. Therefore, the opposite, conditionally «patriotic» tendency turned out to be directed not only against Westernism, but also against the West as such, which, being the «center» in the world-system, was interested in preserving the semi-peripheral position of Russia.

It is within this «patriotic» discourse that the Russian version of the civilisational approach is being formed. The idea of Russia as a specific civilisation helped to remove the complex of «backwardness» to the West, and cultural features that did not fit into the «European» canon turned into markers of civilisational differences. At the same time, postulating the civilisational independence of Russia, the Russian civilisational approach has always remained within the European and Westernised context. The ideas about the civilisational peculiarity of Russia developed in polemics with Westernism, and the peculiarities of Russian civilisation were realised in constant comparison and opposition with the West. This paradox is easily explained by the specific «under-integration» of Russia into the Western world, which was discussed above. Culturally close to the West and economically connected with it, but at the same time unable to find an acceptable place for itself within it, Russia proclaimed itself a peculiar civilisation, opposing to the West as a civilisational model.

Russian civilisational approach in the 19th and 21st centuries underwent a significant evolution, reflecting the geopolitical and cultural metamorphoses that Russia was experiencing. In pre-revolutionary Russia, the civilisational approach was closely intertwined with Pan-Slavism. This was the time when the predominantly Slavic peoples of the Eastern European periphery were actively seeking political self-determination. Russia, being the largest country with a predominantly Slavic population, tried to use these movements to expand its own sphere of influence. It is in the Pan-Slavic context

N. Danilevsky's theory of cultural and historical types emerged [5], which can be considered the first integral civilisational theory. Cultural and historical types are autonomously developing territorially localised ethnic communities, each of which has its own special and unique historical path. The Slavs, according to N. Danilevsky, represent a separate cultural and historical type, different from the Romano-Germanic, i. e. European. Imitation of Europe («Europeanism»), excessive political rapprochement with it is destructive for the Slavs, and the relationship of the two cultural-historical types is defined as sharply competitive and often hostile. Russia is defined by N. Danilevsky as the core of the Slavic cultural and historical type, around which all other Slavic peoples will have to rally.

The Russian civilisational approach has also always been characterised by an appeal to Orthodoxy as a religious tradition that determines the civilisational originality of Russia. According to N. Danilevsky, Orthodoxy is not just a Russian, but a Slavic religion. The conversion of Western Slavs to Catholicism is perceived by N. Danilevsky as a result of the destructive influence of Western civilisation, and their «return» to Orthodoxy is seen as one of the key tasks of Russia's civilisational mission.

The crisis of Pan-Slavic ideas became noticeable even before the Revolution 1917, when even some Orthodox conservative thinkers (for example, K. Leont'ev [6]) began to express doubts about the civilisational community of European Slavs with Russia. In addition, the liberating pathos of Pan-Slavism turned not only against the non-Slavic «oppressors», but also against Russia itself, primarily in the «Polish question». The struggle of the Poles against Russia also «awakened» the Ukrainian and Belarusian movements, which challenged not only the ideas of Slavic unity under the auspices of Russia, but also undermined the political unity of the state-forming entity – the Russian people, which before the Revolution 1917 meant the entire community of the Eastern Slavs.

Nevertheless, Pan-Slavist ideas remained popular and continued to influence Russian foreign policy until the First World War and the Revolution 1917, which marked the final crash of Pan-Slavism. After that, the Slavic world was fragmented into many conflicting states, and in Russia the Bolsheviks came to power. New Communist power was far from both pan-Slavic issues and the problem of local civilisations as such.

Therefore, the further development of the civilisational approach was associated with the Russian emigration, in which the concept of Eurasianism was born. Eurasianism was the result of disillusionment with Pan-Slavism, as the Eurasians themselves wrote about, criticising Pan-Slavist ideas and opposing them with their own concept of Russia – Eurasia. The image of Russia as a civilisation among the Eurasians is «compressed» to the borders of the Russian Empire and the USSR, which

are described as a natural «development place» of a specific civilisation, which is based on the Russian-Turkic synthesis [7]. The Eurasians turned over the traditional ideas of Russian historiography, presenting the era of the «Mongol-Tatar yoke» as a period of productive synthesis of two Eurasian elements – forest and steppe, Slavs and Turks. In their opinion, it was in this synthesis that the foundations of the Eurasian civilisation were forged. It should be noted that the «Mongol-Tatar yoke» is one of the main negative Westernising myths about Russia, it is with it that Westerners associate its fatal lag and separation from Europe, so this case again clearly shows how close is the connection of the discourse about the civilisational peculiarity of Russia with Westernism and Eurocentrism. Proclaiming an authoritarian ideocratic state as their ideal [8], the Eurasians, again, oppose Russia to the bourgeois-democratic West.

Classical Eurasianism, which emerged at the turn of the 1920s and 1930s, died out rather quickly, but it was revived again, already in the USSR, at the end of the Soviet era, and was associated with the name of L. Gumilyov and his concept of ethnogenesis [9]. L. Gumilyov viewed ethnic groups as natural biological populations, and ethnicity as an innate and unchangeable characteristic of each person. Ethnic groups L. Gumilyov divided into complementary (compatible) and non-complementary (incompatible). Complementary ethnic groups form super-ethnic groups – in fact, analogs of local civilisations. The history of humanity by L. Gumilyov appears as the history of the birth, rise and decline of separate superethnoses. Since L. Gumilyov treats ethnoses and superethnoses in biologising categories, likening them to living organisms, the life cycles of superethnoses are rigid and invariant, with a duration of 1000–1200 years.

L. Gumilyov understands the Russian super-ethnos in the Eurasian spirit as a combination of Slavic and Turkic elements complementary to each other, while Russia is considered as the successor and heir of the empire of Genghis Khan, part of which was the Golden Horde, which conquered northeastern Russia. A rigid authoritarian state is viewed as a Eurasian specificity and «Horde heritage» and is opposed to Western models of a liberal-democratic system. In the opinion of the Eurasians, only such a political structure is capable of tying Eurasia together and meets the interests of the development of all Eurasian peoples.

L. Gumilyov's concept had a certain public resonance at the turn of the 1980s and 1990s, when the USSR was going through an ideological crisis and society was looking for new foundations of its identity. Concepts such as «superethnos» and «passionarity» have come into common use and today continue to be actively used regardless of the original source. At the same time, the obvious scientific inconsistency of the biologising concept of ethnic groups and superethnoses limited the possibilities for the development of Eurasianism on the basis of L. Gumilyov's theory.

Another variation of the Eurasian discourse was the neo-Eurasianism of A. Dugin [10]. This is already a post-Soviet concept aimed at rethinking the place and role of Russia in the world after the collapse of the Communist project. A. Dugin tried to combine Eurasianism with the classical concepts of Western geopolitics based on the confrontation between maritime and continental powers. He understands Russia as a «heartland», «an axis of history» around which the continental forces of Eurasia must rally in their opposition to the «Atlanticists» – the sea powers of the West. A. Dugin breaks with the classical understanding of Eurasia as a «development place» that roughly coincides with the borders of the former USSR. For him, Eurasia is the entire continent, for which Russia plays the role of a pivot, a supporting structure. At the same time, among the «continental» forces, A. Dugin sees the countries of continental Europe, in particular Germany, opposing them to the «Atlantic» powers – Great Britain and the United States.

Eurasian ideas have had a certain impact on the integration processes in the post-Soviet space, in particular, the emergence of the Eurasian Economic Union. In promoting Eurasian ideas, including the L. Gumilyov interpretation, with their emphasis on the significance of the Turkic element, Kazakhstan played an important role, apparently hoping to take the place of an alternative to Russia geopolitical center of the former USSR. The term «Eurasia» or «post-Soviet Eurasia» has also become widespread in Western analytics. However, so far, one can hardly speak of anything more than borrowing the very concept of «Eurasia» to designate a certain geopolitical space, since the Eurasian Economic Union is positioned as a purely economic entity and does not have a distinct ideological dimension.

Perhaps the last iteration of the civilisational approach in Russian political thought to date can be considered the concept of V. Tsymbursky. As Eurasianism at one time arose as a result of disillusionment with Pan-Slavism and in polemics with it, so the doctrine of V. Tsymbursky repels and opposes itself to the previous versions of the civilisational approach.

V. Tsymbursky's concept emerged in the early 1990s, hot on the heels of the collapse of the USSR, and its main task is to «reconcile» Russian society with the new borders in which Russia finds itself. Contrary to the widespread belief that these new boundaries are unfair, V. Tsymbursky argues that it is they that correspond to the natural geopolitical boundaries of the Russian civilisational platform. According to V. Tsymbursky, Russia is not Slavic or Eurasian, but Russian civilisation, i. e. civilisation created by the Russian ethnic groups and determined by the boundaries of their residence. Russia is a geopolitical «island», washed by oceans from the north and east, and surrounded by «strait territories» or limitrophes from the west and south.

The concept of intercivilisational limitrophes plays one of the key roles in V. Tsymbursky's concept. According to his interpretation, the «cores» of civilisations are sur-

rounded by buffer, intermediate territories, the population and culture of which experience the intermittent influences of neighbouring civilisations. As a result, the limitrophes turn out to be «under-integrated» into any civilisation and oscillate between neighbouring civilisational «cores», either joining or exfoliating from them.

The collapse of the USSR and the socialist camp, according to V. Tsymbursky, just meant the exfoliation of the territories-limitrophes from the civilisational core of Russia. The author assesses this positively, since he believes that the retention of the limitrophes by Russia is counterproductive and sucks resources from the main civilisational core.

As for other Russian authors, for V. Tsymbursky, an important topic is the relationship between Russia and Europe. He considers Russia to be an independent, but «contextually linked» civilisation. This means that Russia, being a young and immature civilisation, found itself caught in the gravitational field of a stronger and more developed civilisation – the West. This explains the numerous borrowings and imitations (pseudomorphosis) characteristic of Russian culture. From here comes Russian Westernism and the desire to become a part of the Western world, which V. Tsymbursky defines as «the complex of the abduction of Europe». In geopolitical terms, this determined the desire of Russia to gain direct access to the European civilisational core, which forced it to absorb and hold the limitrophes.

The collapse of the USSR and the socialist bloc, according to V. Tsymbursky, opened up a chance for Russia to get rid of this «complex of abducting Europe» and focus on the development and arrangement of its own civilisational platform. The concept of the «island of Russia» has a clear anti-imperial and isolationist character. An empire focused on keeping the limitrophes exhausts the Russian civilisational core, and the «abduction complex of Europe» forces Russia to participate in the affairs of a foreign (Western) civilisation, again, to the detriment of its own interests. That is why it is in Russia's interests to go beyond the Great Limitrophe (this is how V. Tsymbursky calls the entire set of intercivilisational «straits-territories» enveloping Russia from Eastern Europe to Central Asia), providing guarantees of its neutral status. The neutral Limitrophe, according to V. Tsymbursky, will play the role of a buffer between Russia and the West and ensure the minimum intersection of their mutual interests. Likewise, Russia should minimise its participation in globalisation processes under the auspices of the West.

Very originally V. Tsymbursky solves the problem of the demarcation of Russian and Western civilisations. Despite the Westernising pseudomorphosis of Russia, in his opinion, there is a set of external signs-classifiers, which makes it possible to quite clearly separate the cores of the Russian and European civilisations from each other. V. Tsymbursky, quite traditionally for Russian geopolitical thought, defines Europe as the Romano-Germanic world. In addition, the attributes

of belonging to the West as a civilisation are Latin writing, traditional belonging to Western Christianity (Catholicism, Protestantism), as well as such signs as the prevalence of Gothic architecture. Russian civilisation, respectively, is characterised by the intersection of the signs of Slavic ethnicity, Cyrillic writing and traditional belonging to Orthodoxy. Accordingly, those regions of Eastern Europe where these signs are mixed in one way or another (for example, Slavic ethnicity in combination with Catholicism and Latin writing, Romanesque ethnicity in combination with Orthodoxy, etc.) are limitrophic.

Deeper civilisational differences are hidden behind these external cultural and geographical features. V. Tsymbursky metaphorically defines civilisation as «a special humanity on a special land». What unites people within the local civilisation into a «special humanity»? For this, the concept of a sacred vertical is introduced, which is understood as «religion or ideology that correlates the culture, social practice and geopolitics of a group of peoples with a transcendental higher reality» [11, p. 212]. In other words, the sacred vertical is an ideological construct that allows the civilisational community to realise itself as a special social subject and stand out among other human communities. As a rule, the sacred vertical contains ideas about a certain higher mission to which this civilisation is called. V. Tsymbursky does not reduce the sacred vertical to religion, as S. Huntington does, and notes that it can acquire both religious and secular (ideological) forms or be a mix of both. Moreover, the sacred vertical evolves along with civilisation and can undergo significant metamorphoses, up to a visible break with the previous tradition. As an example, we can cite the spiritual evolution of the West in modern times, when secular concepts based on the ideals of progress and the Enlightenment are replacing the religious worldview. Similarly, the victory of Bolshevism in Russia was also an indicator of the transformation of its sacred vertical.

It is with the development of the sacred vertical, which allows one or another territorially localised community to realise itself as a «special humanity on a special land», V. Tsymbursky connects the emergence of civilisation as such. He attributes the formation of the sacred vertical of Russia to the 16th century and connects it with the doctrine «Moscow is the Third Rome». According to V. Tsymbursky, it was at this time that Muscovite Rus emerged from the shadow of Byzantium and finally acquired subjectivity as a «special humanity» with its own meanings of existence. So late, by historical standards, the formation of Russia's own sacred vertical in Russia allows V. Tsymbursky to define it as a young, retarded civilisation and explain by this its subsequent falling under the influence of Europe and the associated Westernising pseudomorphosis and the «complex of the abduction of Europe».

The concept of V. Tsymbursky shows the breakdown and fatigue from the «imperial burden» after the upheavals of the 20th century and is an attempt to find

a new place for Russia in the world outside the traditional paradigms. It seems that the unrealism of a number of its provisions was obvious already at the time of its creation, in particular, the very possibility of going into deep isolation and hiding from the global world behind a buffer-limitrophe. Nevertheless, it is an important

step in the development of a civilisational approach. The main contribution of V. Tsymbursky can be considered the concept of the sacred vertical on a par with the development of the concept of «peoples between civilisations». The legacy of this author is still awaiting its comprehension.

Библиографические ссылки

1. Данилов АН. Новые геополитические реалии будущей цивилизации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2017;4:4–12.
2. Стёпин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2017;3:6–11.
3. Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения.* Федюкин И, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2003. 560 с.
4. Кагарлицкий БЮ. *Периферийная империя: Россия и миросистема.* Москва: Ленанд; 2018. 456 с.
5. Данилевский НЯ. *Россия и Европа.* Москва: Рипол Классик; 2017. 768 с.
6. Леонтьев КН. *Византизм и славянство.* Москва: Академический проект; 2017. 503 с. (Философские технологии).
7. Савицкий ПН. Евразийство [Интернет; процитировано 10 октября 2021 г.]. Доступно по: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn09.htm>.
8. Алексеев НН. *Русский народ и государство.* Москва: Аграф; 2003. 640 с. (Новая история).
9. Гумилев ЛН. Этногенез и биосфера Земли. [Интернет; процитировано 11 октября 2021 г.]. Доступно по: <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/>.
10. Дугин АГ. *Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат.* Москва: Академический проект; 2015. 359 с. (Gaudeamus).
11. Цымбурский ВЛ. *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы.* Москва: РОССПЭН; 2007. 544 с. (Политология России).

References

1. Danilov AN. New geopolitical realities of future civilization. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2017; 4:4–12. Russian.
2. Stepin VS. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2017;3:6–11.
3. Wolff L. *Inventing Eastern Europe: the map of civilization on the mind of the Enlightenment.* Stanford: Stanford University Press; 1994. 436 p.
- Russian edition: Wolff L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya.* Fedyukin I, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2003. 560 p.
4. Kagarlitskii BYu. *Periferiinaya imperiya: Rossiya i mirosistema* [Peripheral empire: Russia and the world system]. Moscow: Lenand; 2018. 456 p. Russian.
5. Danilevskii NYa. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Ripol Classic; 2017. 768 p. Russian.
6. Leont'ev KN. *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantism and Slavism]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2017. 503 p. (Filosofskie tekhnologii). Russian.
7. Savitskii PN. Eurasianism [Internet; cited 2021 October 11]. Available from: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn09.htm>. Russian.
8. Alekseev NN. *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf; 2003. 640 p. (Novaya istoriya). Russian.
9. Gumilev LN. Ethnogenesis and biosphere of the Earth [Internet; cited 2021 October 11]. Available from: <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/>. Russian.
10. Dugin AG. *Voina kontinentov. Sovremennyyi mir v geopoliticheskoi sisteme koordinat* [War of the continents. The modern world in the geopolitical coordinate system]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2015. 359 p. (Gaudeamus). Russian.
11. Tsymburskii VL. *Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty* [Island Russia. Geopolitical and chronological works]. Moscow: ROSSPEN; 2007. 544 p. (Politologiya Rossii). Russian.

Received by editorial board 22.11.2021.

СТОЛЕТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ И ПЕРСПЕКТИВА СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Анализируются основные направления и пути китайской модернизации, а также особенности противостояния ей США. Делается вывод о том, что успех социализма с китайской спецификой создает мировую ситуацию, в которой на новых социально-экономических цивилизационных основах может быть образовано общество социалистической направленности. Отмечается, что Дэн Сяопин, являясь только председателем Военного совета Центрального комитета Коммунистической партии Китая, руководил процессом китайской модернизации, которая вывела страну на передовые рубежи научно-технического и социального прогресса. Утверждается, что в основе китайского успеха лежит ленинская формула нэпа: использование частного предпринимательства под контролем социалистического государства в целях ускоренного накопления общественного богатства в размерах, необходимых для удовлетворения основных жизненных потребностей граждан. Путь Китая был сопряжен со многими неудачными и трагическими экспериментами, поэтому нынешний социально-экономический цивилизационный рывок является беспрецедентным событием в мировой истории. Отмечается, что реализация целей и задач столь глобального масштаба способна произвести серьезные изменения в миропорядке, но требует и новой политической философии. Успех социализма с китайской спецификой как внутри страны, так и в программах поддержки прогрессивного развития других государств, готовых к сотрудничеству, позволяет дать осторожную оптимистическую оценку китайской перспективе. Сегодня она представляет явную угрозу задачам и целям американского господства в мире.

Ключевые слова: модернизация; американо-китайское противостояние; новый миропорядок; социализм с китайской спецификой.

CENTURY OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA AND THE PERSPECTIVE OF SOCIALISM WITH A CHINESE SPECIFICITY

I. I. ANTONOVICH^a

^aIndependent researcher, Moscow, Russia

The article analyses the main directions and paths of Chinese modernisation, the features of the US' opposition to it, it is concluded that the success of socialism with Chinese characteristics creates a new world situation in which new socio-economic civilisational foundations can create a society of socialist orientation. It is noted that Deng Xiaoping, without holding any government posts, being only the chairman of the CPC Central Committee's Defense Committee, led the process of Chinese modernisation, which brought China to the forefront of scientific, technological and social progress in the world. The author argues that the basis of Chinese success is the Leninist formula of the NEP – the use of private entrepreneurship under the control of a socialist state in order to develop at an accelerated rate of social wealth in the amount necessary to

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Столетие Коммунистической партии Китая и перспектива социализма с китайской спецификой. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;4:39–49.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-39-49>

For citation:

Antonovich I. Century of the Communist Party of China and the perspective of socialism with a Chinese specificity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021; 4:39–49. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-39-49>

Автор:

Иван Иванович Антонович – академик Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор.

Author:

Ivan I. Antonovich, academician of the Russian Academy of Social Sciences, doctor of science (philosophy), full professor.

meet the basic life needs of its citizens. The path of China was fraught with many unsuccessful and tragic experiments, therefore the current socio-economic leap forward in civilisation is an unprecedented event in world history. The implementation of goals and objectives of such a global scale will make serious changes in the world order, and require a new political philosophy. The success of socialism with Chinese characteristics within the country, as well as in programs to support the progressive development of countries and peoples of the world ready for cooperation, allows us to give a cautious optimistic assessment of the future Chinese perspective. And this, according to the author, is today a clear threat to the tasks and goals of American domination in the world.

Keywords: modernisation; American-Chinese confrontation; new world order; socialism with Chinese characteristics.

В июле 2021 г. в Китае широко отмечалось столетие основания Коммунистической партии Китая (КПК). По центральной площади Тяньаньмэнь прошли массовые гражданские демонстрации. С докладом по случаю юбилея выступил председатель Китайской Народной Республики, генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин, который заявил, что китайский коммунизм строит новую модель человеческого прогресса. Ее конкретные исторические очертания должны появиться к 2049 г., когда КПК будет праздновать столетие основания КНР. Си Цзиньпин заявил, что к этому времени Китай станет великой, современной, социалистической страной. Под руководством партии китайские коммунисты намерены реализовать грандиозные планы, невзирая на противостояние коллективного Запада, который пытается навязать Китаю программу сотрудничества и развития, замедляющую его уверенный экономический рост, социальный прогресс и культурную революцию. Политические и экономические элиты Соединенных Штатов внимательно следят за социально-экономическим прогрессом Китая. В данном контексте уместно привести слова 36-го президента США Р. Никсона: «Мир не может быть благополучным до тех пор, пока не изменится Китай» [1].

В то время, когда были произнесены эти слова, направление изменений Китая не было ясно как аналитикам во всем мире, так во многом и самим китайцам. К этому времени Китай пережил несколько серьезных экспериментов, завершившихся ошибками культурной революции. Страна находилась во внешнеполитической изоляции, население страдало от нищеты, и казалось, Китай ожидают тяжелые времена.

Однако случилось неожиданное. В феврале 1972 г. Китай посетил президент США Р. Никсон. Визит готовился тщательно и в большом секрете. Г. Киссинджер, в то время госсекретарь США, несколько раз тайно посещал Китай, отправляясь туда на военном самолете из Пакистана. Иногда, чтобы оставаться незамеченным, надевал парик и менял облик. Для американцев эта игра стоила свеч. Р. Никсон отправился с визитом к руководителю Китая Мао Цзэду, чтобы уговорить его изменить курс на прозападный в обмен на инвестиции и свободный рынок. Английский дипломат Р. Гарсайд опубликовал тогда книгу с провокационным названием «Возвращение

к жизни: Китай после Мао», в которой настраивал китайское руководство принять советы западных стратегов, изменить социально-политическую систему и, понятно, вернуться в сообщество свободных наций [2].

Советы Р. Никсона были внимательно выслушаны, однако Китай пошел своим путем. До сих пор по поводу этого визита не прекращаются споры, не угадали обиды. Визит совершался в большой секретности, о нем ничего не знали ни союзники по НАТО, ни тем более верный исполнитель воли США на Востоке, Япония. Р. Никсон явно хотел, чтобы в случае успеха все лавры достались только ему. Беседы не носили конкретного содержания, однако вопрос о том, кому достались лавры победителя, похоже, получил неожиданный для США ответ. Р. Никсон вскоре пережил угрозу импичмента и позор отставки. Его единственным историческим достижением считался именно визит в Китай. В ходе этих переговоров Мао Цзэду удалось убедить Р. Никсона в том, что Китай на данном этапе не представляет для США военной угрозы и что активная экономическая помощь Китаю была бы выгодна для США и Запада. Безусловно, мотивация этих идей у Мао Цзэдуна присутствовала – опасения по поводу ухудшения отношений между Китаем и СССР. К тому времени они уже достигли своеобразной точки кипения. Было ясно, что возврата к ситуации 1950-х гг. (положению до войны) уже не будет. В мемуарах Р. Никсона, а также в его многочисленных интервью и статьях уже после отставки в августе 1974 г. прослеживается одна и та же мысль: его визит послужил сближению с Китаем, что отвечало стратегическим интересам США, пытавшимся разыграть «китайскую карту» против СССР. Такую оценку давали советские обозреватели. Однако Китай повел себя осторожно и благо разумно. «Китайская карта» против СССР свелась в основном к достаточно интенсивной полемике по ключевым вопросам коммунистического движения. Какого-то серьезного военного противостояния и столкновения не произошло, однако китайская экономическая открытость поспособствовала тому, что в Китай хлынул зарубежный капитал (преимущественно западного происхождения), преобразовавший экономику страны.

Великий экономический рывок в Китае свершился уже после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Отцом ки-

тайской социально-экономической и политической реформы считался (с полным на то основанием) Дэн Сяопин. Не занимая никаких государственных постов, являясь только председателем Военного совета ЦК КПК, Дэн Сяопин в течение многих лет руководил процессом китайской модернизации, которая вывела Китай на передовые рубежи научно-технического и социального прогресса. КНР могла бы оспорить американское могущество и гегемонию, но не стремится этого делать, предпочитая взаимовыгодное торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество.

Отдавая должное стратегии Дэн Сяопина, отметим, что именно он, преодолев и сопротивление скрытых прозападных сил, сформировавшихся в китайском обществе в ходе социалистического строительства, и догматику старого партийного руководства, вывел страну на путь общественного прогресса, с которого Китай не сворачивает уже в течение десятилетия. У истоков этого великого движения к модернизации стояла все-таки инициатива Мао Цзэдуна, который согласился на приезд президента США Р. Никсона в Китай, сумел убедить его в мирных намерениях Китая и тем самым заложил международную политическую основу китайской модернизации.

К столетию КПК был поставлен фильм под названием «1921», что означает год основания партии. Очень важно, что в фильме прослеживается путь КПК из подполья, процесс длительной борьбы за выживание и революционные действия по завоеванию власти. В фильме однозначно подчеркнута основополагающая роль Мао Цзэдуна как основателя КПК и КНР. Его играют несколько актеров в зависимости от возраста председателя. Картина избегает сенсационности, чрезмерного самовосхваления, однако трезвая оценка успехов и поражений за 100 лет вызвала положительный ответ граждан Китая. Социальные сети заполнены спокойными, рассудительными отзывами на фильм, которые сводятся к тому, что исторический выбор, модернизация Китая были абсолютно правильными, именно по этому пути следует идти дальше, и КПК является единственным лидером в данном контексте.

Конечно, современный Китай обладает колоссальными отличиями от Китая 1970-х гг. в начале модернизации. Сегодня 65 % населения Китая живет в городах. Сотни тысяч крестьян стали фабричными рабочими. Сейчас нехватку рабочих рук испытывает скорее сельское хозяйство, чем промышленность. Бурный научно-технический рост вызвал серьезные проблемы окружающей среды. Все это создает определенные трудности, однако важно, что они открыто обсуждаются в СМИ, причем в дискуссии принимают участие не только экономисты, политики, представители партийных кругов, но и широкий пласт населения. Партия осуществляет свое руководство с исключительной осторожностью, тонко

реагируя на изменения в общественном мнении, настроениях, потребностях китайцев. В ходе модернизации были предприняты решительные меры по подавлению социального мятежа, направленного на изменение политического строя в стране.

Также причиной успеха является стратегическая смелость Дэн Сяопина, отменившего структуру народных коммун, что вызвало бурный рост производительности в сельском хозяйстве. Все это делалось под эгидой следующего теоретического оправдания: если правительство сумело накормить 600 млн китайцев (такова была численность населения на момент начала реформ), оно внесло серьезный вклад в торжество прав человека. Китай остался равнодушным к потокам критики со стороны западных СМИ, которые прибегли к своим традиционным упрекам в отсутствии в КНР демократии, свободы личности и т. д.

Несомненной причиной успеха КПК на пути модернизации западные обозреватели считают бескомпромиссную борьбу с коррупцией, клептократией, принявшую особенно широкие эффективные масштабы под руководством Си Цзиньпина. В западном мире рост модернизации сопровождался и ростом коррупции. Скороспелые мультимиллионеры и мультимиллиардеры занимали ведущие позиции в экономике и торговле и этим определяли достаточно напряженный социально несправедливый путь современного капиталистического развития, постоянно обостряющий противоречия между богатыми и бедными, обуславливающий социальное неравенство и угнетение трудящегося человека.

В течение последних десяти лет, в условиях ускоренного развития китайской экономики и включения Китая в глобальные цепи товарообмена, научно-технического развития, политических инициатив, подобная критика особенно усилилась, однако предсказания о неминуемом крахе китайской экономической модели не оправдались. Несбыточности этих катастрофических прогнозов в значительной степени способствует бескомпромиссная борьба, которую Си Цзиньпин сегодня ведет не только против коррупции, но и против враждебных посягательств на суверенитет и национальные интересы Китая.

Все эти успехи являются результатом умной и дальновидной политики КПК, что признают критики и недоброжелатели, в том числе западные. По этому поводу английский журнал *The Economist* пишет: «В ходе эры Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина партия участвовала во всем. Партийные руководители принимали все меры к модернизации в первую очередь в деревне, где сначала жило большинство китайцев. В городах, где в начале реформ люди работали в государственных или общественных организациях, партийное присутствие было всеобщим. Главной ее задачей был контроль за безупречным выполнением принятых планов, серьезным отношением

к работе, а также наказание за попытки коррупции и недобросовестность¹» [3].

Партия заслужила одобрение широких масс населения не только благодаря твердости в выполнении обещаний широким массам населения, но и благодаря умелому руководству страной в период непредвиденных катастроф. Особенно ярко это проявилось в ходе пандемии COVID-19. Быстрее всех в мире китайцы справились с массовым распространением болезни и в течение года восстановили допандемийный уровень экономической производительности. Поначалу западные обозреватели пытались объяснять вспышку коронавируса в Китае беззаботностью партии по отношению к нуждам населения, однако потом пришлось сменить тон с критики на восхищение. Опыт Китая сейчас изучается многими странами мира, и всюду, где он был применен, заметны позитивные результаты. Западные обозреватели вынуждены признать, что высокая дисциплинированность, организованность, ответственность, которые воспитывала КПК в китайском народе в течение десятилетий, не только дали свои плоды в ходе борьбы с COVID-19, но и, скорее всего, станут основой для продолжения научно-технического и социального прогресса Китая в ближайшем будущем.

Развитие Китая движется напряженными социально-экономическими шагами, однако их темп неспешен. КПК обещает к 1949 г. превратить Китай в общество средней зажиточности. В ходе этого процесса уже удалось ликвидировать бедность, создать условия для экономического прогресса ранее отсталых регионов страны, преодолеть ряд культурно-этнических сложностей, в значительной степени генерированных явно тайным и неизменно недружелюбным вмешательством западных стран, в особенности США. Сотрудник американского Центра стратегических и международных исследований Дж. Бланшет отмечает неспешность и осторожность, с которыми Китай движется по пути реформ и преобразований. Она пишет: «Ограничивая свое видение перспективы 15 годами, Си Цзиньпин внедрил ощущение уверенности и настойчивости в китайскую политическую систему, которое, безусловно, поможет Китаю преодолеть долгосрочные внутренние вызовы и достичь нового уровня глобальной безопасности. Если деятельность Си Цзиньпина увенчается успехом, Китай выйдет на глобальные позиции архитектора новой мультиполярной эпохи, а его экономика избежит так называемой западни среднего дохода. Технические возможности производящего сектора Китая и военная гарантия увеличат уверенность Китая» [4].

Сегодня многое указывает на то, что американское стратегическое мышление даже трудами его выдающихся экспертов не смогло предвидеть все опасности китайского успеха для американского

гегемонизма. Похоже, этому послужило то обстоятельство, что первоначально американский инвестиционный капитал осторожничал и не спешил входить в Китай, поручая это японскому и западноевропейскому бизнесу. Успех инвестиционной политики Запада был таким, что в 1980–90-х гг. Китай сумел создать новую глобальную структуру взаимозависимости с развитыми экономиками Запада и молодой модернизированной китайской экономикой. Огромные потоки товаров потребления хлынули из Китая в Европу и другие страны. Производились они на предприятиях западных фирм, разместившихся в Китае с началом аутсорсинга, т. е. перемещения производственных мощностей из западных стран в Китай, где есть относительно дешевая и квалифицированная рабочая сила. Это позволяло им намного увеличить норму прибыли по сравнению с западноевропейским и американским экономическим континентом. Американский инвестиционный капитал хлынул в Китай примерно в конце XX в., и уже в первую декаду столетия стало очевидно, что экономические взаимозависимости Китая и США таковы, что реализовать задачу подчинения китайских программ развития интересам Запада невозможно. В целях ослабления Китая США начали проводить осторожную долгосрочную политику его сдерживания, подтверждая экономические шаги военными мерами. В конце пребывания у власти президент Б. Обама фактически сумел заключить долгосрочное торговое соглашение о Транстихоокеанском партнерстве двенадцати стран Азии и Латинской Америки, которое создало бы своеобразную силу, сдерживающую глобальные цели Китая.

Президент Д. Трамп, развивая программу «Америка превыше всего», решил пойти дальше. Он отказался от относительно замедленного действия программы Транстихоокеанского партнерства в пользу резких ограничительных мер по отношению к Китаю в виде таможенных пошлин, сборов, т. е. обязательных дополнительных поставок, которые бы увеличили выгоду от двусторонних отношений для США. В ходе президентства Д. Трампа обрела жизнь стратегия длительного взаимного противостояния между США и КНР в экономической области, которая, безусловно, сказалась и на политической сфере. Д. Трамп позволил себе ряд оскорбительных действий в адрес Китая, обвиняя китайское руководство в том, что оно якобы содействовало распространению пандемии. Были придуманы и другие «страшилки» в целях сформировать в общественном мнении США и западных стран негативный имидж Китая, который резко контрастировал с господствующим ранее восторгом экономическими успехами и прогрессивными мерами КНР.

Характерно, что при этом в США и других западных странах была развернута активная пропа-

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

ганда, в ходе которой вину за ухудшение отношений возлагали на китайскую сторону. В частности, Дж. Бланшет пишет: «Дома Си Цзиньпин поощряет националистические чувства, представляя Китай как страну, окруженную врагами, и распространяя глубоко эмоциональное и во многом искаженное видение прошлого, в частности романтизируя китайскую борьбу против японцев во время Второй мировой войны и “победу” над США в Корейской войне. Заявляя о том, что Китай вступил в период повышенного риска от “враждебных зарубежных сил”, Си Цзиньпин пытается приучить граждан Китая к тому, что впереди более трудные времена и стабилизировать ситуацию может только Коммунистическая партия Китая» [4, р. 16].

Надо признать, что с учетом разнузданной антикитайской риторики, которая исходила из уст президента Д. Трампа и его многочисленных адептов по созданию враждебного окружения у Китая, есть немалые основания гордиться героизмом КНР в условиях Второй мировой войны. Китайское руководство понимает и то, что планы США по принудительному объединению Корейского полуострова в начале 1950-х гг. потерпели провал в значительной степени по той причине, что Китай координировал свои действия против американской агрессии как руководством КНДР, так и с СССР.

Американские наблюдатели говорят о том, что «...Мао Цзэдун и Дэн Сяопин демонстрировали стратегическую осторожность, утверждая интересы Китая в глобальных масштабах. В частности, Мао Цзэдун говорил президенту Р. Никсону, что Китай может подождать и 100 лет, прежде чем вернуть себе Тайвань, а Дэн Сяопин провел переговоры по возвращению Гонконга, дав обещание не спешить в течение 50 лет. Оба лидера осознавали относительную хрупкость Китая и важность осторожного, нюансированного государственного подхода. Си Цзиньпин не разделяет их единодушия и уверенности в том, что главные решения должны быть долгосрочными» [4, р. 17].

Похоже, что осторожная политика Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина в какой-то мере усыпила бдительность американских стратегов, что и дало Китаю возможность осуществить главные программы модернизации в относительно спокойном международном окружении. Китайская мощь, уверенность и стратегические ресурсы дают основание нынешнему руководству ускорять движение, отвергать настойчивые притязания Запада вмешиваться в дела государства и препятствовать его росту. Только сейчас многие западные аналитики осознают, насколько умело и решительно Китай провел свои преобразования буквально у них под носом, сохраняя социалистические основы хозяйствования и развивая экономический потенциал, способный удовлетворить национальные потребности на современном этапе и в ближайшей перспективе.

Д. Роузен, один из ведущих специалистов США по Азии, пишет: «Во время эпохи реформ, начатых Дэн Сяопином в 1978 г., партия ослабила контроль над экономическими силами, допустив инфляцию, внутренние потоки капитала и безработицу. Для того чтобы обеспечить экономический рост и внедрение инноваций, Пекин пригласил иностранцев в стратегически чувствительные области китайской экономики, такие как телекоммуникации, воздухоплавание. «Священные коровы» коммунистической идеологии были принесены в жертву этому движению. Когда Дэн Сяопин начал процесс реформ, государство определяло почти все цены на продукты и другие товары народного потребления. Ко времени, когда Китай присоединился ко Всемирной торговой организации в 2001 г., все цены, за небольшим исключением, формировались на свободном рынке. В 1990-х гг. КПК закрыла более 100 тыс. государственных предприятий, высвободив этим около 20 млн работающих. К 2020 г. партия позволила иностранцам организовать бизнес-структуры в Китае стоимостью более 3 трлн долл. США. Многие из этих предприятий находились в совместном владении с китайскими бизнесменами» [5, р. 20].

В основе китайского успеха лежит ленинская формула нэпа – использование частного предпринимательства под контролем социалистического государства в целях ускоренного накопления общественного богатства в размерах, необходимых для удовлетворения основных жизненных потребностей граждан. К сожалению, реальный социализм, свершившийся в ходе социалистических революций в свое время в России, а в 1949 г. в Китае, в условиях весьма слаборазвитой экономической базы не смог создать механизмы накопления общественного богатства, способного удовлетворить растущие запросы населения. Понимая это, В. И. Ленин экспериментировал с инициативой частной собственности, которую в конце 1920-х гг. ВКП(б) сочла угрозой для социалистических оснований российского общества и ликвидировала административным способом.

Угрозы существования и развития инициативы частной собственности для социалистической системы Китая стали очевидны во второй декаде XXI в., когда рост бизнес-коррупции тормозил многие социальные программы КПК. Именно поэтому в условиях прихода к власти Си Цзиньпина партия развернула безжалостную борьбу против коррупционеров, наживающихся в ходе модернизации, в том числе в своих рядах. Это нелегкая борьба, однако она помогает сохранить частнособственническую инициативу в Китае под контролем КПК и направить ее на пользу всему обществу. Частнособственническое присвоение национального богатства в Китае не стало нормой. Китайский бизнес подвергается достаточно жесткому контролю с точки зрения социальных нужд и потребностей, морально-этических и других

критериев. Это позволяет сохранить успешную социально-экономическую систему, производящую общественные богатства.

Пытаясь понять суть процессов производства и распределения благ в Китае, американские исследователи даже проводят аналогии с периодом ускоренного накопления, который был известен в США как золотая эпоха. Американский исследователь китайского происхождения Й. Анг характеризует ее следующим образом: «Золотая эпоха, которая началась в 1870-х гг., была эпохой коррумпированного капитализма, хотя и выразилась в чрезвычайном росте и трансформации общественных отношений. После гражданской войны Соединенные Штаты вступили в период расцвета. Миллионы фермеров ушли с полей на фабрики, инфраструктура подверглась долгосрочному преобразованию. Коммерческие проекты, технологии способствовали росту новых видов промышленности и свободному потоку капитала. В ходе этого процесса предприниматели, которые ухватились за новые возможности (П. Стэнфорд, Дж. П. Морган, Дж. Д. Рокфеллер), накопили титанические объемы богатства, а новый рабочий класс, к сожалению, довольствовался весьма скромным повышением жалования. Политики вошли в согласие с олигархами, а спекулянты манипулировали рынками. Несмотря на все это, вместо дезинтеграции коррупция золотой эпохи вызвала экономический, социальный и политический прогресс» [6, р. 30].

Также Й. Анг проводит аналогию между китайскими и американскими процессами модернизации: «Китай сейчас переживает собственную золотую эпоху. Частные предприниматели сказочно обогащаются благодаря специальным привилегиям, гарантированным правительством, а чиновники – на содействии этому. Осознавая опасность коррумпированного капитализма, китайский президент Си Цзиньпин пытается противостоять коррупции и достичь социального равенства» [6, р. 30].

Разница в американской и китайской программах модернизации, однако, весьма значительная. Автор признает, что резкий рост богатства в частных руках в США не привел к повышению благосостояния рабочего класса. В КНР ситуация иная. Руководство КПК видит опасность чрезмерного обогащения когорты предпринимателей. Жесткая бескомпромиссная борьба с коррупцией, которая ведется в течение второй декады XXI в., свидетельствует о том, что Китай способен справиться с этим злом. При этом, в отличие от США, успехи модернизации в Китае распределяются в обществе равномерно и справедливо. Именно благодаря этому страна покончила с бедностью, ориентируется на создание общества средней зажиточности, а благосостояние населения является одновременно целью и критерием развития.

Возрастающая конфликтность китайско-американских отношений вызвана, безусловно, не тем, что Китай планирует свою стратегию мирового господства, а тем, что США не привыкли видеть на мировой арене соперника, равного себе по экономической силе, стратегическим ресурсам и целям национальной политики. Исходя из этого, США стремятся внедрить в международные отношения так называемый вашингтонский консенсус, заставить Китай (как им до этого удавалось заставить другие ведущие государства мира) следовать только их курсу, предполагающему подчинение национальных целей развития корыстным интересам США. Суть конфликта состоит именно в этом, что признают многие американские исследователи. Данная ситуация является, безусловно, очевидной для китайских экспертов. «США и Китай вступили в эпоху конфликта, который может оказаться более длительным, всеохватывающим и интенсивным, чем любое другое международное соперничество в современной истории, включая холодную войну, – пишет президент Института международных и стратегических исследований Пекинского университета Ван Цзисы. – В обеих странах растут опасения, что конфликт может дойти до открытого военного противостояния. За прошлую декаду вашингтонский консенсус сдвинулся в сторону более конфронтационного отношения к Пекину. Он достиг пика во время администрации Д. Трампа, которая продемонстрировала открытую враждебность по отношению к КПК, демонизировала ее» [7, р. 48].

Китайцы трезво оценивают соотношение индустриально-технических, промышленных, финансовых возможностей, стратегических перспектив Китая и США. Ван Цзисы отмечает по этому поводу: «Несложно понять, почему США рассматривают Китай в качестве соперника. Большинство аналитиков полагают, что к концу 2021 г. ВВП Китая составит 71 % от ВВП США. В 1980-х гг. во время холодной войны советский ВВП составлял меньше 50 % от американского. Между тем Китай сменил США в качестве главной цели инвестиционных потоков. Американцы все в большей степени понимают, что в состязании с Китаем преимущество за Пекином» [7, р. 48].

Тем не менее ничто не оправдывает жесткую, бескомпромиссную позицию США, суть которой сводится к тому, чтобы помешать Китаю реализовать свои национальные цели и добиться стратегического преимущества. Достаточно вспомнить слова президента Дж. Байдена в одном из его первых заявлений после вступления в должность. Он сказал, что поскольку главная цель Китая состоит в том, чтобы стать ведущей, самой богатой и могущественной страной мира, то его (президента США) цель состоит в том, чтобы не дать этому случиться [7]. Поэтому американские СМИ формируют в широких кругах населения враждебное отношение к Китаю, недоверие к его нацио-

нальным и стратегическим целям, выражают надежду, что ускоренный рост Китая остановится и страна войдет в период стагнации и упадка.

Пока этого не происходит, и следует ожидать, что антикитайская полемика со стороны ведущих СМИ США усилится, американские руководители будут придумывать все новые поводы для враждебного отношения к Китаю, дискредитируя его внешнеполитические цели и задачи.

Тем не менее в мировом общественном мнении Китай все больше обретает облик страны, которая оказывает позитивное воздействие на другие страны своими успехами. Реализуемые Китаем программы развития всюду имеют широкий социально-экономический охват. Безусловно, китайские компании за рубежом в развивающихся странах нацелены на то, чтобы их деятельность была прибыльной, но при этом способствуют выведению широких масс населения из бедности, осуществлению транспортных и иных инфраструктурных проектов, помогают руководству этих стран решать задачи успешного управления [8, p. 87].

В сентябре 2013 г., вскоре после вступления в должность, глава КНР Си Цзиньпин прибыл в Астану, столицу Казахстана. «В течение столетий, – заявил Си Цзиньпин, – народы различных стран вдоль Шелкового пути совместно писали страницу дружбы, которая была передана нам. Сама история Шелкового пути свидетельствует о том, что народы разных этнических корней, убеждений и культурных традиций вполне способны создавать программы мирного развития» [8, p. 88]. Так впервые было объявлено о восстановлении старинного Шелкового пути.

Аналитики США поначалу отнеслись к этому не очень серьезно. Дело в том, что подобного рода инициативы предлагали лидеры и других государств, в том числе сами американцы. После вторжения в Ирак в 2003 г. американские дипломаты и политики начали вести речь о создании транспортных путей, проходящих через сердце Азии. Р. Баучер, на тот момент заместитель госсекретаря США, высказал это намерение достаточно конкретно. Он отметил, что целью США является восстановление древних связей между Южной и Центральной Азией и создание новых контактов в сфере торговли, транспорта, демократии, энергии и коммуникации.

Эти же идеи в своих многочисленных выступлениях развивала Х. Клинтон. Однако дальше рассуждений дело не пошло. Брать в сотрудничество КНР в качестве равноправного партнера США явно не хотели. Инициатива сама собой заглохла. Однако речь Си Цзиньпина в Астане вылилась потом в новую программу, развернутую в глобальных масштабах КНР и получившую название «Один пояс – один путь». Стратегическая задача, по мнению китайских политиков, состояла в том, чтобы поощрить китайский бизнес, частнособственническую и государственную

инициативу и по мере решения внутренних задач обеспечения благополучия своих граждан выходить за пределы Китая в целях реализации проектов в основном в развивающихся странах с тем, чтобы помочь им преодолеть тяжелое колониальное наследие нищеты и неравенства и создать сообщество свободных наций, работающих над планом глобального развития, приносящего пользу всем [8, p. 92].

К концу второй декады XXI в. 84 страны согласились принять участие в этой великой программе. Она включает республики Центральной Азии, страны Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Турцию, Восточную Европу, многочисленные страны в Африке и в районе Карибского моря. Новый китайский глобальный проект охватывает регионы с населением около 4,5 млрд человек и ВВП более 20 трлн, что составляет около 30 % мирового ВВП. Всемирный банк развития, подключившись по настоянию американцев к изучению инициативы «Один пояс – один путь», раскрывает реальные объемы программы: «Объемы грузовых транспортных перевозок увеличатся на 20 % во всех странах – участниках инициативы, а транспортные торговые издержки уменьшатся на 10 %. Эти объемы обещают оказать существенное влияние на мировые торговые потоки. Председатель КНР убежден, что реализация инициативы “Один пояс – один путь” придаст человеческой цивилизации новые позитивные характеристики. Даже критически настроенные западные обозреватели полагают, что данная программа является частично искусством, частично наукой, представляющей собой непрерывно углубляющийся и расширяющийся проект» [8, p. 93].

Автор этой оценки, австралийский исследователь П. Франкопан, пишет: «Проект “Один пояс – один путь” является всеохватывающим, способным включить в себя все и вся. Этому не надо удивляться, ведь именно такую роль играл Шелковый путь в прошлом. В ходе того, как важные события свершались в одной части света, они давали о себе знать в другой. <...> Именно из-за того, что новая программа отталкивалась от Шелкового пути, она обладает особой привлекательностью. Когда первый прямой состав прибыл по железной дороге в Бендер-Энзели на берегу Каспийского моря в Иран летом 2018 г., вице-президент Ирана Эсхак Джахангири немедленно заявил о том, что восстановление Шелкового пути является торжеством Ирана. Вместо того чтобы отождествить новый проект с китайским государством, Э. Джахангири пришел к другому выводу: “Воссоздание торгово-экономических контактов по центру Азии является восстановлением культурных, исторических и цивилизационных традиций Ирана с соседними странами”» [8, p. 94].

Программа имеет не только прямой экономически рентабельный смысл, но и становится источником национальной гордости за возможность

воссоздать хорошие отношения стран в регионе и построить новые цивилизационные модели, способные помочь реализации национальных целей и задач.

Компоненты Нового шелкового пути впечатляют. Китайско-пакистанский экономический коридор, который представляет собой мощную транспортную конструкцию, где расположены пакгаузы, места хранения, транспортировки и передачи товарных масс, использования железных дорог и так называемых сухих портов вроде Хоргоса на границе Китая и Казахстана, становится важнейшим пунктом для перегруппировки товарных потоков, создания финансовых структур, а также новых рабочих мест. Следует, однако, учитывать, что программа «Один пояс – один путь» вряд ли была бы воссоздана в своем историческом, не говоря уже о современном, облике, ни одной из стран, которые расположены на этом пути, в одиночку. Данная инициатива принадлежит новому Китаю. Она не только отвечает национальным интересам КНР, но и направлена на то, чтобы обеспечить взаимную выгоду для всех стран, находящихся на этом пути. Создается рынок энергоресурсов, реализации сельскохозяйственной продукции, транспортно-коммуникационных развязок и инициатив. В целом переход от национальных к глобальным инфраструктурным проектам свидетельствует о том, что Китай, как это отражено в оценке МВФ, выходит на уровень высокоскоростного и высококачественного роста.

Западные исследователи современной цивилизации упрекают Соединенные Штаты в том, что, контролируя в течение последних 70 лет европейское экономическое, социальное и политическое пространство, Америка игнорировала Восток. Там сегодня, по их мнению, происходят события чрезвычайной исторической важности. По словам португальского исследователя Б. Мацаеса, «...Россия смотрит сейчас сразу в четырех направлениях, отходя от первоначальной траектории, заданной ее двуглавым орлом. Обычно российские элиты видели свой долг в том, чтобы интегрироваться с более продвинутой Европой. Теперь этот проект заменяется новым самосознанием: в качестве центра Евразийского сверхконтинента Россия может распространять свое влияние одновременно во всех направлениях и обеспечить мост между Европой и Китаем в обе стороны» [9, р. 3].

Правда, автор, не приводя конкретных доказательств, признает, что пока это проект, который может существовать лишь в головах радикальных российских политиков. Зато о другом глобальном проекте – китайском – исследователи говорят с гораздо большей уверенностью: «Как только мы начинаем перечислять центры влияния, которые могут свести воедино Евразию, первое место следует отдать Китаю и его главному политическому проекту “Один

пояс – один путь”. На карте его можно представить как девять крупных стрелок, пересекающих Евразию во всех направлениях: шесть экономических коридоров по суше и три – по морю. Главная цель этого проекта – создать новую глобальную экономику и разместить Китай в ее центре. Сегодня евразийская торговля достигает 2 трлн долл. США каждый год и имеет тенденцию к удвоению, что намного превышает торгово-экономические проекты стран Тихоокеанского партнерства (так и не состоявшегося по факту. – И. А.). Благодаря торговле по этим путям неизбежно хлынут финансовые потоки, что обеспечит политическое и культурное влияние. Тот, кто сумеет построить, объединить и контролировать инфраструктуру двух концов Евразии, будет править миром» [9, р. 3].

Как видим, западные теоретики рассматривают будущее миропорядка исключительно в терминах господства. Поскольку до сих пор данную задачу ставили себе США, постольку вопрос их мирового господства занимает ведущее место в этих размышлениях. Б. Мацаес прямо говорит, что «...“Один пояс – один путь” является китайским планом построения нового мира, который заменит международную систему, управляемую Соединенными Штатами. Если это удастся, “Один пояс – один путь” будет тождествен миропорядку подобно тому, как сегодня, употребляя термин “Запад”, мы имеем в виду весь миропорядок. Таким образом, уже сегодня “Один пояс – один путь” представляет собой в основных своих чертах карту будущего мира в тех параметрах, в которых он представляется Китаю. Что мы видим на этой карте? Китай является единственной страной, которую можно назвать универсальной, способной превзойти границы и направить влияние в самые отдаленные регионы мира. Все это означает признаки сверхдержавы, отличной от американской сверхдержавы» [9, р. 5].

Б. Мацаес продолжает: «Карта распространения проекта “Один пояс – один путь” меняет облик мира. США оказываются отодвинутыми в сторону. Япония, Австралия и регионы Западной Европы могут еще сохранить какие-то привилегированные отношения с Америкой, но у Китая будет достаточно влияния, чтобы ослабить эти связи. Что же касается Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Центральной и Восточной Европы, то Китай вовлечет их в свою орбиту без всякого труда» [9, р. 6].

Это, конечно, грозные проекты, но они, правда, не согласовываются с китайскими планами. Объявляя новую программу развития Китая на XIX Все-китайском съезде КПК 18 октября 2017 г., председатель КНР Си Цзиньпин обозначил направления: «Оставаясь верными нашей первоначальной цели и ни на минуту не забывая о нашей миссии, высоко неся знамя социализма с китайской спецификой, добиться решающей победы в полном построении

среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху, неустанно бороться за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации» [10].

Таким образом, Китай развивает себя сам, и это максимально отвечает интересам китайского народа. Путь КНР к современному экономическому и научно-техническому могуществу был долгим и трудным. Он сопряжен со многими неудачными и трагическими экспериментами, поэтому нынешний социально-экономический цивилизационный рывок является беспрецедентным событием в мировой истории. В течение десятилетий отсталая в экономическом отношении, но одухотворенная социалистическими идеями страна совершила научно-техническую революцию, умело используя и частнопредпринимательскую инициативу, и общественную целенаправленность производства, сохраняя контроль за средствами производства, сделала гигантские шаги по фактическому снижению социального неравенства, ликвидации эксплуатации и многовековой нищеты. Мы разделяем позицию Б. Мацаеса, при этом отметим, что Китай остается пока единственной страной, которая выводит цели своего социально-экономического развития за пределы сугубо национальных приоритетов и задач. Это тот беспрецедентный в историческом и цивилизационном отношении случай, когда прерогатива развития одной страны совпадает с задачами и надеждами всего мира.

Понятно, что китайские теоретики прекрасно понимают, что реализация целей и задач столь глобального масштаба произведет серьезные изменения в миропорядке. Осуществление целей и задач цивилизационной трансформации, начатое Китаем, по убеждению китайских теоретиков, требует и новой политической философии. Один из них, Чжао Тинян, пишет: «Современная политическая философия основана на политической теории, которая не обладает универсальным значением. Это в основном теория, ограниченная национальными пределами. Нужно найти новый исходный пункт для политической теории. Первое место в ней должен занимать принцип включения мира. Только в этом случае политическое мышление сумеет обрести универсальное значение, которое будет полезным для всего мира» [11, S. 29].

Критерием инклюзии мира (так автор называет китайскую стратегию строительства нового типа общественных отношений на основе взаимоуважения и выгоды) является прежде всего сохранение мира при наличии взаимопонимания и равновесного влияния ведущих мировых сил на глобальные процессы [11, S. 32].

Звучит не совсем ясно, так как это только проект. Более конкретные его формы станут заметны по мере реализации мировой стратегии взаимозависимого

экономического развития на основе общности интересов и взаимной выгоды. Главное, по мнению автора, достичь мировой справедливости. Для этого в существенном изменении нуждается и сложившаяся политическая система демократии, которая до этого исходила из принципа заинтересованности и полезности для отдельных политических сил. Сейчас ее следует переориентировать на принцип равноправия взаимодействующих стран и народов.

Именно в ходе реализации нового мирового порядка справедливости может быть осуществлен ведущий принцип, сформулированный в свое время, но не до конца реализованный в социалистической системе, которая строилась в Советском Союзе: от каждого требуется вклад в общее дело по возможности, и каждый становится равноправным участником распределения по труду [11, S. 103]. Заметим, что это основополагающий социальный и этический принцип, гарантии свободы личности, которые после распада реального социализма в СССР подверглись всевозможным фальсификациям и издевательствам. Восстанавливая их в качестве цели мирового цивилизационного и национального развития, КНР регенерирует исторические условия, в которых социализм может выступить в качестве альтернативы современному капитализму.

Правда, КПК движется по этому пути с максимальной осторожностью. Ее теоретики говорят о том, что до сих пор мировая история не представляла собой единое целое, а человечеству все еще предстоит воспринять мир единым. Си Цзиньпин пишет: «Мир, в котором мы живем, сегодня, как и в прошлом, перенял только физический смысл, т. е. земной шар, как единое физическое целое, однако этот мир еще не может быть охарактеризован как мир единого интереса, в котором все жители могут участвовать на принципах равноправия. Именно поэтому современный мир, единый своей материальностью, не имеет единого политического статуса, т. е. всеобщего целостного политического бытия. Мир сегодня еще не мир» [11, S. 181].

Мир, как единое целое, должен обладать единым политическим самосознанием и едиными целями. Чжоу Тинян говорит о том, что полезные идеи для этого мира могут быть найдены в китайском опыте, в частности в эпохе исторической династии. Чжоу Тинян пишет: «Новые реальности могут складываться только исходя из соотношения сил в ходе совместных действий по преодолению мировых вызовов и угроз» [11, S. 194].

Ясно, однако, что этот новый миропорядок, хотя еще и не обрел окончательных политических, идеологических, нравственных измерений, несовместим с глобальным гегемонизмом США, целью которого на протяжении XX–XXI вв. является подмена интересов человечества национальными интересами США, а также готовность навязывать эти интересы

и формы их реализации всеми средствами, начиная от информационной и идеологической агрессии и заканчивая военной силой. Однако факт, что в течение XXI в., как уже неоднократно отмечалось, силовые варианты решения проблем гегемонизма не приносили США реальных результатов. Надо полагать, что ресурс навязывания миру этой страной своих целей, ценностей и контуров миропорядка в значительной степени исчерпан.

Успешное социально-экономическое развитие Китая представляет сегодня явную угрозу задачам и целям американского господства в мире. Хотя оно, очевидно, ослаблено, отказываться от него США пока не собираются. Именно поэтому новый президент США Дж. Байден яростно ополчился против стремления Китая реализовать свои цели развития, публично заявив о том, что он не допустит становления Китая в качестве первой мировой сверхдержавы, позаботится о том, чтобы этого не случилось не только во время его пребывания в Белом доме, но и в последующие десятилетия. Это жесткое, агрессивное противостояние национальным интересам и глобальным целям Китая получило название новой китайской доктрины Байдена, которую английский журнал *The Economist* характеризует таким образом: «Мистер Байден и его команда основывают свою доктрину на убеждении, что Китай менее заинтересован в сосуществовании и более – в господстве. Задача американской политики состоит в том, чтобы разрушить китайские планы и амбиции. Америка будет работать с Китаем в областях общего интереса, таких как климатические изменения, но противостоять его целям всюду в мире. Это означает создание новых условий силы внутри страны и сотрудничество с союзниками в целях создания экономических, технических, дипломатических и военных возможностей совместного влияния» [12, р. 11].

Правда, в этом материале тут же делается оговорка, что, несмотря ни на что, Китай станет в ближайшее время ведущей экономикой мира, это обе-

спечит колоссальный рост его влияния в глобальных масштабах. Безусловно, сотрудничество с Китаем в собственных интересах будут искать (и уже ищут) нынешние американские союзники, которые после позорного бегства США из Афганистана еще раз смогли убедиться, что Америка сегодня не обладает достаточными возможностями для глобального доминирования.

Успех социализма с китайской спецификой как внутри государства, так и в программах поддержки прогрессивного развития стран и народов мира, готовых к сотрудничеству, позволяет дать осторожную оптимистическую оценку будущей китайской перспективы. Конечно, агрессивное поведение США и нетерпимость по отношению к любой стране, которая решает свою задачу экономического и политического развития самостоятельно, в данном случае создает новые трудности. Китайско-американская конфронтация, инициированная политическими элитами США и преследующая только узконациональные цели, может привести к десятилетиям новой холодной войны, которая по своим последствиям будет более серьезной, чем холодная война во второй половине XX в. Однако это не остановит Китай. Его цели и инициативы, безусловно, смогут в значительной степени повернуть исторические события на социалистический путь развития.

Великая Октябрьская социалистическая революция в трудах ее авторов изначально задавала себе мировые масштабы. Из этого ничего не получилось, хотя ее влияние оставалось решающим на протяжении всего XX в. Китайская революция не ставила себе целей мирового распространения и господства, сознательно сужая историческую перспективу интересами китайского народа, однако успехи Китая в строительстве нового общества, безусловно, могут стать позитивным примером, а программа международного сотрудничества – привести к становлению миропорядка, в котором социалистические идеи обретут новое звучание и мощь.

Библиографические ссылки

1. What happens in China after Xi Jinping's rule will shape the world's future. *The Economist*. 2021 July 17.
2. Garside R. *Coming alive: China after Mao*. New York: McGraw-Hill; 1981. 458 p.
3. The Anaconda Effect. *The Economist*. 2021 June 26.
4. Blanchette J. Xi's Gamble. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
5. Rosen DH. China's Economic Reckoning. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
6. Yen Ang. The Robber Barons of Beijing. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
7. Wang Jisi. The Plot against China? *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
8. Frankopan P. *The new silk roads: the present and future of the world*. London: Bloomsbury publishing; 2019. 356 p.
9. Maçães B. *Belt and Road: a Chinese world order*. London: Hurst & Co.; 2018. 228 p.
10. Си Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху [Интернет; процитировано 14 октября 2021 г.]. URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=7069>.
11. Zhao Tingyang. *Alles unter dem Himmel. Vergangenheit und Zukunft der Weltordnung*. Beijing: Suhrkamp Verlag; 2018. 259 S.
12. Biden's New China Doctrine. *The Economist*. 2021 July 17.

References

1. What happens in China after Xi Jinping`s rule will shape the world`s future. *The Economist*. 2021 July 17.
2. Garside R. *Coming alive: China after Mao*. New York: McGraw-Hill; 1981. 458 p.
3. The Anaconda Effect. *The Economist*. 2021 June 26.
4. Blanchette J. Xi`s Gamble. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
5. Rosen DH. China`s Economic Reckoning. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
6. Yen Ang. The Robber Barons of Beijing. *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
7. Wang Jisi. The Plot against China? *Foreign Affairs*. 2021 July – August.
8. Frankopan P. *The new silk roads: the present and future of the world*. London: Bloomsbury publishing; 2019. 356 p.
9. Maçães B. *Belt and Road: a Chinese world order*. London: Hurst & Co.; 2018. 228 p.
10. Si Czin`pin. To achieve a decisive victory in the complete construction of a middle-class society, to win a great victory of socialism with Chinese characteristics in a new era [Internet; cited 2021 October 14]. URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=7069>. Russian.
11. Zhao Tingyang. *Alles unter dem Himmel. Vergangenheit und Zukunft der Weltordnung*. Beijing: Suhrkamp Verlag; 2018. 259 S.
12. Biden`s New China Doctrine. *The Economist*. 2021 July 17.

Статья поступила в редколлегию 23.11.2021.
Received by editorial board 23.11.2021.

УДК 316.758:25-4.4

МОЖЕТ ЛИ АНОМИЯ БЫТЬ НОРМАЛЬНОЙ?

С. Т. КАВЕЦКИЙ¹⁾

¹⁾Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
буль. Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь

Анализируется идея переоткрытия аномии, что связано с влиянием ускорения и усложнения современного социума. В дискуссионной форме исследуется категория «нормальная аномия», под которой понимается расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека. Критическому переосмыслению подвергаются современные трансформационные процессы. Через призму социологических исследований раскрываются социальные практики «нормальной аномии» в Беларуси. Автор приглашает социологическое сообщество к обсуждению концепции тотальной аномии.

Ключевые слова: «нормальная аномия»; парадоксальность; кентавризм; структура и уровни аномии; тотальная аномия.

CAN ANOMY BE NORMAL?

S. T. KAVETSKY^a

^aBrest State A. S. Pushkin University,
21 Kasmanaŭtaŭ Boulevard, Brest 224016, Belarus

The idea of rediscovering anomie is analysed, which is associated with the influence of acceleration and complication of modern society. The category of «normal anomie», which is understood as an expanding set of vulnerabilities for society in the form of side effects of innovative, rational-pragmatic human activity, is being investigated in a discussion form. The article is subject to critical rethinking of the transformation processes today. Social practices of «normal anomie» in Belarus are revealed through the prism of sociological research. The author brings up the concept of total anomie for discussion of the sociological community.

Keywords: «normal anomie»; paradox; centaurism; structure and levels of anomie; total anomie.

Истоки понятия «аномия» находятся в структурах мирового сознания и прослеживаются на длительном ретроспективном удалении от современности. Еще в Древней Греции получил распространение термин *аномос*, который обозначал такие понятия, как «беззаконный», «безнормный», «неуправляемый». У Еврипида аномия символизировала жестокость бытия. Платон видел в этом понятии проявление анархии и неумеренности. В Ветхом Завете аномия связывалась с грехом и порочностью, в Новом Завете – с беззаконием. «И, по причине ум-

ножения беззакония, во многих охладает любовь» (Мф. 24:12). «Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие» (Ин. 3:4).

Первое упоминание термина «аномия» у Э. Дюркгейма связано с анализом разделения труда как источника солидарности общественного развития и его антиподов. Исследуя аномальное развитие, он пришел к выводу о том, что «если разделение труда во всех этих случаях не производит солидарность, то потому, что отношения органов не регламентируются, потому что они находятся в состоянии аномии»

Образец цитирования:

Кавецкий С.Т. Может ли аномия быть нормальной? Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021;4:50–57.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-50-57>

For citation:

Kavetski ST. Can anomie be normal? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;4:50–57. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-50-57>

Автор:

Святослав Тихонович Кавецкий – кандидат философских наук; доцент кафедры политологии и социологии исторического факультета.

Author:

Sviatoslav T. Kavetski, PhD (philosophy); associate professor at the department of political science and sociology, faculty of history.
kstbrest@mail.ru

[1, с. 342]. В качестве главного фактора возникновения аномии Э. Дюркгейм усматривал рассогласование традиционных и индустриальных идеалов, не учитывая того, что аномия предрасположена к мутации и способна качественно изменяться с усложнением общества. Р. Мертон мыслил аномию как следствие дисфункциональности институтов общества, в результате чего возникают противоречия между культурными целями, ориентирующими людей на успех, и институциональными средствами, предоставляющими приемлемые способы достижения этих целей.

Дальнейшее развитие аномии проходило в XX и начале XXI в. Различные аспекты усложнения данного феномена были выявлены в трудах представителей западной социологической мысли (Т. Парсонса, Р. Дарендорфа, Ю. Хабермаса, Л. Сроула, Э. Фромма и др.). В новейшее время ученые пошли по пути анализа интерференции аномии на другие социальные и культурные реалии (Р. Аслам, Э. Ингдал, И. Карлехеден, Д. Говард-Вагнер и др.), о чем свидетельствуют материалы XVII (Гетеборг, 2010), XVIII (Иокогама, 2014), XIX (Торонто, 2018) всемирных социологических конгрессов.

Новые подходы к изучению социальной аномии и ее производных, усложняющих природу аномических процессов, в 1990-х гг. и начале XXI в. в своих исследованиях представляют российские и белорусские ученые. Комплексный подход к аномическим процессам в современном социуме через призму новых явлений в общественной жизни и социальной практике фундаментально раскрывает Ж. Т. Тощенко. На основе парадигмы травмы он выстроил концепцию парадоксального человека, кентавризма, фантомов, имитации [2–5]. В своей монографии Ж. Т. Тощенко, основываясь на анализе реальной ситуации в России, показал, что парадоксальное сознание стало частью современной жизни [6]. Этот феномен обосновывается результатами исследований белорусских ученых А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана, Л. Г. Титаренко. «Общее состояние морального сознания белорусов, судя по опросам, остается весьма неопределенным. Традиционные моральные представления сдали свои позиции, а стабильные новые моральные нормы и отношения, адекватные современному либерально-демократическому типу общества, не сформировались. Между тем для устойчивого нравственного развития общества требуется достаточная ясность в этих вопросах. Мы полагаем, что господствующие ныне противоречивые ценности не только во многом определяют социокультурные типы отношений белорусских граждан к происходящим политическим и экономическим процессам, но и позволяют прогнозировать противоречивые перспективы будущего развития республики» [7, с. 104].

Ж. Т. Тощенко презентовал концепцию кентавризма [2]. Кентавр-проблема – это особая форма

противоречий, специфическое проявление парадоксов, имеющих уникальные черты. Автор объясняет реальность одновременного существования двух (нескольких) взаимоисключающих начал, возможность их познания и целенаправленного воздействия на них. Ж. Т. Тощенко раскрывает генезис кентавризма, его эволюцию и типологию. «Кентавр-процессы проявляют себя во всех сферах общественной жизни: в экономике, политике, социальной и духовной жизни» [2, с. 54]. Отметим, что кентавризмы охватывают широкий спектр процессов и явлений. «Приведенные социологические рефлексии относительно природы аномии свидетельствуют о ее качественном изменении и, соответственно, необходимости ее переоткрытия» [8, с. 5].

Рассматривая аномию через призму концепции аномии переходного периода, можно выделить ее следующие уровни: микроуровень (собственно отчуждение), мезоуровень (классическая аномия и ее производные) и макроуровень (глобальные аномалии XX – начала XXI в.). К состояниям аномии автор относит такие производные, как социокультурная травма, парадоксальность, кентавризм, концепция фантомов, имитации, феномен молчаливого большинства, рискофобия и рискофилия, кризис легитимности и др.

Большое значение для изучения аномической структуры социума имеет категориальный анализ. Его целями являются концептуализация, систематизация и уточнение видов аномии.

Общественная аномия, по мнению Э. Дюркгейма, бывает двух видов – экономической и семейной. Экономическая аномия – это нарушение установленного нормативного порядка, с относительной точностью фиксирующего максимальный уровень материального благосостояния каждого общественного класса. Семейная аномия – нарушение равновесия и дисциплины, обеспечиваемых семьей и семейной моралью. Существуют также многие другие виды аномии. Социальная аномия неразрывно связана с кризисом социальной системы (в области политики, науки, культуры и т. д.). Духовная аномия – это потеря людьми смысла жизни в результате смены общественного строя, революций и войн. Политическая аномия представляет собой трансформацию и деградацию социальных институтов, посредством которых завоевываются и реализуются властные отношения в обществе. Правовая аномия – это проявление системных и индивидуальных установок на внутреннее неприятие закона, что в массовом масштабе может повлечь дестабилизацию социальных процессов в обществе, развитие беспорядков, общую дезорганизацию и угрозу национальной безопасности. Криминальной аномией выступает преступность, обусловленная социальными патологиями. Социокультурная аномия проявляется при дезорганизации, деформации ключевых компонентов культуры. Инновационная аномия выражается

в дестабилизации общества в результате навязывания ему социокультурных инноваций.

Концепцию «нормальной аномии» предложил С. А. Кравченко [9]. Под ней он понимает «расширяющуюся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека» [8, с. 6]. Свою концепцию ученый обосновывает следующими положениями.

1. «Реалии нормальной аномии обусловлены объективным процессом становления сложного социума, характером его социальной динамики» [8, с. 6]. Это особенно свойственно для постсоветских и постсоциалистических стран, находящихся в процессе трансформации.

2. «Всегда люди жили в одном социальном времени, и это было нормой. Сегодня же нормой является утверждение плюрализма социального времени. По И. Р. Пригожину, ныне происходит переоткрытие времени, что, в частности, связано с нарушением симметрии между прошлым и будущим, с признанием нелинейной природы и презумпции его необратимости» [8, с. 6]. Весьма характерной для социокультурной сферы Беларуси выступает проблема структурирования свободного времени. Наряду с пространством время является всеобщей формой существования

материи. Различным формам движения материи соответствуют свои, специфические, формы времени. Движению общественной материи соответствуют формы социального времени. Социальное время занятого в производстве населения можно представить следующим образом: рабочее время, вне рабочее время (которое включает в себя время пути на работу и обратно, время на хозяйственно-бытовые нужды, физиологические потребности), свободное время. Если в социалистическом измерении пропагандировался лозунг К. Маркса: «Свободное время – общественное богатство», то в настоящее время господствует лозунг: «Время, которое у нас есть, это деньги, которых у нас нет».

3. «Традиционно люди одного поколения жили практически в одном социальном пространстве, относительно замкнутом национальными и культурными границами. Соответственно, все находящиеся там смыслопроизводящие институты (семья, школа, религия и т. д.) формировали общие для всех моральные нормы, являвшиеся весьма значимым регулятором поведения людей. Положение радикально изменилось в становящемся сложным социуме» [8, с. 7]. С конца 1980-х гг. для белорусов стали возможны поездки за границу. Результаты социологических исследований на эту тему представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Бывали ли Вы в течение последних трех лет за рубежом?»
в зависимости от места проживания, %**

Table 1

Distribution of answers to the question: «Have you been abroad during the last three years?» depending on the region, %

Место проживания	Вариант ответа	
	Да	Нет
Витебская область	26,6	73,4
Гродненская область	33,7	67,3
Гомельская область	27,2	23,8
г. Минск	36,0	61,0
Минская область	10,9	89,1
Могилёвская область	16,7	83,3
Брестская область	40,1	59,9
г. Брест	62,5	37,5
Республика Беларусь	34,1	65,9

Мы проанализировали результаты исследований, проведенных в Бресте. Анализ позволил выяснить, как часто и с какими целями респонденты выезжали за границу. Если в 1997 г. и в течение двух предшествующих лет за границей побывали 62,5 % опрошенных брестчан, то в 2003–2005 гг. – 34,4 %, в 2014–2016 гг. – 44,2 %, в 2016–2018 гг. – 62,7 %, в 2019–2021 гг. – 56,0 % респондентов. Цели этих поездок перечислены в табл. 2.

Респондентам из Бреста, побывавшим за границей, предлагалось ответить на дополнительный вопрос: «Приходилось ли Вам вольно или невольно нарушать таможенные правила?». Выяснилось, что в 1995–1997 гг. таможенные правила нарушили 75,0 % пересекавших границу, в 2003–2005 гг. – 57,0 %, в 2014–2016 гг. – 41,4 %, в 2016–2018 гг. – 36,4 %, в 2019–2021 гг. – 16,0 % опрошенных.

Таблица 2

Распределение ответов брестчан на вопрос: «Если Вы бывали за границей в течение последних трех лет, то с какой целью?», %

Table 2

Distribution of answers of Brest residents to the question: «If you have been abroad in the last three years, then for what purpose?», %

Вариант ответа	Год проведения исследования				
	1997	2005	2016	2018	2021
Работа	7,5	19,4	13,1	11,5	10
Туризм	17,5	34,4	30,4	31,5	48
Бизнес	72,5	45,2	56,2	53,1	37
Другое	2,5	1,0	0,3	3,9	5

Таким образом, значительного изменения структуры поездок не наблюдается, однако в последние годы увеличилось число выездов за пределы страны по служебным вопросам, расширилось деловое, научное, культурное и спортивное сотрудничество. Наши соотечественники стали путешествовать больше.

Люди находят разные способы приспособиться к состоянию аномии: это может быть конформизм, т. е. подчиняющееся поведение, что пересекается с пресловутой белорусской толерантностью, отклоняющееся поведение (наркомания, бюрократия, уход от мира, забастовки, голодовки, мелкое воровство, экономический туризм) и т. д. При этом выявляется психологический парадокс: человек чувствует себя более защищенным и свободным в жесткой, закрытой системе с малым выбором занятий и ограниченными возможностями социального продвижения, чем в условиях неопределенности, в подвижной, открытой системе с универсальными нормами, формально равными для всех.

4. Реалии «нормальной аномии» не могли возникнуть раньше определенного уровня развития виртуальной реальности (она существовала и в традиционном обществе в виде мифических нарративов и религиозных представлений), после достижения которого начался процесс стирания различия между реальным и воображаемым [8, с. 7]. XX в. стал временем научно-технической революции, ее воздействие на все сферы общества, в том числе на сферу свободного времени, велико. В 1990-х гг. возросло количество телевизионных каналов. Были удовлетворены интересы желающих пользоваться аудио- и видеотехникой. Телевидение овладело аудиторией, особенно молодежной. Сегодня лидирует компьютер, интернет. По данным конкретно-социологических исследований, проведенных под руководством автора в 2005 г., 33,5 % респондентов имели персональный компьютер, 17,8 % – использовали интернет. К 2016 г. число людей, имеющих компьютер, удвоилось, а количество интернет-пользователей утроилось. В 2018 г. мобильный телефон имели 96,4 % респондентов, компьютер – 85,5 %, ин-

тернетом пользовались 81,9 %. В 2018 г. домашние телефоны были у 78,8 % опрошенных, более 95 % пользовались мобильными телефонами.

5. На становление «нормальной аномии» влияют процессы спектаклизации и игризации. Если прежде трудовая и игровая деятельность, рабочее и свободное время были отделены друг от друга определенными нормативными границами, то ныне они могут образовывать единое целое. На первый взгляд, данные процессы лишь увеличивают функциональность социума: внедрение игровых принципов и эвристических элементов в профессиональные стратегии позволяет политикам, дипломатам, бизнесменам, спортсменам эффективнее добиваться вполне прагматических целей. Однако побочные эффекты порождают новые уязвимости [8, с. 7]. В число субъектов современного политического процесса в Беларуси входят политические партии. В 2020 г. официально функционировали 15 политических партий. Большинство из них сталкиваются со следующими проблемами: отсутствие полноценной теоретической и социальной базы, уникальности, параллелизм деятельности, слабая узнаваемость. Чтобы у них была возможность обладать реальной политической силой, необходимо законодательное введение заявительного принципа при образовании политической партии, а также применение пропорциональной или смешанной избирательной системы на выборах в Палату представителей. Об аномичности белорусской партийной системы говорит и тот факт, что, по данным конкретно-социологического исследования, проведенного нами в Бресте в 2021 г., более 80 % респондентов отметили, что не поддерживают ни одну из политических партий Беларуси.

6. Традиционная аномия может распространяться как на повседневное, так и на научное знание. В последнем случае это порождает более или менее длительные вызовы для развития науки. В конкретный период времени содержание и характер науки определяются совокупностью принципов категориального аппарата, признающихся группой ученых в течение определенного исторического периода,

т. е. парадигмой, которая конституирует нормальную науку. Однако с течением времени ее представители сталкиваются с увеличением аномалий, которые не могут быть объяснены с помощью существующего инструментария, что, соответственно, вызывает кризис, заканчивающийся революцией и переходом к новой парадигме. При этом возможно парадоксальное сочетание самого разного знания и незнания [8, с. 8]. Аномические процессы затронули и социологию в нашей стране. Казалось бы, после повышения статуса и востребованности социологии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. ее ждет широкое поле деятельности, однако последующие события показали, что в лучшем случае к ней относятся с настороженностью. Несмотря на то что в высшей школе социология имеет статус обязательной дисциплины еще с конца 1980-х гг., с каждой образовательной реформой количество часов для ее изучения уменьшается. С 2014 г. социология в нашей стране изучается в рамках модуля «Экономика», который включает экономику и социологию. Экзамен по этому модулю студенты сдают на первом курсе, в одной аудитории, в один день, приоритет оценки – за экономистами, при этом если на изучение экономики отводится 44 академических часа, то на изучение социологии – 24 ч. В данной ситуации мы сталкиваемся с образовательным кентавризмом. Система аккредитации в социологии проводилась государством с благой целью – повысить качество социологических исследований, в первую очередь в период избирательных кампаний. Однако президентские выборы 2020 г. показали, что в условиях отсутствия социологических исследований активно распространяются фейки. Речь идет не о закрытии социологии, как в сталинские времена, а использовании ее в «придворном» статусе.

Социология – дорогая наука, требующая больших материальных средств. Стоимость проведения социологического опроса в Беларуси (с выборкой 1000 респондентов) достигает 10 тыс. долл. США и более. Поэтому важную роль играет социологическая солидарность. Это в первую очередь поддержка коллег при проведении научно-исследовательских работ (особенно конкретно-социологических), написании монографий, статей и т. д.

7. «Нормальная аномия» предполагает парадоксальное сосуществование традиционных рисков, рисков «общества риска» и новейших рисков «мирового общества риска», несущих с собой определенные уязвимости. Соответственно, людям приходится рефлексировать относительно парадоксальности самих рисков [9, с. 8]. Социологический анализ постсоветской действительности показывает, что во всех сферах жизни современного социума есть рискогенные проявления. Упреждение рисков аномичности и их минимизацию необходимо рассматривать как программу комплексных мер по стабилизации всех областей жизни общества на пути перехода к стратегии устойчивого развития.

Во-первых, рассматривая социальный феномен риска, необходимо опираться на функции, которые не разрушают систему, а укрепляют ее.

Во-вторых, риски влияют на социальную структуру общества. Необходим комплексный подход к изучению социальных групп и слоев социума, которые конструируют производство рисков. Речь идет об исследовании не только маргинальных, паразитических и криминальных групп, но и олигархов, меценатов, политиков, журналистов, планирующих и конструирующих аномальные ситуации.

В-третьих, необходимо анализировать изменения в общественном сознании: если ранее нормативным идеалом общества была социальная справедливость, то в обществе риска это безопасность. Риск всегда распространяется стремительнее, чем локализуется. Особенно это касается неизвестных социальных и техногенных рисков.

В-четвертых, необходимо учитывать, что современная жизнь потенциально рискозависима, при этом большие и малые риски становятся нормой повседневной жизни. «Нормальная аномия» в этой ситуации формирует рискофобии и рискофилии у определенной части социума.

В-пятых, необходимо использовать возможности социологии для становления социальной рискологии как части концепции социологии аномии переходного периода – одной из отраслей общесоциологической теории. В рассмотрении чрезвычайных ситуаций и катастрофических событий важно перейти с регистрационного уровня на аналитический.

В-шестых, достижение устойчивого неаномического развития подразумевает действенную государственную политику в целях обеспечения социально справедливого и экологически приемлемого развития, направленного на переход общества к стратегии устойчивого развития.

8. «Если традиционная аномия занимается проблематикой таких девиаций, как супружеская измена, разводы, аборт и т. д., то в поле нормальной аномии оказывается дисперсия традиционных норм семейно-брачных отношений, что в ряде культур, по существу, становится нормой. <...> Легализация однополых браков влечет за собой, с одной стороны, формальную реализацию прав человека на свободу выбора желаемого брачного партнера, а с другой – как ныне проявляющиеся, так и особенно отложенные уязвимости для существования человеческого рода» [9, с. 9].

Результаты социологического исследования отношения студентов к различным формам брака представлены в табл. 3.

9. Для анализа реалий нормальной аномии требуется новый валидный инструментарий. Как нам видится, для его формирования необходим синтез подходов социологии и других наук. На его основе успешно совершились так называемые повороты

в социологии: лингвистический (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё), рискологический (У. Бек [10], Э. Гидденс [11], Н. Луман [12]), материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге), культуральный (Дж. Александер). Особенно востребованы повороты сложности и ресурсности (Дж. Урри), совмещающие достижения социологии и естественных наук, исходя из того, что у них может быть общее предметное поле – многогранные проблемы становления сложного социума. Вместе с тем указанные междисциплинарные подходы, ратующие за интеграцию естественных и социальных наук, оставляют в стороне и тем самым умаляют гуманитарные науки. Недостаток, по

существу, отсутствие гуманистической направленности в инновационной деятельности человека, подмена гуманизма рационально-прагматической целесообразностью стали главными факторами формирования «нормальной аномии» [8, с. 9]. С. А. Кравченко предлагает гуманистический поворот, ведь для анализа сложного социума и «нормальной аномии» в особенности необходим синтез естественнонаучного, социального и гуманитарного знания. «Такая интеграция позволила бы, с одной стороны, максимально учесть всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, а с другой – осуществить поиск и утверждение новых форм гуманизма» [8, с. 9].

Таблица 3

Отношение студентов к формам совместного семейного проживания, %

Table 3

Attitude of students to forms of cohabitation, %

Формы совместного семейного проживания	Курс		Пол		Всего
	3-й	4-й	Парни	Девушки	
Брак, зарегистрированный в загсе	43,5	40,8	32,0	46,0	42,0
Гражданский брак	5,0	7,6	11,3	4,4	6,4
Брак, освященный церковью	18,6	19,0	19,6	18,5	18,8
Брак, зарегистрированный в загсе и освященный церковью	26,7	26,1	22,7	27,8	26,4

Примечание. Затруднились ответить 5,8 % студентов, 0,6 % респондентов не ответили.

10. Современное общество, страдающее «нормальной аномией», нельзя «вылечить» традиционными, рационально-прагматическими средствами. Жизненные стратегии в этих условиях, подходы к новым уязвимостям еще предстоит разработать, опираясь на интегральный инструментарий социальных, естественных и гуманитарных наук [8, с. 9].

Казалось бы, выстроенная концепция «нормальной аномии» реалистична и опирается на теоретические и практические разработки социологов [13]. Однако в ходе научного семинара в Институте социологии НАН Беларуси в марте 2020 г. уважаемый белорусский социолог С. А. Шавель высказал аргументированные сомнения в ее существовании: «Сомнительными представляются поиски концептуализации и категоризации выражения “нормальная аномия”, предложенные известным российским социологом С. А. Кравченко и, судя по всему, поддержанные С. Т. Кавецким. В нашем языке оно звучит как “нормальная ненормальность”, т. е. как типичный оксюморон типа “жареный лед” или “прямая кривизна”. Предполагается, что аномийными являются те новые нормы и ценности, которые вытесняют старые и занимают их место. Однако при этом не учитывается ни содержание новых норм, ни

сложность и длительность обновления нормативно-ценностной базы общественной и личной жизни. Уместно привести слова выдающегося советского философа Мераба Константиновича Мамардашвили, который утверждал: “Одной из катастрофических идей XX века является идея нового человека... Дай нам Бог породить или породить просто человека, имеющего свое назначение”¹. Возьмем, к примеру, такую якобы новую норму, как гражданский брак, т. е. сожительство без регистрации (об однополых браках в Беларуси речь не идет). Можно ли сегодня считать эту норму нормальной? Да, она существует у определенной части молодежи, но если взять сумму семейных отношений (рождение детей, определение их гражданского статуса, общее хозяйство и имущество, вопросы наследования и т. д.), то его никак нельзя отнести к нормативной системе общества, как бы ни хотелось кому-то его легитимировать. Ссылки на Дюркгейма здесь представляются некорректными. Он имел в виду, что аномия не есть кара небесная за какие-либо грехи. Она возникает в обществе и в этом смысле является естественной. Поэтому следует подумать о содержательном и лексическом аспектах данного выражения, используя такие слова, как “полезная норма”, “псевдонорма”, “статистическая норма”².

¹Мамардашвили М. К. Лекции по социальной философии // Социол. журн. 1994. № 3. С. 30–38.

²Выступление С. А. Шавеля на научном семинаре на тему «Аномия в современном обществе: социологический аспект» (Институт социологии НАН Беларуси, 5 марта 2020 г.).

По сути, возражения С. А. Шавеля не противоречат концепции «нормальной аномии». Это касается семейно-брачных отношений в нашей стране (см. табл. 3), подходов великого философа М. А. Мамардашвили и трактовки аномии Э. Дюркгеймом. А вот над лексическим и содержательным термином «нормальная аномия» надо подумать. Согласимся с С. А. Шавелем, однако приоритет в определении данного феномена должен принадлежать С. А. Кравченко.

В заключение отметим, что при анализе «нормальной аномии» необходимо учитывать новые условия глобальной нестабильности [14; 15]. В XX и начале XXI в. население Беларуси испытало на себе множество социальных катаклизмов: революции, Первую мировую войну, гражданскую войну, раздел страны по Рижскому договору, сталинские репрессии, воссоединение Западной и Восточной Беларуси,

Великую Отечественную войну, распад Советского Союза, Чернобыльскую катастрофу, избирательные кампании 2010 и 2020 гг., пандемию COVID-19 [15; 16]. Поэтому изучение изменений социальной структуры современного социума, взаимодействия государственных и общественных структур, поведения различных слоев населения в кризисных условиях остается актуальным.

Можно констатировать, что «нормальная аномия» прочно обосновалась на постсоветском пространстве, в том числе в Беларуси. Рецидивы «нормальной аномии», соединяясь в современном социуме с классической аномией и ее производными, микроаномией и мегааномией, могут приобрести характер тотальной аномии и обрушить не только национальное государство, но и нести угрозу человеческой цивилизации.

Библиографические ссылки

1. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. Москва: Наука; 1991. 575 с. (Социологическое наследие).
2. Тощенко ЖТ. *Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)*. Москва: Новый хронограф; 2011. 536 с.
3. Тощенко ЖТ. Фантомы общественного сознания и поведения. *Социс*. 2004;12:1–13.
4. Тощенко ЖТ. Новые лики деятельности: имитация. *Социс*. 2012;12:23–36.
5. Тощенко ЖТ. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования). *Социс*. 2017;4:16–26.
6. Тощенко ЖТ. *Парадоксальный человек*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА; 2008. 543 с. (Magister).
7. Титаренко ЛГ. *Современная западная социология: реконструкция парадигм*. Минск: БГУ; 2015. 215 с.
8. Кравченко СА. «Нормальная аномия»: контуры концепции. *Социс*. 2014;4:3–10.
9. Зарубина НН, Кравченко СА, Носкова АВ, Судас ЛГ, Кузьмина ЕИ. *«Нормальная аномия» в России и современном мире*. Кравченко СА, редактор. Москва: МГИМО; 2017. 281 с.
10. Beck U. *Risk society toward a new modernity*. London: SAGE; 1992. 272 p.
11. Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. Коробочкин М, переводчик. Москва: Весь мир; 2004. 120 с.
12. Luhmann N. *Risk: a sociological theory*. New York: Walter de Gruyter; 1993. 236 p.
13. Кавецкий СТ. *Аномия: теория и социальная практика*. 2-е издание. Брест: Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина; 2019. 245 с.
14. Мамардашвили МК. Лекции по социальной философии. *Социологический журнал*. 1994;3:30–38.
15. Данилов АН. К новому идеалу цивилизационного развития. В: Гусаков ВГ, Коваленя АА, Гигин ВФ, Зеленков АИ, Лазаревич АА, Чуешов ВИ и др., редакторы. *Национальная философия в глобальном мире. Тезисы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2017. с. 308–309.
16. Панарин АС. *Стратегическая нестабильность XXI в.* Москва: Алгоритм; 2004. 139 с.

References

1. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labour. Method of sociology]. Moscow: Nauka; 1991. 575 p. (Sotsiologicheskoe nasledie). Russian.
2. Toshchenko ZhT. *Kentavr-problema (opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza)* [Centaur-problem (experience of philosophical and sociological analysis)]. Moscow: Novyi khronograf; 2011. 536 p. Russian.
3. Toshchenko ZhT. [Phantoms of public consciousness and behaviour]. *Socis*. 2004;12:1–13. Russian.
4. Toshchenko ZhT. [New faces of activity: imitation]. *Socis*. 2012;12:23–36. Russian.
5. Toshchenko ZhT. Trauma as a deformation of the evolutionary and revolutionary development of society (the experience of sociological theorising). *Socis*. 2017;4:16–26. Russian.
6. Toshchenko ZhT. *Paradoksal'nyi chelovek* [Paradoxical man]. Moscow: YuNITI-DANA; 2008. 543 p. (Magister). Russian.
7. Titarenko LG. *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: rekonstruktsiya paradigmy* [Contemporary Western sociology: reconstructing paradigms]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 215 p. Russian.
8. Kravchenko SA. «Normal anomie»: the contours of the concept. *Socis*. 2014;4:3–10. Russian.
9. Zarubina NN, Kravchenko SA, Noskova AV, Sudas LG, Kuz'mina EI. *«Normal'naya anomiya» v Rossii i sovremennom mire* [«Normal anomie» in Russia and the modern world]. Kravchenko SA, editor. Moscow: Moscow State Institute of International Relations; 2017. 281 p. Russian.

10. Beck U. *Risk society toward a new modernity*. London: SAGE; 1992. 272 p.
11. Giddens A. *Runaway world. How globalisation is reshaping our lives*. London: Profile books; 1999. 104 p.
Russian edition: Giddens A. *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'*. Korobochkin M, translator. Moscow: Ves' mir; 2004. 120 p.
12. Luhmann N. *Risk: a sociological theory*. New York: Walter de Gruyter; 1993. 236 p.
13. Kavetski ST. *Anomy: theory and social practice*. 2nd edition. Brest: Brest State A. S. Pushkin University; 2019. 245 p. Russian.
14. Mamardashvili MK. [Lectures on social philosophy]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994;3:30–38. Russian.
15. Danilov AN. [Towards a new ideal of civilisational development]. In: Gusakov VG, Kovalenya AA, Gigin VF, Zelenkov AI, Lazarevich AA, Chueshov VI et al., editors. *Natsional'naya filosofiya v global'nom mire. Tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [National philosophy in the global world: abstracts of the First Belarusian Philosophical Congress; 2017 October 18–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. p. 308–309. Russian.
16. Panarin AS. *Strategicheskaya nestabil'nost' XXI v.* [Strategic instability of the 21st century]. Moscow: Algorithm; 2004. 139 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.10.2021.
Received by editorial board 11.10.2021.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 374.1

НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЕТЕЙ ВО ВНЕШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

И. Ю. ИВАНОВ¹⁾, С. Г. КОСАРЕЦКИЙ¹⁾

¹⁾Институт образования Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», пер. Потаповский, 16, корп. 10, 101000, г. Москва, Россия

Рассматривается проблема неравенства возможностей детей во внешкольном образовании в странах бывшего Советского Союза. Представляются и анализируются различия в общем охвате учащихся внешкольным образованием, а также возможности участия в нем детей в зависимости от места проживания (город, село). Обсуждаются тренды и причины изменений доступности внешкольного образования в постсоветский период. Анализируется законодательное регулирование вопросов доступности внешкольного образования и содержание национальной политики постсоветских государств, направленной на обеспечение справедливости и инклюзивности в этой сфере. Предпринимается попытка соотнести уровень институционализации национального регулирования внешкольного образования с уровнем его охвата. Используются количественные и качественные данные, собранные в ходе двухлетнего исследования институциональной трансформации сектора внешкольного образования в странах бывшего Советского Союза.

Ключевые слова: внешкольное образование; образование в постсоветских странах; неравенство возможностей детей во внешкольном образовании; постсоветские исследования.

Благодарность. Авторы выражают благодарность А. А. Белоноговой за помощь в работе с нормативными документами.

Образец цитирования:

Иванов ИЮ, Косарецкий СГ. Неравенство возможностей детей во внешкольном образовании в постсоветских странах. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;4:58–68.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-58-68>

For citation:

Ivanov IYu, Kosaretsky SG. Inequality of children's opportunities in extracurricular education in post-Soviet countries. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;4:58–68. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-58-68>

Авторы:

Иван Юрьевич Иванов – аналитик Центра общего и дополнительного образования им. А. А. Пинского.
Сергей Геннадьевич Косарецкий – кандидат психологических наук, доцент; директор Центра общего и дополнительного образования им. А. А. Пинского.

Authors:

Ivan Yu. Ivanov, analyst of the Pinsky Center for General and Extracurricular Education.
ijivanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5036-8899>
Sergey G. Kosaretsky, PhD (psychology), docent; director of the Pinsky Center for General and Extracurricular Education.
skosaretski@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8905-8983>

INEQUALITY OF CHILDREN'S OPPORTUNITIES IN EXTRACURRICULAR EDUCATION IN POST-SOVIET COUNTRIES

I. Yu. IVANOV^a, S. G. KOSARETSKY^a

^a*Institute of Education, National Research University «Higher School of Economics»,
16 Potapovskii Alleyway, 10 building, Moscow 101000, Russia*

Corresponding author: I. Yu. Ivanov (iyivanov@hse.ru)

The article considers the problem of inequality of opportunities for children's participation in extracurricular education in the countries of the former Soviet Union. The differences in the general coverage of extracurricular education and the peculiarities of participation due to the territory of children's residence (urban and rural) are presented and analysed. There is also a discussion of the trends and causes of changes in extracurricular education's availability in the post-Soviet period. The article analyses the legislative regulation of the issues of extracurricular education's accessibility and the content of national policies to ensure the fair and inclusive nature of extracurricular education. An attempt is made to correlate the level of institutionalisation of national regulation of extracurricular education with the participation rate. The article is based on quantitative and qualitative data collected during a two-year study of the institutional transformation of the extracurricular education sector in the countries of the former Soviet Union.

Keywords: extracurricular education; education in post-Soviet countries; inequality of children's opportunities in extracurricular education; post-Soviet studies.

Acknowledgements. The authors are grateful to A. A. Belonogova for help in working with regulatory documents.

Введение

Сегодня тема неравенства в образовании занимает центральное место в образовательной политике современных государств, а также в повестке исследований в этой сфере. Проблема равенства образовательных возможностей является вопросом не только морали и справедливости, но в значительной степени и экономического благополучия стран. Обеспечение равного доступа к образованию для всех детей независимо от социального, экономического и культурного уровня их семей рассматривается в качестве ключевой задачи образования в современном мире.

Проблема равенства образовательных возможностей является актуальной в контексте постсоветского транзита, который обострил проблему социальной стратификации в период институциональной турбулентности [1, р. 5; 2, р. 33; 3, с. 117]. Если со второй половины XX в. в исследовании общего образования ученые сосредоточились на показателях успеваемости, различия в которых обусловлены социальным происхождением [4, р. 21], то в изучении внешкольного образования внимание сфокусировалось на неравенстве возможностей детей.

Установлено, что дети из малообеспеченных и менее образованных семей меньше вовлечены во внеклассные занятия. Чаще всего они включаются в них, участвуя в программах на базе школ. Их сверстники из семей с более высоким уровнем дохода больше вовлечены в систему занятий вне школы, при этом их выбор не обусловлен территориальным фактором [5, р. 133; 6, р. 4; 7, р. 235; 8, р. 699; 9, р. 119; 10, с. 169; 11, с. 175].

Потенциал внешкольного образования в преодолении социального неравенства рассматривается также в контексте его влияния на успеваемость и отсев из школы [12, р. 115], социализацию школьников [13, р. 226], развитие социальных навыков [14, р. 172].

При этом особенности формирования и проявления неравенства во внешкольном образовании, его связь с устройством, регулированием, трансформацией национальных секторов внешкольного образования изучены явно недостаточно. Между тем эти исследования имеют двустороннюю ценность, позволяя, с одной стороны, увидеть значимую, но часто скрытую часть образовательного неравенства, а с другой – использовать полученные данные для более глубокого понимания переходных процессов в постсоветских странах и решения задач развития и образования детей [15, р. 266].

В этой статье впервые предпринимается попытка рассмотреть проблемы неравенства в секторе внешкольного образования на постсоветском пространстве. Мы используем так называемую общую рамку неравенства и институциональный подход для межстранового сопоставления. Чтобы представить текущее состояние неравенства, сформулировать предварительные выводы и гипотезы о его причинах в секторе внешкольного образования, проведена систематизация данных на национальном уровне.

Термин «внешкольное образование» мы используем для нивелирования особенностей определения соответствующих практик в разных странах. Под

внешкольными занятиями мы подразумеваем те практики, которые не являются обязательными в соответствии с государственными образовательными стандартами, не входят (содержательно) в школьный учебный план. В связи с этим такая форма занятий, как репетиторство, в рамках настоящего исследования не рассматривается.

Неравенство во внешкольном образовании на уровне государства мы рассматриваем прежде всего как различия в доступе к услугам и охвате занятиями. Поскольку данные в секторах внешкольного образования собираются в целом в меньшем объеме

и имеют свои особенности, межстрановые сравнения доступны только по основным параметрам: общему охвату, территориальной доступности, гендерному равенству.

Исследовательские вопросы и методы являются достаточно новыми для советской и постсоветской научной повестки. Основной корпус советских и постсоветских исследований ориентирован на изучение потенциала внешкольного образования в целях развития, социализации, организации отдельных форм и методов внешкольного образования [16, p. 135].

Методология

В работе использованы методы количественного анализа данных (статистический анализ сведений об образовательных организациях) и качественного анализа источников (контент-анализ документов образовательной политики, анализ законодательства в сфере внешкольного образования и экспертные интервью со специалистами сектора).

Представлено межстрановое сопоставление данных об участии детей постсоветских государств во внешкольном образовании (охват), в том числе в разрезе места их проживания (город, село), финансирования (платного (бесплатного) для потребителей). Для понимания механизмов формирования неравенства во внешкольном образовании в качестве базовой рамки использованы концепции человеческого и культурного капитала [17, p. 198; 18, p. 8]. Разный человеческий и культурный капитал в семьях определяет специфику родительских стратегий в образовании ребенка (в том числе инвестиционных), а также стиль воспитания, приводящий к образовательному равенству (неравенству) [19, p. 2; 20]. Необходимо также учитывать взаимосвязь доступности образовательных организаций

для детей и географического положения, которое влияет на возможности участия во внешкольном образовании [21, p. 23].

В статье раскрыты особенности законодательного определения права на внешкольное образование, развитие и досуг, а также регулирования доступа к ним в постсоветских странах. Особое внимание уделено вопросам бесплатного и инклюзивного внешкольного образования. Проанализирована представленность темы доступности внешкольного образования в стратегических документах, масштаб и содержание предлагаемых мер по обеспечению (повышению) доступности. Для решения этой задачи проведен анализ образовательной политики в контексте обеспечения равенства образовательных возможностей [22].

Исследование охватывает 15 стран бывшего Советского Союза. Значительный массив данных получен из разных источников (законодательство и образовательные стратегии, национальная статистика, экспертные интервью). При этом зафиксирован дефицит данных, вследствие чего ограничены возможности для сопоставительного анализа.

Результаты и их обсуждение

На постсоветском пространстве в общественном представлении и литературе доминирует мнение о том, что в СССР все дети имели возможность участвовать во внешкольных занятиях. Мы не можем верифицировать это утверждение по причине ограниченных статистических данных и исследований советского периода. В то же время есть все основания считать, что советская система внешкольного образования не имела аналогов по комплексу основных характеристик, обеспечивавших всеобщий доступ детей к внешкольному образованию [23, с. 77]. По предварительным оценкам, в 1989 г. он составлял около 90 %¹.

После распада Советского Союза странам, получившим независимость, предстояло одновременно решать задачи интеграции в глобальную образовательную повестку и идентификации национальной

образовательной стратегии в новых институциональных условиях (рынок с конкурентной средой, новыми игроками и целевыми группами, диверсификация системы регулирования и контроля).

В этих условиях начался процесс трансформации советской модели внешкольного образования, включавший изменения моделей управления и финансирования, структуры и масштаба сети. Кроме того, ряд стран столкнулись с серьезными социально-экономическими вызовами, пошатнувшими финансовую устойчивость как систем образования, так и домохозяйств. Эти процессы привели к изменениям в возможностях доступа детей к внешкольному образованию.

С 1991 г. уровень охвата учащихся внешкольным образованием во всех 15 странах бывшего Советского Союза снизился. Если, как уже было от-

¹Народное образование и культура в СССР (статистический сборник). М. : Финансы и статистика, 1989. С. 144.

мечено, в 1989 г. охват составлял около 90 % детей школьного возраста, то в 2020 г., по нашим оценкам, он имел диапазон от 12 до 91 % и в среднем по всем странам не превышал 55 % (табл. 1). Наибольший охват зафиксирован в Беларуси, Казахстане, России и Украине, наименьший – в Таджикистане и Узбекистане. Эти расчеты носят предварительный характер и ограничены объемом и качеством имеющихся данных. Кроме того, у нас нет сведений по охвату учащихся внешкольным образованием в отдельных странах на момент их вхождения в со-

став СССР, что не позволяет охарактеризовать динамику по каждой стране. Исходя из анализа данных и интервью с экспертами, можно утверждать, что основным фактором снижения охвата стало сокращение сети внешкольных образовательных организаций в постсоветский период. С нашей точки зрения, различия в охвате между странами связаны прежде всего с экономическими возможностями стран в финансировании организаций внешкольного образования и возможностями домохозяйств в оплате услуг.

Таблица 1

**Общий охват учащихся
внешкольным образованием
в странах бывшего Советского Союза, %**

Table 1

**General children's enrollment
in extracurricular education in the countries
of the former Soviet Union, %**

Страна	Охват
Азербайджан	19
Армения	30
Беларусь	91
Грузия	15*
Казахстан	83
Киргизия	62
Латвия	54
Литва	66
Молдова	60
Россия	71
Таджикистан	12
Туркменистан	25*
Узбекистан	15
Украина	88
Эстония	85

*Значение, полученное в ходе экспертной оценки специалистов внешкольного образования.

Важно зафиксировать различия в территориальной доступности внешкольных занятий в странах бывшего Советского Союза (табл. 2). В большинстве государств охват в городе существенно превышает охват в деревнях. Исключением является Таджикистан. Относительно сбалансированная картина наблюдается в Казахстане и Латвии. Именно в сельской местности сокращение сети организаций внешкольного образования наблюдалось в наибольшей степени.

Анализ структуры внешкольного образования показывает рост числа занятий на базе школ (но за

рамками основной программы), что, как отмечают эксперты, снижает риск неравенства возможностей детей в сельской местности и даже позволяет развивать новые направления, например программирование и робототехнику.

В постсоветский период существенным институциональным изменением в секторе внешкольного образования, оказавшим влияние на равенство возможностей, стало разрешение на оказание платных услуг (в СССР допускалось взимание платы в сегменте музыкальных школ). Такие услуги стали оказывать как частные, так и государственные организации.

Таблица 2

Охват учащихся внешкольным образованием в городской и сельской местности
в странах бывшего Советского Союза, %

Table 2

Children's enrollment in extracurricular education in urban and rural areas
in the countries of the former Soviet Union, %

Страна	Уровень урбанизации (по данным CIA World Factbook, 2020)	Доля детей в городе (от общего числа детей, охваченных внешкольным образованием)	Доля детей в сельской местности (от общего числа детей, охваченных внешкольным образованием)
Азербайджан	56,4	75	25
Армения*	63,3	90	10
Беларусь	79,5	85	15
Грузия*	59,5	70	30
Казахстан	57,7	57	47
Киргизия	36,9	63	37
Латвия	68,3	55	45
Литва	68	82	18
Молдова	42,8	79	21
Россия	74,8	66	34
Таджикистан	27,5	40	60
Туркменистан	52,5	80	20
Узбекистан	50,4	90	10
Украина	69,6	91	9
Эстония	69,2	76	24

*Значение, полученное в ходе экспертной оценки специалистов внешкольного образования.

По этим показателям страны заметно отличаются. На данном этапе исследования мы обладаем только экспертной оценкой, которая характеризует долю коммерческих услуг в государственном секторе внешкольного образования от 0 до 25 % (в зависимости от страны). В свою очередь, доля услуг в частном секторе (преимущественно платных с небольшой частью благотворительных средств) составляет от 2 до 76 % (в среднем около 21 % по 15 странам). Очевидно, что в платном сегменте внешкольного образования представлены в основном дети из материально благополучных семей. Платность, по оценкам экспертов, является одним из главных барьеров доступа к внешкольным занятиям во всех странах бывшего СССР.

Выяснилось, что в законодательстве всех постсоветских стран в той или иной формулировке зафиксировано право детей на внешкольное образование или развитие (физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное), на досуг и оздоровление. Кроме того, мы находим фиксацию права на научное, техническое и художественное творчество, участие в культурной, спортивной и общественной жизни, а также иных прав, которые тем или иным образом реализуются через участие во внешкольном образовании.

Исследование показало, что в целом права детей на внешкольные занятия гомогенны (имеют сходные формулировки) по всем странам бывшего Советского Союза. Это можно объяснить как общим историческим прошлым, так и включенностью постсоветских государств в глобальные процессы, например, через участие в международных декларациях (Конвенция о правах ребенка).

При этом гарантии права на бесплатное внешкольное образование законодательно не закреплены ни в одной из стран бывшего Советского Союза. Есть отдельные примеры регулирования доступности внешкольных занятий, в том числе на бесплатной основе. Льготный порядок пользования услугами в культурных, спортивных и физкультурно-оздоровительных организациях установлен в Азербайджане (ст. 25 Закона «О правах ребенка» от 19 мая 1998 г.) и Беларуси (ст. 25 Закона «О правах ребенка» от 19 ноября 1993 г.). При этом право на бесплатное внешкольное образование косвенно обеспечивается для всех желающих в Азербайджане (ст. 25 Закона «О правах ребенка» от 19 мая 1998 г.), Молдове (ст. 37 Кодекса «Об образовании» от 17 июля 2014 г.) и Украине (ст. 4 Закона «Об образовании» от 5 сентября 2017 г.). В Кодексе Республики Молдова «Об образовании» заявлено, что в положение о функционировании ор-

ганизаций внешкольного образования включен перечень образовательных услуг, бесплатных для всех желающих в возрасте от 5 до 21 года. Закон Украины «Об образовании» указывает, что право на бесплатное внешкольное образование для всех желающих обеспечивается в организациях образования за счет финансирования из государственного и (или) местного бюджета. Как показывают экспертные интервью и анализ документов, финансирование внешкольного образования осуществляется в первую очередь за счет местных бюджетов, что выступает серьезным фактором дефицита ресурсов.

Эксперты указывают на то, что законодательство стран позволяет организациям открывать платные кружки и секции, что связано с ограниченностью бюджетного финансирования государственных учреждений, а также со спросом на виды занятий, которые не полностью удовлетворены в государственном сегменте (например, научно-техническое и национальное творчество).

Отдельного внимания заслуживают представленные в законодательстве многих постсоветских стран положения о так называемой инклюзивной доступности внешкольного образования. Так, в Грузии, согласно Кодексу «О правах ребенка», программа социальной инклюзии детей охватывает мероприятия образовательной, информационной, спортивной, культурной и профессиональной направленности. В Беларуси организации внешкольного образования детей и молодежи реализуют ряд программ, включая программу воспитания и защиты прав и законных интересов детей, находящихся в социально опасном положении (ст. 231 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» от 13 января 2011 г.). В России в Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. отмечается, что государство обеспечивает максимальную доступность услуг организаций отдыха и оздоровления детей (ст. 12).

В странах Балтийского региона и Центральной Азии инклюзивная доступность внешкольного образования обеспечивается через предоставление детям с особыми потребностями права на активное участие в творческой и общественной деятельности. Эти права зафиксированы в законодательстве Литвы (ст. 28 Закона «О защите прав детей» от 14 марта 1996 г.), Латвии (ст. 54 Закона «О защите прав детей» от 22 июля 1998 г.), Эстонии (ст. 52 Закона «О защите прав детей» от 19 июня 1992 г.), Казахстана (ст. 31 Закона «О правах ребенка в Республике Казахстан» от 8 августа 2002 г.), Таджикистана (ст. 45 Закона «О защите прав ребенка» от 18 марта 2015 г.), Туркменистана (ст. 42 Закона «О государственных гарантиях прав ребенка» от 3 мая 2014 г.). В Киргизии государство способствует социальной адаптации и интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что можно косвенно

считать обеспечением прав на доступ к внешкольному образованию (ст. 10 Кодекса «О детях» от 10 июля 2012 г.). В Узбекистане государство обеспечивает бесплатное внешкольное образование для детей с физическими, умственными, сенсорными или психическими нарушениями в специализированных образовательных организациях (ст. 55 Закона «Об образовании» от 23 сентября 2020 г.).

В Украине и Таджикистане обеспечение инклюзии внешкольного образования закреплено в соответствующих законах. Так, в Украине документально зафиксировано, что лицам с особыми образовательными потребностями с учетом их индивидуальных потребностей, возможностей, способностей государство предоставляет условия для получения внешкольного образования (ст. 6 Закона «О внешкольном образовании» от 22 июня 2000 г.). В Таджикистане государство обеспечивает организацию обучения и воспитания детей из малообеспеченных и многодетных семей, детей-инвалидов, детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения (ст. 17 Закона «О дополнительном образовании» от 16 апреля 2012 г.). При этом сведения об инклюзии во внешкольном образовании собраны не по всем государствам, что не позволяет нам провести межстрановые сопоставления по данному показателю.

Вопросы доступности внешкольного образования достаточно полно отражены в национальных документах (концепциях, стратегиях и др.). Многие страны декларируют меры по повышению территориальной доступности внешкольного образования. Так, в Казахстане в документе «Концептуальные подходы к развитию дополнительного образования детей» указана задача увеличивать охват внешкольного образования детей и развивать дистанционное обучение, особенно в сельской местности. Концепция развития системы народного образования Республики Узбекистан до 2030 г. предусматривает увеличение количества направлений кружков в региональных детских центрах «Баркамол авлод», в том числе по робототехнике и программированию. В России в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» создаются новые места дополнительного образования, в том числе в сельской местности. В рамках Стратегии устойчивого развития Латвии до 2030 г. предлагаются различные меры для обеспечения доступного образования во всех возрастных группах.

Для обеспечения территориальной доступности внешкольного образования разработаны документы по его информатизации в России (Концепция развития дополнительного образования детей в Российской Федерации), Украине (Национальная стратегия развития образования в Украине на период до 2021 г.), Киргизии (Концепция развития образования в Кыргызской Республике на 2021–2030 гг.) и Туркменистане (Концепция развития цифровой образовательной системы в Туркменистане).

Что касается расширения финансовой доступности внешкольного образования, то, например, в Грузии в соответствии с Общей стратегией по образованию и науке на 2017–2021 гг. по-прежнему будут поддерживаться бесплатные уроки, особенно в направлении спорта и искусства, также будет продолжено государственное финансирование активного отдыха школьников в летних и зимних лагерях. В Литве в рамках Стратегии повышения квалификации ОЭСР в Литовской Республике был введен ваучер для внешкольного образования детей в целях субсидирования платы за образование учащихся. Существуют и узконаправленные, таргетированные инструменты поддержки. Например, в Армении в рамках целевой программы «Обучение национальным, струнным и духовым инструментам» в музыкальных и художественных школах, реализуемой Министерством образования, науки, культуры и спорта Республики Армения, предусмотрено возмещение расходов на обучение ученикам из указанных школ по всей стране.

Федеральной целевой программой развития образования на 2016–2020 гг. в Российской Федерации введено персонализированное финансирование внешкольного образования, предусматривающее выдачу семье ребенка сертификата на бесплатное получение соответствующих услуг. В национальном проекте «Образование» предусмотрено внедрение модели доступности дополнительных общеобразовательных программ для детей независимо от их места проживания, состояния здоровья, социально-экономического положения. Концептуальные подходы к развитию дополнительного образования детей в Республике Казахстан, утвержденные в 2019 г., также предполагают создание системы общественной поддержки внешкольного образования, включающей деятельность фондов «Дети в науке» и «Дети в искусстве».

В национальных стратегических документах достаточно много инициатив по обеспечению инклюзивной доступности внешкольного образования. Концепция развития дополнительного образования детей в Российской Федерации, утвержденная в 2014 г., среди механизмов развития внешкольного образования детей указывает поддержку образовательных программ, ориентированных на детей из групп социального риска, детей с ограниченными

возможностями, детей из семей с низким социально-экономическим статусом. Концептуальные подходы к развитию дополнительного образования детей в Республике Казахстан, утвержденные в 2019 г., предусматривают увеличение охвата внешкольным образованием детей с особыми образовательными потребностями, в том числе посредством развития дистанционного обучения. В Концептуальных подходах к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 г. и на перспективу до 2030 г. указана задача повысить доступность образования для лиц с особенностями психофизического развития. Национальная стратегия развития образования Республики Таджикистан до 2030 г. в целях обеспечения равенства и доступности образования предполагает расширение доступа к различным ступеням образования девочек и женщин, а также национальных меньшинств. Кроме того, в документе отмечается необходимость стимулировать поддержку инклюзивного образования, в том числе создать безбарьерную инфраструктуру и подготовить учебные материалы.

Как видим, вопросы доступности внешкольного образования являются в высокой степени интегрированными в текущую образовательную повестку. Более того, есть основания говорить не об отдельных проектах, а об институционализированном характере инициатив в этом направлении, что связано с развитием сектора во всех 15 постсоветских государствах.

На основе метода экспертных оценок комплексного анализа, национальных законодательных актов, а также стратегий, программ и концепций развития образования нами проведена дифференциация глубины законодательного регулирования внешкольного образования и масштаба его отражения в стратегических документах (табл. 3). Высокий уровень предусматривает подробное государственное регулирование сектора внешкольного образования, а также наличие отдельного закона в этой области. На постсоветском пространстве всего три такие страны. Средний уровень предполагает детальное регулирование сектора внешкольного образования. Эта золотая середина, как видим, имеет положительную корреляцию с охватом. Низкий уровень отражает невысокую конкретизацию требований и обеспечительных мер в секторе внешкольного образования.

Таблица 3

Соотношение глубины законодательной и стратегической рамок с охватом учащихся внешкольным образованием в странах бывшего Советского Союза, %

Table 3

The ratio of the depth of the legislative and strategic frameworks with the children's enrollment in extracurricular education in the countries of the former Soviet Union, %

Страна	Глубина регулирования внешкольного образования в законодательстве	Масштаб и глубина отражения внешкольного образования в национальных концепциях и программах	Охват
Азербайджан			19
Армения			30

Окончание табл. 3
Ending table 3

Страна	Глубина регулирования внешкольного образования в законодательстве	Масштаб и глубина отражения внешкольного образования в национальных концепциях и программах	Охват
Беларусь			91
Грузия			15*
Казахстан			83
Киргизия			62
Латвия			54
Литва			66
Молдова			60
Россия			71
Таджикистан			12
Туркменистан			25*
Узбекистан			15
Украина			88
Эстония			85

Примечание. Красный цвет отражает высокий уровень, синий – средний уровень, зеленый – низкий уровень; * – значение, полученное в ходе экспертной оценки специалистов внешкольного образования.

Таким образом, в большинстве случаев масштаб отражения вопросов внешкольного образования в законодательстве и наличие соответствующих концепций и программ развития не всегда связаны с уровнем охвата внешкольными занятиями. Так, например, в Таджикистане он составляет около 12 % (это кумулятивный показатель, основанный на данных статистики и экспертной оценке), при этом в стране принят специальный закон и определена образовательная стратегия. Средний уровень необязательно соотносится с высоким охватом: в Узбекистане после почти двух десятилетий стагнации внешкольное

образование в последние годы получило новые импульсы для развития, что может объяснять разрыв между высоким уровнем институционального регулирования и низким охватом. Тем не менее в большинстве случаев регулирование и декларирование целей развития внешкольного образования соотносятся с высоким уровнем охвата и доступностью. Это можно объяснить как значимостью институциональности сектора, так и другими факторами, например традициями, уровнем социально-экономического развития. Эти гипотезы еще предстоит проверить и проанализировать.

Заключение

Как показывает анализ, трансформационные процессы после распада СССР привели к снижению охвата учащихся внешкольным образованием в постсоветских странах. Представить объективные данные по изменению охвата по каждой стране нет возможности, но экспертные оценки позволяют утверждать, что в ряде случаев снижение было весьма существенным.

Заметные различия в доступности внешкольного образования зависят от уровня урбанизации (город, село). Барьер территориальной доступности выступает одним из ключевых для подавляющего большинства рассмотренных стран.

На наш взгляд, изменения в охвате и доступности внешкольного образования связаны прежде всего с сокращением сети соответствующих организаций во всех странах. Различия в охвате между странами можно объяснить в первую очередь разными эконо-

мическими возможностями в финансировании. При этом можно предположить, что определенную роль сыграли и социокультурные условия (в ряде регионов внешкольное время детей не рассматривается как ресурс для получения дополнительного опыта). Значимым барьером выступает финансовая доступность (недоступность) внешкольного образования, связанная с развитием сегмента платных услуг.

Таким образом, вне зависимости от страновых особенностей внешкольное образование становится средой для воспроизводства и усиления неравенства, поскольку дети из семей с высоким социально-экономическим статусом, живущие в городской среде, имеют больше возможностей для участия во внешкольных занятиях, чем дети из малообеспеченных семей или семей, проживающих в сельской местности. При этом эффект участия усиливает конкурентные позиции детей из первой группы

семей в развитии, социализации, образовательной успешности [12, р. 115; 13, р. 226; 14, р. 172].

В ходе сбора и сопоставления данных мы столкнулись с существенными ограничениями, что делает сформулированные выводы открытыми для критики. В то же время мы полагаем, что предпринятая попытка анализа может стать отправной точкой для исследования динамики неравенства возможностей во внешкольном образовании в различных странах и проведения межстрановых сопоставлений с использованием более сложных количественных методов и расширением качественных.

Мы связываем неравенство возможностей во внешкольном образовании с социально-экономическими факторами, что также отмечается в зарубежных исследованиях [24, р. 1380]. Необходимо учитывать особенности страны, их масштаб проявлений и силу влияния. Однако делать такие выводы очень сложно из-за отсутствия соответствующих данных и сравнительных исследований. Также перспек-

тивным представляется рассмотрение неравенства с точки зрения не только контекста, но и обусловленности институциональными факторами. Необходимо понять, как институциональная структура и характер регулирования сектора внешкольного образования (в том числе права и гарантий участников, финансирования системы внешкольных занятий и др.) влияют на неравенство. Наша попытка проанализировать подобную корреляцию дает почву для дискуссии о работе учреждений внешкольного образования и исключениях из правил (институциональный характер регулирования не всегда обеспечивает высокий охват). Безусловно, существуют и другие факторы, например образовательные стратегии семей, влияющие на неравенство [25, с. 246]. Сейчас это в основном гипотезы, которые нуждаются в верификации на строгой методологической основе. Исследование неравенства во внешкольном образовании в постсоветских странах имеет важное значение в контексте изучения трансформации данного сектора.

Библиографические ссылки

1. Silova I. Rediscovering post-socialism in comparative education. In: Silova I. *Post-Socialism is not dead: (Re)reading the global in comparative education*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited; 2010. p. 1–24. (International Perspectives on Education and Society; Volume 14). DOI: 10.1108/S1479-3679(2010)0000014004.
2. Bjornavold J. *Making learning visible: identification, assessment and recognition of non-formal learning in Europe*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities; 2000. 224 p.
3. Косарецкий СГ, Груничева ИГ, Гошин МЕ. Образовательная политика России конца 1980-х – начала 2000-х годов: декларации и практическое влияние на неравенство в общем образовании. *Мир России. Социология. Этнология*. 2016; 25(4):115–135.
4. Coleman JS. Equality of educational opportunity. *Equity & Excellence in Education*. 1968;6(5):19–28. DOI: 10.1080/0020486680060504.
5. Bennett PR, Lutz AC, Jayaram L. Beyond the schoolyard. The role of parenting logics, financial resources, and social institutions in the social class gap in structured activity participation. *Sociology of Education*. 2012;85(2):131–157. DOI: 10.1177/0038040711431585.
6. Ashbourne D, Andres L. Athletics, music, languages, and leadership: how parents influence the extracurricular activities of their children. *Canadian Journal of Education*. 2015;38(2):1–34.
7. Bartko WT, Eccles JS. Adolescent participation in structured and unstructured activities: a person-oriented analysis. *Journal of Youth and Adolescence*. 2003;32(4):233–241. DOI: 10.1023/A:1023056425648.
8. Fredricks JA, Eccles JS. Is extracurricular participation associated with beneficial outcomes? Concurrent and longitudinal relations. *Developmental Psychology*. 2006;42(4):698–713. DOI: 10.1037/0012-1649.42.4.698.
9. Lareau A, Weininger EB. Class and the transition to adulthood. In: Lareau A, Conley D, editors. *Social class: how does it work?* New York: Russell Sage Foundation; 2008. p. 118–151.
10. Косарецкий СГ, Куприянов БВ, Филиппова ДС. Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семей и месте проживания. *Вопросы образования*. 2016;1:168–190. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-168-190.
11. Ивановщина ВА, Александров ДА. Социализация через неформальное образование: внеклассная деятельность российских школьников. *Вопросы образования*. 2014;3:174–197. DOI: 10.17323/1814-9545-2014-3-174-196.
12. Eccles JS, Templeton J. Chapter 4: Extracurricular and other after-school activities for youth. *Review of research in education*. 2002;26(1):113–180. DOI: 10.3102/0091732X026001113.
13. Eccles JS, Roeser RW. Schools as developmental contexts during adolescence. *Journal of research on adolescence*. 2011; 21(1):225–241. DOI: 10.1111/j.1532-7795.2010.00725.x.
14. Larson R, Hansen D, Walker K. Everybody's gotta give. Development of initiative and teamwork within a youth program. In: Mahoney JL, Larson RW, Eccles JS, editors. *Organized activities as contexts of development. Extracurricular activities, after-school and community programs*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates Publishers; 2005. p. 159–183.
15. Chankseliani M. Charting the development of knowledge on Soviet and post-Soviet education through the pages of comparative and international education journals. *Comparative Education*. 2017;53(2):265–283. DOI: 10.1080/03050068.2017.1293407.
16. Kosaretsky S, Ivanov I. Inequality in extracurricular education in Russia. *International Journal for Research on Extended Education*. 2019;7(2):132–143. DOI: 10.3224/ijree.v7i2.03.
17. Bourdieu P. Outline of a theory of practice. In: Lawrence BB, Karim A, editors. *On violence: a reader*. Durham: Duke University Press; 2007. p. 189–198. DOI: 10.1215/9780822390169.

18. Becker GS, Tomes N. Human capital and the rise and fall of families. *Journal of labor economics*. 1986;4(3; Part 2):1–39. DOI: 10.1086/298118.
19. Lareau A. Cultural knowledge and social inequality. *American Sociological Review*. 2015;80(1):1–27. DOI: 10.1177/0003122414565814.
20. Goldthorpe JH. «Cultural Capital»: Some critical observations. *Sociologica* [Internet]. 2007 [cited 2021 August 15];1(2). DOI: 10.2383/24755. Available from: <https://www.rivisteweb.it/doi/10.2383/24755>.
21. Donnelly M, Lazetic P, Sandoval-Hernández A, Kameshwara KK, Whewall S. An unequal playing field: extra-curricular activities, soft skills and social mobility. *Social Mobility Commission* [Internet]. 2019 [cited 2021 August 17]. 78 p. Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/818679/An_Unequal_Playing_Field_report.pdf.
22. Wodon Q. What matters most for equity and inclusion in education systems: a framework paper [Internet] 2016 [cited 2021 August 25]. (SABER Working Paper Series; number 10). Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28094/117569-NWP-Framework-SABER-EAI.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
23. Иванов ИЮ, Куприянов БВ, Косарецкий СГ. Коллективное и сознательное: институциональный взгляд на советское внешкольное образование. *Образовательная политика*. 2021;2:76–87.
24. Hastings JS, Weinstein JM. Information, school choice, and academic achievement: evidence from two experiments. *The Quarterly Journal of Economics*. 2008;123(4):1373–1414. DOI: 10.1162/qjec.2008.123.4.1373.
25. Павленко КВ, Поливанова КН, Бочавер АА, Сивак ЕВ. Дополнительное образование школьников: функции, родительские стратегии, ожидаемые результаты. *Вопросы образования*. 2019;2:241–261. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-241-261.

References

1. Silova I. Rediscovering post-socialism in comparative education. In: Silova I. *Post-Socialism is not dead: (Re)reading the global in comparative education*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited; 2010. p. 1–24. (International Perspectives on Education and Society; Volume 14). DOI: 10.1108/S1479-3679(2010)0000014004.
2. Bjornavold J. *Making learning visible: identification, assessment and recognition of non-formal learning in Europe*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities; 2000. 224 p.
3. Kosaretsky SG, Grunicheva IG, Goshin ME. Russian educational policy of the late 1980s – early 2000s: declarations and the actual impact on inequality in general education. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2016;25(4):115–135. Russian.
4. Coleman JS. Equality of educational opportunity. *Equity & Excellence in Education*. 1968;6(5):19–28. DOI: 10.1080/0020486680060504.
5. Bennett PR, Lutz AC, Jayaram L. Beyond the schoolyard. The role of parenting logics, financial resources, and social institutions in the social class gap in structured activity participation. *Sociology of Education*. 2012;85(2):131–157. DOI: 10.1177/0038040711431585.
6. Ashbourne D, Andres L. Athletics, music, languages, and leadership: how parents influence the extracurricular activities of their children. *Canadian Journal of Education*. 2015;38(2):1–34.
7. Bartko WT, Eccles JS. Adolescent participation in structured and unstructured activities: a person-oriented analysis. *Journal of Youth and Adolescence*. 2003;32(4):233–241. DOI: 10.1023/A:1023056425648.
8. Fredricks JA, Eccles JS. Is extracurricular participation associated with beneficial outcomes? Concurrent and longitudinal relations. *Developmental Psychology*. 2006;42(4):698–713. DOI: 10.1037/0012-1649.42.4.698.
9. Lareau A, Weininger EB. Class and the transition to adulthood. In: Lareau A, Conley D, editors. *Social class: how does it work?* New York: Russell Sage Foundation; 2008. p. 118–151.
10. Kosaretsky SG, Kupriyanov BV, Filippova DS. Peculiarities of the participation of children in additional education, determined by the differences in the cultural, educational and property status of families and place of residence. *Educational studies Moscow*. 2016;1:168–190. Russian. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-168-190.
11. Ivanyushina VA, Alexandrov DA. Socialisation through informal education: extracurricular activities of Russian school students. *Educational studies Moscow*. 2014;3:174–197. Russian. DOI: 10.17323/1814-9545-2014-3-174-196.
12. Eccles JS, Templeton J. Chapter 4: Extracurricular and other after-school activities for youth. *Review of research in education*. 2002;26(1):113–180. DOI: 10.3102/0091732X026001113.
13. Eccles JS, Roeser RW. Schools as developmental contexts during adolescence. *Journal of research on adolescence*. 2011;21(1):225–241. DOI: 10.1111/j.1532-7795.2010.00725.x.
14. Larson R, Hansen D, Walker K. Everybody's gotta give. Development of initiative and teamwork within a youth program. In: Mahoney JL, Larson RW, Eccles JS, editors. *Organized activities as contexts of development. Extracurricular activities, after-school and community programs*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates Publishers; 2005. p. 159–183.
15. Chankseliani M. Charting the development of knowledge on Soviet and post-Soviet education through the pages of comparative and international education journals. *Comparative Education*. 2017;53(2):265–283. DOI: 10.1080/03050068.2017.1293407.
16. Kosaretsky S, Ivanov I. Inequality in extracurricular education in Russia. *International Journal for Research on Extended Education*. 2019;7(2):132–143. DOI: 10.3224/ijree.v7i2.03.
17. Bourdieu P. Outline of a theory of practice. In: Lawrence BB, Karim A, editors. *On violence: a reader*. Durham: Duke University Press; 2007. p. 189–198. DOI: 10.1215/9780822390169.
18. Becker GS, Tomes N. Human capital and the rise and fall of families. *Journal of labor economics*. 1986;4(3; Part 2):1–39. DOI: 10.1086/298118.
19. Lareau A. Cultural knowledge and social inequality. *American Sociological Review*. 2015;80(1):1–27. DOI: 10.1177/0003122414565814.

20. Goldthorpe JH. «Cultural Capital»: Some critical observations. *Sociologica* [Internet]. 2007 [cited 2021 August 15];1(2). DOI: 10.2383/24755. Available from: <https://www.rivisteweb.it/doi/10.2383/24755>.
21. Donnelly M, Lazetic P, Sandoval-Hernández A, Kameshwara KK, Whewall S. An unequal playing field: extra-curricular activities, soft skills and social mobility. *Social Mobility Commission* [Internet]. 2019 [cited 2021 August 17]. 78 p. Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/818679/An_Unequal_Playing_Field_report.pdf.
22. Wodon Q. What matters most for equity and inclusion in education systems: a framework paper [Internet] 2016 [cited 2021 August 25]. (SABER Working Paper Series; number 10). Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28094/117569-NWP-Framework-SABER-EAI.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
23. Ivanov IYu, Kupriyanov BV, Kosaretsky SG. Collective and intentional: institutional focus on soviet extracurricular education. *Obrazovatel'naya politika*. 2021;2:76–87. Russian.
24. Hastings JS, Weinstein JM. Information, school choice, and academic achievement: evidence from two experiments. *The Quarterly Journal of Economics*. 2008;123(4):1373–1414. DOI: 10.1162/qjec.2008.123.4.1373.
25. Pavlenko KV, Polivanova KN, Bochaver AA, Sivak EV. Extracurricular activities of school students: functions, parental strategies, and expected outcomes. *Educational Studies Moscow*. 2019;2:241–261. Russian. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-241-261.

Статья поступила в редколлегию 27.09.2021.
Received by editorial board 27.09.2021.

УДК 374.1:379.8

ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ: БЕЛОРУССКИЙ КЕЙС

И. А. ЯКОВЛЕВА^{1), 2)}

¹⁾Минский государственный дворец детей и молодежи,
тр. Старовиленский, 41, 220053, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются процессы социогенеза и трансформации системы дополнительного образования детей и молодежи в социально-временном континууме, который задан вызовами становления Республики Беларусь как суверенного государства. Представлены основные социокультурные форматы и тренды инновационного развития дополнительного образования как социальной системы и социально-образовательной практики. Исследуются методологические подходы к анализу данного полипредметного вида образования, который не регламентируется государственными стандартами. Отмечается, что в настоящее время дополнительное образование рассматривается в качестве социальной технологии образования, воспитания и развития. Приводится актуальная статистическая информация о социальных акторах, которые реализуют дополнительное образование детей и молодежи в Республике Беларусь. Данный подход позволяет рассматривать дополнительное образование как социосферу ресурсных возможностей, повышающих эффективность социализации обучающихся.

Ключевые слова: дополнительное образование детей и молодежи; социальное время; инновационные тренды социального развития; доступность и качество дополнительного образования детей и молодежи; социальная технология; социосфера развития личности.

POST-SOVIET TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF NON-FORMAL EDUCATION OF CHILDREN AND YOUTH: BELARUSIAN CASE

I. A. YAKOVLEVA^{a, b}

^aMinsk State Palace of Children, 41 Staravilienski Tract, Minsk 220053, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In this article the author analyses the processes of sociogenesis and transformation of the system of additional education for children and youth in the social-temporal continuum which is set by the challenges of the post-Soviet period of the formation of the Republic of Belarus as a sovereign state. The main socio-cultural formats and trends of innovative development of additional education that presented as a social system and socio-educational practice were studied. The author explores methodological approaches to the analysis of additional education as a variable polydisciplinary type of education which is not regulated by state educational standards. Today additional education is considered as a social technology of formal education, non-formal education and development. The article provides up-to-date statistical information about social actors who implement additional education for children and youth in the Republic of Belarus. This approach allows us to consider additional education as a sociosphere of resource opportunities that increase the efficiency of socialisation process of students.

Keywords: non-formal education of children and youth; social time; innovative trends of social development; availability and quality of non-formal education of children and youth; social technology; sociosphere of personality development.

Образец цитирования:

Яковлева ИА. Постсоветские тренды развития дополнительного образования детей и молодежи: белорусский кейс. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;4:69–81.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-69-81>

For citation:

Yakovleva IA. Post-Soviet trends in the development of non-formal education of children and youth: Belarusian case. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021; 4:69–81. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-69-81>

Автор:

Ирина Александровна Яковлева – заведующий Центром социального мониторинга дополнительного образования детей и молодежи¹⁾; научный сотрудник кафедры социологии факультета философии и социальных наук²⁾.

Author:

Irina A. Yakovleva, head of the Center for social monitoring of additional education for children and youth^a; researcher at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences^b.

Введение

Социальное время, в течение которого существует и трансформируется практика организации внешкольной (дополнительной) занятости детей и подростков, в 2018 г. перешагнуло вековую отметку. Уже столетие общество целенаправленно развивает особенную инфраструктуру детства как условие для творческой реализации, гражданского воспитания и продуктивной социализации новых поколений.

Категория социального времени является одной из важнейших в тезаурусе социогуманитарных наук. Когда мы говорим о динамике социальных процессов, время, как фундаментальное свойство бытия, проявляется в двух направлениях. Во-первых, социальное время задает упорядоченность, последовательность, продолжительность и скорость протекания событийных потоков. Это количественное время, которое определяет порядок в описании и осознании коллективных и индивидуальных действий социальных общностей, групп и личностей. Образно говоря, это календарь событий, «органайзер», где фиксируются способы, даты и периоды социальной активности.

Во-вторых, социальное время связано с сущностью, внутренней природой и меняющимися культурно-историческими смыслами, т. е. с качественными характеристиками общественных изменений. Качественное время задает особенные характеристики состояния социума в тот или иной период, сложившиеся образы (стереотипы) коллективного и индивидуального сознания, наделяет социальную реальность эмоционально окрашенными восприятиями и проекциями будущего. Образ качественного времени можно представить как зеркало, кинофильм, книгу – все то, что «говорит» с нами, проявляет некий смысл и содержит приметы и отпечаток времени. Не углубляясь в специфику междисциплинарных подходов, резюмируем: социальное время есть внутреннее качество бытия, выступающее мерой изменчивости общественных процессов. Оно является формой существования социальных систем, заключая в себе единство объективного времени реальности и его субъективного отражения в коллективном общественном сознании.

Парадоксы социогенеза внешкольного образования в Беларуси

В первые послереволюционные годы молодая советская республика, несмотря на все сложности военного положения, разрушенное хозяйство и идейное противостояние, среди приоритетных направлений восстановления определила организацию работы по воспитанию и обучению молодого поколения. Можно утверждать, что создание и неизменная государственная поддержка такой развитой сети организаций для социального воспитания детей и молодежи стала уникальным инновационным и социальным проектом советского государства. Причем это был успешный и долговременный проект. Все эти годы образование, как процесс вхождения молодежи в культурные среды, и внешкольное образование, как персональный и добровольный способ освоения социальной и культурной реальности, неизменно выступали сферами государственного управления и строительства, предметом и механизмом молодежной политики.

Парадокс развития белорусской системы внешкольного образования состоит в том, что эта богатейшая и результативная социальная практика в советский период Беларуси так и не стала предметом системного анализа и научно-теоретической рефлексии ни одной из гуманитарных дисциплин. Аргументацию данному суждению мы находим в статье белорусского исследователя Н. М. Беляевой [1]. Автор провела обзорную научную реконструкцию становления внешкольного образования в Беларуси с момента появления ее первых организованных форм (после завершения Первой мировой войны в 1918 г.

и польской интервенции в октябре 1920 г.) до бифуркационного периода в истории внешкольного воспитания в Беларуси (середина 1990-х гг.). Результатом проделанной поисково-аналитической работы стал побуждающий к размышлениям вывод о том, что «...внешкольное воспитание, как социально-педагогическая реальность, до сих пор не являлось предметом специального исследования. Данные о наличии и развитии сети внешкольных детских учреждений, генезис их становления практически не раскрываются в исследованиях по истории педагогики и культуры Белоруссии» [1, с. 19].

В Беларуси внешкольное образование и воспитание, как культурное и педагогическое явление, не анализировалось в контексте взаимодействия социальных институтов и не рассматривалось в качестве органичной части единого общественного процесса. В связи с этим закономерно, что историко-теоретический анализ становления белорусской системы внешкольного образования и воспитания автор начинает с распада СССР и завершает наметившейся тенденцией поиска новой качественной определенности социокультурных и педагогических процессов: «...идет процесс самоопределения и внутреннего поиска индивидуального пути развития при сохранении традиций внешкольного воспитания» [1, с. 22]. На изломе целостности социального времени и единства социального пространства советской цивилизации некогда союзные республики столкнулись с проблемами системного выживания во всех сферах жизнедеятельности: в экономической,

идеологической, социально-культурной, нравственно-духовной.

Социально-общественный и культурный процесс, завершивший XX в. на просторах некогда великой державы, проходил через точку бифуркации и на какой-то период породил смятение коллективного сознания и неустойчивость социума в результате распада связи времен. В теории поведения сложных систем термин «точка бифуркации» выступает ключевым понятием и трактуется как переломный момент или момент выбора, который в результате флуктуаций (резких системных изменений) переводит систему в новое качественное состояние и обеспечивает ее последующую аттракцию (устойчивость), обеспечивая социальный процесс воссоздания всех ресурсных механизмов, направленных на воспроизводство и приращение общественно-культурного и интеллектуального потенциала постсоветских государств.

Еще один парадокс развития внешкольного образования и воспитания связан с тем, что в периоды серьезных кризисов социально-экономических систем внешкольная занятость и организация воспитания молодежи не только не исчезают с поля социальных взаимодействий, а, напротив, сохраняют устойчивость и нацелены на воспроизводство качества в развитии общества.

Очевидно, что и в периоды стабильности, и в периоды турбулентности коллективное сознание воспринимает внешкольное образование как ресурсную систему, позволяющую нарастить индивидуальный

потенциал и социально-адаптационные возможности личности в период взросления.

Общие исторические корни внешкольного образования и воспитания (современного дополнительного образования детей и молодежи) сохраняют единство этой социокультурной традиции для всех бывших союзных республик. Его сущностные черты определяют институциональная организация, государственная поддержка при сохранении принципа добровольности. Исторически обусловленное единство советской системы внешкольной занятости детей не означало ее полной унификации, и каждая из советских республик имела свои национально-культурные особенности в ее организации. Молодые государства обладали широкими возможностями для построения собственных социальных моделей дополнительного образования и вырабатывали свои концептуально-смысловые подходы к качественному становлению и развитию данной системы. Таким образом, парад суверенитетов и государственное самоопределение постсоветских стран актуализировали потребность определить новый социальный статус внешкольного образования и воспитания, провести системный анализ потенциалов этой практики в воспроизводстве государственных и общественных отношений. Педагогическая наука обрела новое направление научно-теоретического и методического поиска – направление внешкольной педагогики. Дополнительное образование детей стало рассматриваться как уникальная технология обучения, воспитания и развития личности.

Инновационные преобразования дополнительного образования детей и молодежи Беларуси в формате социального времени

Попытаемся с позиций смысловых детерминант трансформационных процессов описать сущностные изменения в социальном поле дополнительного образования детей и молодежи Беларуси в период преодоления кризисных явлений и в ракурсе становления национальной модели этого вида образования.

Обратимся к смысловым акцентам в построении социальной перспективы дополнительного образования детей и молодежи. Такой подход позволит отразить инновационные тренды развития системы сквозь призму основных социально-временных модусов «прошлое», «настоящее», «будущее». Ключевые тренды инновационного процесса в развитии дополнительного образования детей и молодежи представлены на рис. 1.

Предметом социального анализа белорусской системы внешкольного образования выступает трансформация основных смысловых концептов, задающих системные векторы ее развития.

Начальная точка анализа совпадает с постсоветским кризисом 1990-х гг., затем исследование охватывает время институциональной стабильности

в 2000–10 гг., далее внимание сосредоточено на периоде качественных преобразований в социальной сфере с 2011 г. по настоящее время.

Последнее десятилетие XX в. заставило осмыслить новое предназначение учреждений организованного детского досуга (бывших домов и дворцов пионеров). Для этого периода характерны резкие изменения социального самочувствия, связанные с утратой прежних нормативных и ценностных регуляторов. В сознании разных групп общества, прежде всего молодежи, происходили процессы размывания прежних ценностей, потери социальных и нравственных ориентиров, замещения их невнятными суррогатами и моделями, заимствованными (или искусно насажденными) представлениями о свободе без границ и ответственности, идеализацией успеха и достатка любой ценой. В социологической науке такое состояние социума определяется как anomia, социальная дезорганизация (Э. Дюркгейм, Р. Мертон). Распад социально-нормативного и культурно-ценностного пространства остро переживает и каждая отдельная личность, и общественный организм в целом. В состоянии anomia происходит

Развитие дополнительного образования как социальной системы

Рис. 1. Инновационные тренды развития социальной системы дополнительного образования детей и молодежи в Республике Беларусь

Fig. 1. Innovative trends in the development of the social system additional education for children and youth in the Republic of Belarus

разрыв между навязанным массовой культурой образом личного успеха и социально приемлемыми способами его достижения. Общество формирует новые установки: комфорт; «деньги и радость жизни любой ценой»; «сейчас, а не завтра, иначе ты аутсайдер и жизнь твоя мало кого интересует». Аутсайдеры этого времени – целое молодое поколение с безудержными желаниями и утраченным ощущением социальных перспектив. Суррогатные способы достижения успеха вместо подлинной самореализации – криминал и проституция, «романтика» насилия и гнетущая безысходность от невозможности достигнуть вождельного идеала. По результатам масштабного социологического исследования конца 1990-х гг. член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор А. Н. Данилов издал работу «Молодежь кризисных лет. Иллюзии и новые надежды». Характеризуя состояние сознания учащейся молодежи, автор отмечает: «Проблема досуга в постсоветский период не нашла ожидавшегося разрешения. Резко упал интерес к общественным делам, снизилась ответственность за учебу, главная наживка общества потребления –

секс – приобрела гипертрофированное значение. Часто зомбированная масса с хохотом отвернулась от политики, не понимая, что именно политика перевернула всю жизнь, перечеркнула самые чистые надежды и что только политика, но другая политика, может принести какие-то перемены. <...> Необходимо принимать самые срочные меры, чтобы уберечь надежду нации от полного духовного разрушения» [2, с. 164–165].

Нравственное и социальное здоровье молодежи обрело значение важнейшей стратегической цели государственного строительства. Вопросы восстановления ценностных, социально-нормативных и нравственно-правовых регуляторов в социуме и жизненном пространстве человека, переосмысление и воссоздание утраченных социальных и личностных связей приобретают чрезвычайную важность для жизнедеятельности молодого белорусского государства и общества. Многие институты, прежде всего в сфере образования и воспитания как в наиболее значимой для воспроизводства и последующего развития общества, столкнулись с необходимостью выбора дальнейшего пути. Чрезвычайно важно было

не отринуть от своих традиций, сохранить ценный и продуктивный опыт и в то же время искать новые смыслы, открывать инновационные грани перспектив, запускать созидательные процессы.

Сфере организованного досуга и практике внешкольного воспитания в Республике Беларусь удалось избежать разрушения институциональной структуры. В основном была сохранена сеть дворцов и домов пионеров, среди педагогов было много энтузиастов. Внешкольное образование содержало в себе ощутимый потенциал для восстановления социального духа молодежи, пробуждения от потребительского ража и дурмана иллюзорных образов красивой жизни. Во внешкольных учреждениях сохранилось пространство эмоционально окрашенных событий в реальности, здесь можно было найти друзей, получить понимание и поддержку, заняться тем, что увлекает. Самое ценное то, что без нажима и «обязаловки» здесь можно было ощутить и разглядеть перспективу для своего личностного развития. Здесь преодолевался или значительно смягчался столь болезненно переживаемый разрыв в культурном пространстве ослабевшего, кризисного социума. «Хочу» и «могу» переставали быть неразрешимой дилеммой для взрослого человека.

Период 1990-х гг. – начало социального культуротворчества во внешкольном воспитании. Целью культуротворчества выступало создание благоприятной для детей и подростков среды, которая бы не только сохранила моральное здоровье формирующейся личности, но и нравственно обогатила ее, способствовала взрослению и успешной социализации. Важное значение стали приобретать умения и виды деятельности, связанные с анализом социальной реальности. Ключевыми задачами в создании позитивных условий для становления подрастающих поколений стали следующие: понять общественные запросы и настроения, осмыслить характер новых ценностей молодежи в эпоху перемен.

Поиск новой траектории развития внешкольного образования и воспитания изначально опирался на социологический анализ ценностных ориентаций и установок учащейся молодежи, актуальных для первого постсоветского десятилетия. Анализ запросов и настроений молодого поколения являлся важнейшей предпосылкой проектирования конструктивной молодежной политики государства, направленной на преодоление конфликта ценностей, создание здоровой духовно-нравственной и правовой основы взросления, социальной адаптации и успешной самореализации. В 1992 г. в Минском дворце детей и молодежи для проведения исследования проблем молодежи было создано особое подразделение – сектор социологии. Инициатива его учреждения принадлежит ученым А. Н. Данилову и С. А. Шавелю. Социальное проектирование и руководство социологическими исследованиями в пространстве внешкольного образования и воспитания осуществлял Н. Г. Трапянок.

Основной задачей социологов стали анализ динамики ценностей в молодежной среде, изучение запроса на содержательный досуг. Начало социологических исследований в области внешкольной работы совпадает с зарождением внешкольной педагогики в Беларуси. Первым социологическим проектом на эту тему стала работа «Приоритеты досуговой деятельности учащихся». Новые образовательные и социокультурные предложения для занятий различными видами детского творчества в Минском дворце детей и молодежи с этого момента формировались с учетом интересов, потребностей детей и родителей. Затем в рамках проекта «Начало пути» было проведено масштабное социологическое изучение ценностей, профессиональных намерений, социального самоощущения учащейся молодежи Минска.

Крепло и развивалось белорусское государство, консолидировалось общество, более сложными и системными становились задачи воспитания. Социологи изучали тенденции этой сферы и старались предвосхитить перспективные модели, отвечающие новым общественным потребностям, помочь и педагогам, и руководителям определиться с выбором эффективных форм педагогической практики. Представим основные этапы становления белорусской системы дополнительного образования детей и молодежи.

1. *Переходный этап (1992–1999). Выступает периодом социального культуротворчества.* Основными направлениями деятельности являются организация досуга как поиск мотивации к познанию и развитию, создание культурно-массового пространства для творческой самореализации. Дополнительное образование рассматривается как возможность допрофессиональной подготовки и мотивационное основание будущей социальной и профессиональной самореализации.

2. *Этап устойчивости и становления (2000–2005).* Характеризуется созданием в сфере организованного досуга гуманистически ориентированной среды для развития и становления самоценной детской культуры. Доктором философских наук, профессором В. В. Позняковым предложен основной культурологический подход в методологии внешкольной педагогики, связанный с самоценностью детства [3]. Социокультурная адаптация, защита и поддержка детства выступают в качестве ценностных приоритетов социокультурной практики внешкольного образования и воспитания. Значительное внимание уделяется анализу феноменов детской и подростковой субкультуры, профилактике асоциальных моделей поведения.

3. *Этап выхода на новый уровень (2006–2010).* Связан с новой парадигмой системы внешкольного воспитания и обучения, становлением социосферы развития личности. Основные приоритеты: формирование гражданского сознания и чувства патриотизма, развитие детских и молодежных социальных

инициатив, создание здоровьесберегающей среды в пространстве внешкольного учреждения, воспитание творчеством, содействие креативности как уникального личностного ресурса, обогащение содержательных направлений и образовательных предложений в пространстве познавательного досуга, использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе. Развивается методическая культура, создаются условия для становления педагога-профессионала, в том числе обеспечиваются возможности для педагогического проектирования и внедрения педагогических инноваций. Проблемы развития внешкольного досуга переводятся в плоскость научного исследования и педагогического эксперимента. Перспективный вектор практики внешкольного образования и воспитания связан с применением социального проектирования как инновационной технологии управления качеством и педагогически организованным развитием образовательно-воспитательного пространства.

Каждому этапу соответствовали свои социальные реалии. Характер социально-образовательной практики определял предметные грани социологического анализа процессов социализации детей и молодежи и эффективности достигаемого результата, позволял спрогнозировать содержательные векторы системного развития на среднесрочную перспективу.

В 2007–2008 гг. было проведено общенациональное социологическое исследование «Разработать направления качественной модернизации системы внешкольного воспитания и обучения (дополнительного образования) как интегрированной социальной технологии воспитания, обучения и развития» (научный руководитель – Н. А. Залыгина, ответственный исполнитель – И. А. Яковлева). Стояла задача изучить отношение экспертов (руководителей учреждений дополнительного образования детей и молодежи, ведущих специалистов методических служб и государственных органов, наиболее квалифицированных педагогических работников) к возможным моделям развития системы внешкольного образования и воспитания в Республике Беларусь. В ходе исследования были опрошены 537 экспертов. Сведения о предпочтениях перспективной структурной модели внешкольного воспитания и обучения в Беларуси учтены при разработке Кодекса Республики Беларусь от 13 января 2011 г. «Об образовании».

В ходе опроса респондентам предлагалось выбрать наиболее приемлемый, на их взгляд, подход к развитию системы внешкольного воспитания и обучения в Беларуси. Всего было представлено четыре подхода. Они характеризуют российскую, украинскую, европейскую модели дополнительного образования, а также функциональную модель, разграничивающую функции воспитания и обучения.

Первый подход (функциональная образовательная модель). Вся внешкольная работа организована и осуществляется только на базе внешкольных учреждений. Школа занимается исключительно обучением в рамках образовательных программ, входящих в государственный стандарт.

Второй подход (российская модель дополнительного образования детей). Внешкольная работа осуществляется как в специальных центрах внешкольной работы, так и в базовых общеобразовательных учреждениях. Условием выступает введение их в одно правовое поле как равноценных элементов одной системы. Соответствующим образом оплачивается труд педагогов, оценивается статус педагога дополнительного образования, формируются требования к образовательным программам, а также полномочия руководителей школ, касающиеся приема педагогов дополнительного образования на постоянную работу.

Третий подход (актуальная белорусская и украинская модели). Внешкольная работа осуществляется во внешкольных организациях и на базе общеобразовательных учреждений. Их единство обусловлено концепциями и программами воспитания учащейся молодежи.

Четвертый подход (европейская модель). Это неформальный подход к организации досуга и воспитания. Деятельность осуществляется не столько в образовательных учреждениях, сколько в территориальных клубных объединениях, при этом нет жесткой регламентации. В некоторых европейских странах поддержка клубов осуществляется по принципу многоканального финансирования, например территориальными комиссиями при муниципальных органах местного самоуправления, из средств местных бюджетов, за счет спонсорской поддержки общественных структур, в рамках реализации крупных национальных программ и проектов.

Полученные нами ответы экспертов представлены на рис. 2. Распределение ответов респондентов показало, что белорусская система внешкольного воспитания и обучения вполне органично может развиваться по российской модели, но может сохранить и свою специфику (позаимствовав лишь отдельные элементы). Второй вариант возможен при условии разрешения имеющихся противоречий, учета социально-экономической ситуации и развития системы с ориентацией на государственную политику в области образования и воспитания подрастающего поколения. При этом в содержании деятельности могут быть применены продуктивные грани любой структурно-организационной модели.

С принятием в 2011 г. Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» система внешкольного воспитания и обучения обрела новый правовой статус с нормативным определением своего предназначения и закреплением основных механизмов функ-

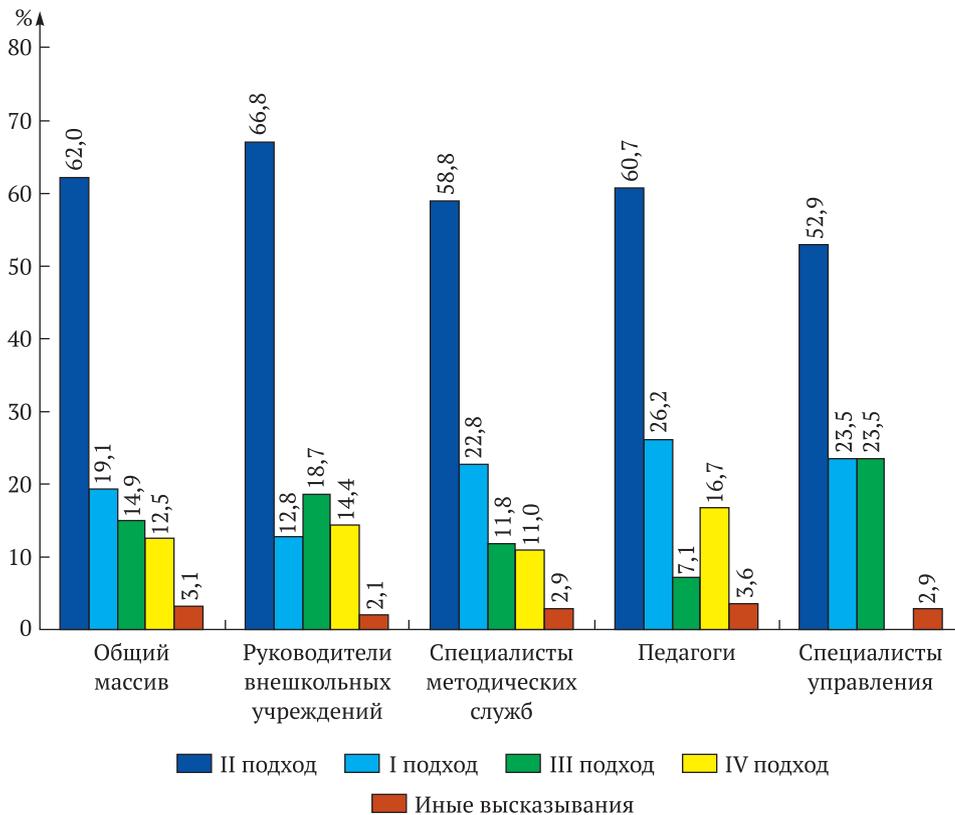

Рис. 2. Распределение мнений экспертов о возможных моделях развития системы внешкольного воспитания и обучения в Республике Беларусь

Fig. 2. Distribution of opinions of expert groups on possible development models systems of out-of-school education and training in the Republic of Belarus

ционирования и развития. Нормативные правовые основания зафиксированы в разделе XIII специальной части «Дополнительное образование детей и молодежи».

Современный этап социального становления предполагает актуализацию имманентно заданных инновационных потенциалов. В условиях свободы выбора социально-образовательной услуги, социально-информационного или социокультурного продукта вопрос качества приобретает особую важность как для профессионального педагогического сообщества, так и для государственных и общественных институций, учащейся молодежи и родительской ответственности. Все большую роль приобретает конкурентоспособность учреждений дополнительного образования. Конкурентные преимущества – это востребованные достоинства конкретной организации, а также неформального образования как вида социокультурной практики. Прямые социальные эффекты, которые затрагивают потребительские интересы детей и родителей, практически очевидны, начиная с формулы «дети голосуют ногами» и заканчивая панорамой их реальных достижений.

Ведущие факторы успешности учреждения дополнительного образования детей и молодежи (кадровый, методический потенциал, научное со-

провождение, стратегии развития), значительно влияющие на результативность, составляют скрытый от прямого наблюдения внутренний двигатель, основной инновационный ресурс как самого учреждения в частности, так и системы дополнительного образования в целом. Это обстоятельство определяет подход к управлению деятельностью учреждений дополнительного образования как социальной технологией инновационного характера. Необходимым механизмом управления качеством этой социально-образовательной практики, не обусловленной государственными стандартами, может выступать социальный аудит.

Ключевые тренды инновационного развития дополнительного образования детей и молодежи как социально-образовательной практики представлены на рис. 3.

Актуальные задачи развития дополнительного образования детей и молодежи в Республике Беларусь представлены в документе «Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 г. и на перспективу до 2030 г.», а также в Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг. Стратегические цели развития системы связаны с обеспечением доступности, качества и эффективности дополнительного образования детей и молодежи,

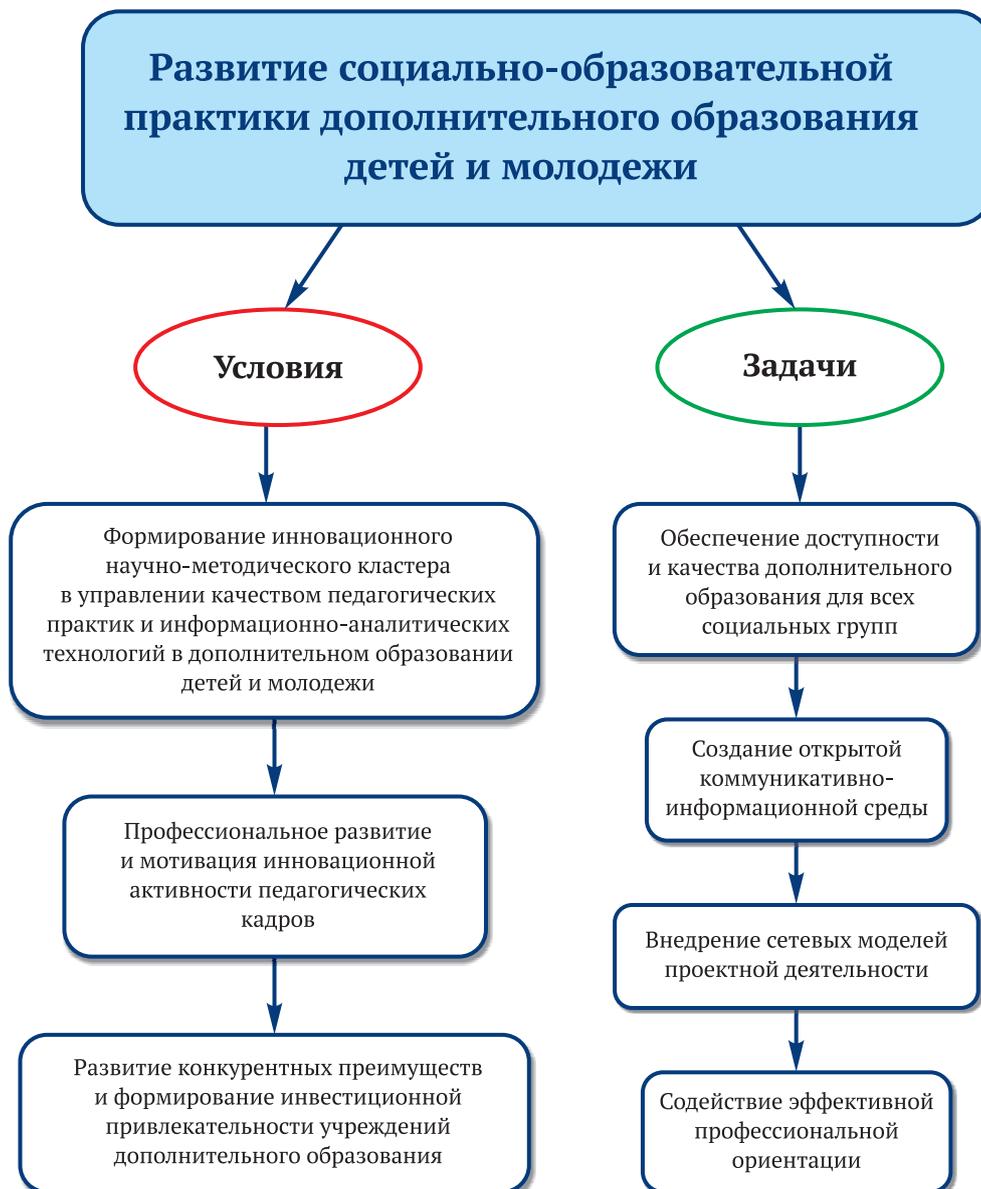

Рис. 3. Развитие социально-образовательной практики дополнительного образования детей и молодежи

Fig. 3. Development of social and educational practice of additional education for children and youth

ориентированного на развитие личностных мотиваций, предпочтений и возможностей к занятиям творчеством, трудом, искусством и спортом.

Особый акцент сделан на работе с одаренной и талантливой молодежью, создании условий для развития научных объединений учащихся, детских технопарков и бизнес-инкубаторов, более активном

внедрении *STEAM*-технологий в образовательное пространство. В сфере молодежной политики внимание концентрируется на формировании гражданских ценностей и развитии социального мышления (включая общественное участие и социальные инициативы), расширении участия в культурной жизни, эффективной профессиональной ориентации.

Методологические основания социального анализа

Выбор методологических оснований для анализа качественной определенности белорусской системы дополнительного образования детей и молодежи представляет собой определенные сложности. Они связаны с разработкой научно-теоретической повестки в анализе социальных аспектов внешкольного

образования в период постсоветского транзита. Сегодня актуализацию процессов формирования и развития национальных моделей внешкольного образования переживают все постсоветские страны. Идет активный поиск категориального аппарата и общих когний, позволяющих реализовывать сравни-

тельные исследования социальной динамики этого вида образования и социальной практики с учетом своеобразия этнокультурного пространства.

В связи с неопределенностью классификации деятельности тех или иных субъектов дополнительного образования при исследовании мы учитывали два важных аспекта.

1. В работе использовался подход, не противоречащий заданным в Кодексе Республики Беларусь «Об образовании» характеристикам дополнительного образования детей и молодежи. В ч. 4 ст. 229 указано: «Образовательная программа дополнительного образования детей и молодежи реализуется в учреждениях дополнительного образования детей и молодежи, а также может реализовываться в учреждениях общего среднего образования, учреждениях профессионально-технического образования, учреждениях среднего специального образования, учреждениях высшего образования, учреждениях специального образования, воспитательно-оздоровительных учреждениях образования, социально-педагогических учреждениях образования, специальных учебно-воспитательных учреждениях образования, специальных лечебно-воспитательных учреждениях, иных организациях, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность»¹.

2. В ходе анализа применена расширенная методологическая рамка анализа, предложенная российскими исследователями Центра общего и дополнительного образования имени А. А. Пинского Института образования НИУ «Высшая школа экономики» (И. Ю. Ивановым, Б. Г. Куприяновым, С. Г. Косарецким) [4; 5]. Для понимания механизмов анализа системы дополнительного образования детей и молодежи используются концепции развития человеческого и культурного капитала [6; 7]. На первоначальном этапе проведен анализ документов государственной статистической отчетности, ведомственных документальных источников и открытых публикаций,

предоставленных социальными организациями, осуществляющими образовательную и культурно-просветительную деятельность, не регламентированную государственными образовательными стандартами и реализуемую вне рамок базовых учебных планов учреждений основного и профессионального образования. Дифференцирующим признаком такой деятельности выступают персонифицированный выбор образовательной услуги и ее исключительно добровольный характер со стороны обучающихся. Вместе с тем деятельность каждого из социальных акторов системы, предлагающих образовательную программу, закреплена в юридическом поле фактами государственной регистрации и лицензирования в органах управления юстиции государственных учреждений образования, культуры и спорта, коммерческих и некоммерческих (общественных) организаций.

Методология позволяет значительно масштабировать объектную составляющую исследования и провести сравнительный анализ данных, полученных в разных постсоветских странах. В таблице приведены сведения, отражающие включенность в систему дополнительного образования Республики Беларусь социальных акторов, которые осуществляют образовательную, культурно-просветительскую, физкультурно-спортивную деятельность, отражая нормативно закреплённую формулировку «реализация образовательной программы дополнительного образования детей и молодежи».

Дополнительное образование, которое осуществляется в учреждениях образования разных типов, составляет ядро этой социальной системы, однако полностью не исчерпывает ее. Анализ документальных источников показал, что в Беларуси инфраструктуру дополнительного образования составляют почти 26 тыс. субъектов деятельности, включая общественные, конфессиональные организации, образовательные центры и индивидуальных предпринимателей, оказывающих образовательные услуги.

Структура социальных организаций и акторов, вовлеченных в систему дополнительного образования детей и молодежи Беларуси

Structure of social organisations and actors involved in the system of additional education of children and youth of Belarus

Организации и акторы	Количество организаций и акторов	Численность обучающихся, тыс. чел.
Государственные УДОДиМ (дворцы и центры)	283 (31,0 тыс. объединений по интересам)	383,5
Государственные детские школы искусств	407	116,5
Государственные учреждения общего среднего образования (школы, гимназии, лицеи)	3035 (28,5 тыс. объединений по интересам)	410,8
Государственные учреждения профессионально-технического и среднего специального образования	406	75,1

¹Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 15.10.2021).

Окончание таблицы
Ending table

Организации и акторы	Количество организаций и акторов	Численность обучающихся, тыс. чел.
Государственные учреждения высшего образования	51	59,6
Государственные учебно-спортивные учреждения (спортивные школы, школы-училища олимпийского резерва)	464	176,0
Летние оздоровительные лагеря, реализующие образовательную программу дополнительного образования и воспитания	6303	380,9
Некоммерческие общественные организации, осуществляющие физкультурно-спортивную и культурно-образовательную деятельность	1699	–
Национально-культурные общественные объединения граждан, относящих себя к национальным меньшинствам	110	–
Конфессиональные организации, осуществляющие культурно-просветительные и образовательные программы	3563 (в том числе 824 воскресные школы Белорусской православной церкви)	–
Коммерческие образовательные организации (частные образовательные центры), в том числе в формате «эдьютейнмент»	176	–
Индивидуальные предприниматели в сфере образования, творчества, спорта, развлечения и отдыха	9412, (в том числе 5258 в сфере образования)	–
<i>Всего</i>	<i>25 909</i>	<i>1602,4 (по неполным данным)</i>

В учреждениях дополнительного образования детей и молодежи (УДОДиМ), детских школах искусств и иных подобных образовательных организациях вовлечение учащихся школьного возраста в диапазоне 6–18 лет составляет 91 %. Мы не располагаем точными статистическими данными о вовлечении учащихся в программы дополнительного образования, осуществляемые общественными формированиями и коммерческими организациями. Доступные для анализа данные свидетельствуют о том, что в Беларуси сегмент дополнительного образования очень востребован.

В Российской Федерации в настоящее время апробируются методики персонифицированного учета потребительского спроса на услуги дополнительного образования посредством выдачи персонифицированного сертификата на бесплатную образовательную услугу, а также отрабатываются методы управления развитием сегмента платных образовательных услуг сверх закрепленного права на бесплатную услугу.

В Беларуси поиск таких механизмов декларируется как перспективный инструмент государственного управления образовательными системами. Сегодня, опираясь на количественные показатели (91 % охвата по масштабированной методике анализа), полагаем, что дополнительное образование детей и молодежи является перспективной и востребованной сферой развития личностного потенциала учащихся.

Обращаясь к данным социологического исследования, проведенного Институтом социально-экономических проблем Мингорисполкома в 2014 г., отметим, что дополнительное развивающее образование сегодня рассматривается как ценностный ориентир и требование времени, осознается как действенный ресурс для личностного развития и успешной социальной реализации. Абсолютное большинство (85,4 %) опрошенных минчан выразили поддержку занятиям своего ребенка дополнительным образованием, 6,0 % взрослых готовы сами посещать занятия в УДОДиМ.

Доступность и качество как ключевые императивы системного развития дополнительного образования детей и молодежи

Проблема доступности отражает неравенство образовательных возможностей, к чему привлечено внимание исследователей из постсоветских стран. Она актуальна и для глобального образовательного дискурса.

В белорусской социально-педагогической и социологической фактографии отсутствуют масштабные исследования в этой области. Мы провели анализ проблемы на основе изучения статистических,

документальных и экспертных источников. Исследование позволило получить ряд показателей, характеризующих систему дополнительного образования детей и молодежи в Беларуси.

Статистические показатели вовлеченности в дополнительное образование. В 2018 г. охват учащихся, посещающих учреждения дополнительного образования, составлял 41,9 % (к численности населения в возрасте 6–17 лет), охват детей, посещающих объединения по интересам непосредственно в школах, составил 40,7 % от обучающихся в учреждениях общего среднего образования (в школах, гимназиях, иных специальных учреждениях среднего общего образования). Количество получающих дополнительное образование в учреждениях профессионально-технического образования – 53,6 % от числа учащихся дневной формы обучения. Доля осваивающих программу дополнительного образования в учреждениях среднего специального образования дневной формы обучения составила 44,1 %. Доля занимающихся в объединениях по интересам в учреждениях высшего образования – 35,9 % от числа студентов и магистрантов дневной формы обучения.

Территориальная доступность дополнительного образования. В городах и городских поселках проживает 77,5 % населения Беларуси, в сельских населенных пунктах – 22,5 % населения. Республика административно разделена на 7 регионов, в которые входят 118 административных районов. Все регионы являются практически равноудаленными от столицы. Таким образом, в Беларуси нет специфических сельских регионов, как, например, в Киргизии, Таджикистане, Туркменистане, Молдове и даже в России, где проблема доступности стоит более остро.

Белорусская статистика сети УДОДиМ в региональном аспекте выглядит следующим образом. Всего в стране 283 таких учреждения, в том числе в Брестской области – 43, в Витебской – 29, в Гомельской – 57, в Гродненской – 41, в Могилёвской – 39, в Минской – 48 и в Минске – 26. В Минске 9 административных районов, т. е. в каждом районе города работают как минимум 2 учреждения, в самых крупных районах, Фрунзенском и Заводском, по три УДОДиМ, помимо того, в столице 4 республиканских профильных центра дополнительного образования детей и молодежи, которые осуществляют методическую координацию деятельности областных и районных УДОДиМ.

В каждом из 118 районов работают центры дополнительного образования детей и молодежи. Подобные учреждения есть и в большинстве малых городов районного подчинения. И районные, и областные (региональные, т. е. аналогичные муниципальным) учреждения обеспечивают занятость как «своих» детей и подростков, так и учащихся из близ-

лежащих сельских населенных пунктов. Все УДОДиМ выступают опорными центрами социокультурной деятельности в масштабе района. Территориально районный центр, малый город районного подчинения и прилегающие села и деревни составляют своеобразную сеть, достаточно компактно расположены и с учетом транспортной инфраструктуры вполне доступны. В 2018 г. в сельских школах работали 100 филиалов районных и областных УДОДиМ, в настоящее время наблюдается тенденция к расширению собственных школьных объединений по интересам (кружков, студий, секций и т. д.).

Мы располагаем статистическими данными о числе объединений по интересам и их участников, работающих в школах (28,5 тыс.), что составляет в среднем по 10 объединений на каждую школу. Точной информации о количестве таких объединений на базе сельских школ нет, но можем допустить, что, учитывая их малокомплектность, данный показатель меньше среднего, но в каждой сельской школе обязательно предусмотрено какое-либо направление дополнительного образования. Это связано с реализацией политики Министерства образования Республики Беларусь, направленной на обеспечение максимальной досуговой занятости учащихся в учреждениях образования всех уровней, включая школы, учреждения профессионально-технического и среднего специального образования, а также на профилактику правонарушений и асоциальных форм поведения. В учреждениях высшего образования занятость в объединениях по интересам направлена на активизацию молодежных социальных и творческих инициатив.

Финансовая доступность дополнительного образования. В государственном сегменте дополнительного образования детей и молодежи возможность оплаты занятий не является существенным барьером для разных социально-демографических групп. Официальной статистики по платным и бесплатным услугам нет, однако, по данным Центра социального мониторинга дополнительного образования детей и молодежи, в столичном регионе соотношение платных (в объеме 20 %) и бесплатных (80 %) кружков стабильно. В регионах, по наблюдениям и информации, полученной из нестандартизированных интервью, доля платных объединений по интересам по наиболее востребованным направлениям не превышает 3–4 %. В сельской местности дополнительное образование осуществляется на бесплатной основе, так как в школах предусмотрены ставки педагога дополнительного образования за счет бюджета.

Культурно-образовательный уровень и социально-профессиональный статус семей оказывают серьезное влияние на доступность дополнительного образования. В семьях с невысоким уровнем образования родители реже осознают необходимость создавать

условия для развития детей, используя потенциал дополнительного образования. Возможность занятий в коммерческом секторе дополнительного образования в значительной степени обусловлена финансово-экономическим статусом домохозяйств.

Инклюзивная доступность дополнительного образования. Ориентируясь на повышение доступности, государственные учреждения дополнительного образования используют инклюзивные технологии, технологии ресоциализации, интегрируя их в детских учебных коллективах, а также используя в работе с детьми, которые имеют особенности психофизического развития (ОПФР), признаны находящимися в социально опасном положении (СОП)

и в отношении которых проводится индивидуально-профилактическая работа (ИПР).

В государственных учреждениях дополнительного образования Республики Беларусь заняты 1,6 % учащихся с ОПФР (6128 человек), 1,0 % учащихся из категории СОП (3773 человек), 0,2 % учащихся из группы ИПР (900 человек). В сети учреждений занимаются также дети из многодетных, опекунских, неполных семей. Динамика их вовлеченности отслеживается через составление социального паспорта организаций. В целом по стране таких статистических данных нет. В сети многопрофильных УДОДиМ Минска среди всех обучающихся 7,5 % составляют дети из неполных семей, 7,3 % – из многодетных, 0,3 % – из опекунских семей.

Заключение

Таким образом, процессы внедрения инклюзивных образовательных технологий в практику дополнительного образования пока не дают заметных и масштабных результатов. Это является зоной инновационного поиска и перспектив системы.

Повышению доступности дополнительного образования для групп с разным социальным статусом способствуют нормативные возможности осуществления этого вида образования по индивидуальным программам, а также на дому, в том числе для детей с ограниченными возможностями здоровья. Правда, на практике эти форматы работы используются точечно и представлены единичными случаями. Разработка индивидуальных программ в большей мере ориентирована на адресную работу, направленную на поддержку одаренных учащихся.

Одна из актуальных задач системного развития дополнительного образования связана с наличием современной открытой коммуникативно-образовательной среды. Сегодня каждое учреждение имеет сайт, представлено в социальных сетях. В столице действует электронный навигатор образовательных услуг, разрабатываются интернет-платформы дистанционных образовательных услуг. Информационно-коммуникационные технологии широко используются в проектной деятельности педагогов и учащихся, социокультурных воспитательных практиках (проведении тематических интернет-конкурсов). Однако дистанционные форматы образовательной деятельности сдерживаются недостаточностью нормативной базы. В настоящее время развитие формата онлайн-обучения приобретает особый смысл и актуальность в связи с пандемией. Внедрение инновационных образовательных технологий и сетевых ресурсов становится необходимым вектором развития социально-образовательных практик дополнительного образования детей и молодежи.

Значительный социальный эффект и многолетняя устойчивость деятельности учреждений и обра-

зовательных программ дополнительного образования детей и молодежи определяются еще и тем, что этот вид социокультурной деятельности содержит в себе микрокосм – образ всех общественных отношений социума во всей полноте и целостности. Здесь есть практически все: творение самоценной детской и молодежной культуры, интериоризация мировых культурных традиций и ценностей, постижение законов экономических взаимодействий, возможность стартапов в воплощении творческих ноу-хау и бизнес-идей, научно-исследовательский поиск и образовательная техносфера, формирование осознанного профессионального выбора, развитие надпрофессиональных компетенций личности – экологического и системного мышления, влияние идеологии государства, определяющей формирование патриотических ценностей и гражданской активности, воспитание культуры политического действия, возможности для детской народной дипломатии, международного сотрудничества и познания родного края, использование медиaprостранства и инновационных технологий. Дополнительное образование культивирует теплоту семейных ценностей и милосердие к тем, чье жизненное пространство ограничено состоянием здоровья или социальным неблагополучием. Институт дополнительного образования детей и молодежи можно рассматривать как целенаправленно организованную обществом экспериментальную лабораторию социальных проб для подрастающего поколения. Именно проб с правом на ошибки и множественные изменения векторов саморазвития, с возможностями обрести и расширить границы индивидуального опыта в настоящем и смоделировать желаемый образ персонального будущего. Современное дополнительное образование детей и молодежи существует в обществе как социосфера ресурсных возможностей для построения достойной жизненной перспективы подрастающего поколения.

Библиографические ссылки

1. Беляева НМ. Историко-теоретические проблемы внешкольного воспитания и обучения. В: Гусев ЮА, Четет ВВ, Янчук ВА, редакторы. *Воспитательное пространство внешкольного учреждения: восхождение к будущему. Материалы Международной научно-практической конференции; 28–29 апреля 2004 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Минский государственный дворец детей и молодежи; 2004. с. 19–24.
2. Данилов АН. *Молодежь кризисных лет. Иллюзии и новые надежды*. Минск: Харвест; 1999. 320 с.
3. Позняков ВВ. Внешкольное учреждение – институт детства. В: *Самоценность детства и детская культура. Материалы Республиканской научно-практической конференции; 22–23 апреля 1999 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Минский государственный дворец детей и молодежи; 1999. с. 278–287.
4. Kosaretsky S, Ivanov I. Inequality in extracurricular education in Russia. *International Journal for Research on Extended Education*. 2019;7(2):132–142.
5. Иванов ИЮ, Куприянов ВВ, Косарецкий СГ. Коллективное и сознательное: институциональный взгляд на советское внешкольное образование. *Образовательная политика*. 2021;2(86):76–86.
6. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Durham: Duke University Press; 2007. 592 p.
7. Becker GS, Tomes N. Human capital and the rise and fall of families. *Journal of Labor Economics*. 1986;4(3;2):S1–S39.

References

1. Belyaeva NM. [Historical and theoretical problems of extracurricular education]. In: Gusev YuA, Chechet VV, Yanchuk VA, editors. *Vospitatel'noe prostranstvo vneshkol'nogo uchrezhdeniya: voskhozhdenie k budushchemu. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 28–29 aprelya 2004 g.; Minsk, Belarus'* [Educational space of an extracurricular institution: ascent to the future. Materials of the International scientific and practical conference; 2004 April 28–29; Minsk, Belarus]. Minsk: Minskii gosudarstvennyi dvorets detei i molodezhi; 2004. p. 19–24. Russian.
2. Danilov AN. *Molodezh' krizisnykh let. Illyuzii i novye nadezhdy* [Youth of crisis years. Illusions and new hopes]. Minsk: Harvest; 1999. 320 p. Russian.
3. Poznyakov VV. [Extracurricular institution – institute of childhood]. In: *Samotsennost' detstva i detskaya kul'tura. Materialy Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 22–23 aprelya 1999 g.; Minsk, Belarus'* [The self-worth of childhood and children's culture. Materials of the Republican scientific and practical conference; 1999 April 22–23; Minsk, Belarus]. Minsk: Minskii gosudarstvennyi dvorets detei i molodezhi; 1999. p. 278–287. Russian.
4. Kosaretsky S, Ivanov I. Inequality in extracurricular education in Russia. *International Journal for Research on Extended Education*. 2019;7(2):132–142.
5. Ivanov IYu, Kupriyanov BV, Kosaretskii SG. [Collective and intentional: institutional focus on Soviet extracurricular education]. *Educational Policy*. 2021;2(86):76–86. Russian.
6. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Durham: Duke University Press; 2007. 592 p.
7. Becker GS, Tomes N. Human capital and the rise and fall of families. *Journal of Labor Economics*. 1986;4(3;2):S1–S39.

Статья поступила в редколлегию 28.11.2021.
Received by editorial board 28.11.2021.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.1

СЧАСТЬЕ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЯН: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Н. П. НАРБУТ¹⁾, И. В. ТРОЦУК¹⁾

¹⁾Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, г. Москва, Россия

Представлены результаты общероссийского репрезентативного онлайн-опроса, проведенного в конце 2020 – начале 2021 г., т. е. в период, который сегодня в научном, управленческом и обыденном дискурсах определяется как доковидный или допандемийный. Отмечается, что для этого периода характерно безмерное увлечение рейтингами, в том числе ранжированием целых стран по уровню счастья, несмотря на то что данное понятие крайне многозначное, сложно коннотированное и плохо поддающееся концептуальному и эмпирическому определению даже в рамках конкретных дисциплин, включая социологию. Представлены содержательные результаты и методические выводы онлайн-опроса, реализованного на основе авторского инструментария, который предлагает респондентам не только оценить свой уровень счастья, но и высказать мнение о том, как следует определять счастье и что на него может влиять (сочетание прямых и косвенных вопросов).

Ключевые слова: счастье; социальное благополучие; онлайн-опрос; анкета; гендерные различия; поколенческие различия.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 2001100307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия»).

Образец цитирования:

Нарбут НП, Троцук ИВ. Счастье и его детерминанты в представлении россиян: результаты опроса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;4:82–96.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-82-96>

For citation:

Narbut NP, Trotsuk IV. Russians' interpretation of happiness and its determinants: results of the survey. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;4:82–96. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-82-96>

Авторы:

Николай Петрович Нарбут – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета гуманитарных и социальных наук.

Ирина Владимировна Троцук – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук.

Authors:

Nikolai P. Narbut, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of humanities and social sciences.
narbut-np@rudn.ru

Irina V. Trotsuk, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of humanities and social sciences.
trotsuk-iv@rudn.ru

RUSSIANS' INTERPRETATION OF HAPPINESS AND ITS DETERMINANTS: RESULTS OF THE SURVEY

N. P. NARBUT^a, I. V. TROTSUK^a

^aRUDN University, 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow 117198, Russia

Corresponding author: N. P. Narbut (narbut-np@rudn.ru)

The article presents the results of the representative all-Russian online survey conducted in the late 2020 – early 2021, i. e., in the period defined today by the scientific, authorities and everyday discourses as pre-covid-19 or pre-pandemic. At that time, and the situation has not changed, rankings became extremely popular, including the ranking of countries by the level of happiness, despite the fact that the very word «happiness» is ambiguous, full of contradictory connotations and difficult to define conceptually and empirically even within the disciplinary framework of specific disciplines, including sociology. The article presents the results of the survey (dominant interpretations of happiness, self-estimates in terms of happiness, etc.) and methodological conclusions (pressure of social desirability, gender and generational measurements of happiness and its definitions) from the online survey conducted with the authors questionnaire which allowed respondents to assess their level of happiness and to express their opinion on how it should be defined and what can influence it (a combination of direct and indirect questions).

Keywords: happiness; social well-being; online survey; questionnaire; gender differences; generational differences.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 2001100307 «Subjective and objective measurements of happiness: justice as a criterion for personal and social well-being»).

Введение

Сегодня мы вынуждены делить свою жизнь и исследовательскую работу на «до» и «после» – до пандемии и после ее начала. Новая коронавирусная инфекция поставила общество перед глобальной неопределенностью прогнозов на будущее и отчетливым пониманием долгосрочных последствий уже произошедших изменений (не только медицинских и санитарно-эпидемиологических, но и социально-экономических, социально-психологических, политико-правовых и др.) [1–5]. Средства массовой информации вносят свой вклад в формирование устойчивого медийного дискурса, который, с одной стороны, нагнетает обстановку сенсационными заголовками о масштабах происходящей катастрофы, по сути, запугивая и дезориентируя население, а с другой – информирует об ухудшении социально-психологической атмосферы в обществе (росте числа депрессивных и тревожных состояний, накопленной скрытой агрессии и др.).

У наблюдающего за потоком подобных публикаций неизбежно возникает вопрос: а в каком состоянии российское общество вошло в ковидную эпоху? Если пандемия сделала россиян более нервными, тревожными и несчастными, значит ли это, что до ее начала они были спокойны и счастливы? Действи-

тельно, в доковидный период мейнстримом социологических исследований было субъективное благополучие, нередко сводимое к счастью. Формально социологические исследования феномена счастья достаточно редки, обычно в них упоминается благополучие и (или) уровень (качество) жизни, т. е. акцент делается либо на субъективном, либо на объективном параметре социального благополучия [6–12]. Социологи используют наработки экономической науки, пытаются построить индексы счастья [13–17], но все же предпочитают обращаться к человеку с вопросами о его самооценке счастья [11; 18]. Чтобы преодолеть противостояние субъективистской и объективистской трактовки счастья, а также свойственные каждому из них методические ограничения, в социологическом исследовании понятия «счастье» желательно сочетать их принципы [19], но отдавать приоритет самооценкам респондентов и учитывать, что для россиян социальной нормой являются высокие оценки своей счастливости, что объясняется прежде всего феноменом социальной желательности и устойчивой системой ценностей, в которой семейное благополучие и здоровье (свое и близких) – жизненные приоритеты, достаточные для счастья [20].

Методы исследования

Попробуем охарактеризовать допандемийное состояние российского общества в терминах счастья на основе разработанного нами опросного инструментария. Анкета состояла из 31 вопроса: 3 из них (касающиеся пола, возраста и места жительства)

позволяли контролировать количественные параметры выборки, 19 – были посвящены трактовкам счастья, его факторам и самооценкам респондентов, 9 – затрагивали проблематику социальной справедливости, заключительный блок из 7 вопросов

обеспечивал контроль репрезентативности выборки по социально-демографическим параметрам (образование, занятость, род деятельности, семейное положение, личный доход, материальное положение семьи). Опрос был проведен в декабре 2020 – январе 2021 г. в онлайн-формате на общероссийской панели компании *Tibuton Research*. Выборка составила 808 человек и была квотирована по четырем возрастным группам: 14–19 лет (подростки), 20–29 лет (молодежь), 30–49 лет (зрелое поколение), 50–69 лет (старшее поколение).

Перед запуском онлайн-анкетирования опросный инструментарий прошел пилотаж, результаты которого имели не только методический (оценка надежности и валидности опросника), но и оценочный характер. Мы стремились не только выявить самооценки российского общества в терминах благополучия и счастья (вполне традиционная социологическая задача), но и предложить респондентам такие вопросы и формулировки ответов, которые были бы им понятны и интересны. Иными словами, стояла цель достичь баланса между решением сугубо научных задач и обыденной

прозрачностью формализованного опроса, в котором коммуникативные статусы исследователя и респондента по определению не равны, но есть возможность сделать эту «беседу» интересной и для отвечающего на вопросы. Судя по оценкам опроса, которые дали респонденты, нам удалось решить эту задачу: хотя это необязательное условие, каждый десятый опрошенный оценил свои впечатления от опроса, отметив, что он был «интересным», «хорошим», «познавательным», «не занудным», «необычным», «актуальным», «свежим по тематике», «важным в наше непростое время», «заставил задуматься», а некоторые «с удовольствием приняли бы участие в подобном исследовании в будущем».

Представим основные результаты нашего опроса по тематическим блокам, посвященным счастью, а также по двум социально-демографическим параметрам – полу и возрасту респондентов. Если по вопросу не отмечены гендерные и поколенческие различия ответов, значит, таковые были статистически не значимы и можно говорить об устойчивых общероссийских показателях.

Результаты и их обсуждение

В духе традиционной для российских опросов общественного мнения тенденции каждый третий опрошенный затруднился оценить свою общую удовлетворенность жизнью. Остальные респонденты разделились на две неравные группы: каждый второй в целом доволен своей жизнью, а 12 % респондентов, наоборот, недовольны (рис. 1).

По данному вопросу среди респондентов наблюдаются социально-демографические различия (рис. 2). Во-первых, группа удовлетворенных жизнью оказалась больше среди женщин за счет мень-

шей доли неудовлетворенных жизнью среди них и большей доли неопределившихся среди мужчин. Во-вторых, с возрастом увеличивается доля неопределившихся и резко сокращается доля испытывающих удовольствие практически от каждого дня, т. е. с возрастом наблюдается тенденция снижения доли удовлетворенных жизнью. Безусловно, старшие поколения воспроизводят характерный для российского общества оценочный паттерн социальной нормализации, поскольку очевидно нарастание пессимизма в старших когортах по объективным

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали свою удовлетворенность жизнью?», %

Fig. 1. Distribution of answers to the question: «How would you describe your life satisfaction?», %

причинам (снижение человеческого и социального капитала в условиях возрастной дискриминации).

Следует отметить, что эти оценки не обусловлены особенностями склада характера: 61 % респондентов считают себя спокойными и невозмутимыми, легко переносящими неудачи, а в своем переменчивом настроении и чувствительности признались 39 % опрошенных (рис. 3). По данному вопросу наблюдаются гендерные различия, прежде всего в соотношении двух групп: мужчины чаще относят себя к спокойным (69 %), а женщины – к чувствительным и переменчивым (49 %), воспроизводя устойчивые

социальные стереотипы о том, что характерно для мужчин (сдержанность, стойкость) и женщин (эмоциональность, чувствительность, ранимость). С возрастом соотношение двух групп меняется: доля спокойных, невозмутимых, стойких среди подростков составляет 51 %, среди молодежи – 56 %, среди 30–49-летних – 70 %, среди представителей старшего поколения – 64 %, что, видимо, отражает возрастную кристаллизацию характера, лучшее понимание себя и жизни, а также реальную оценку своей способности справляться с трудностями, о чем и говорят прожитые годы.

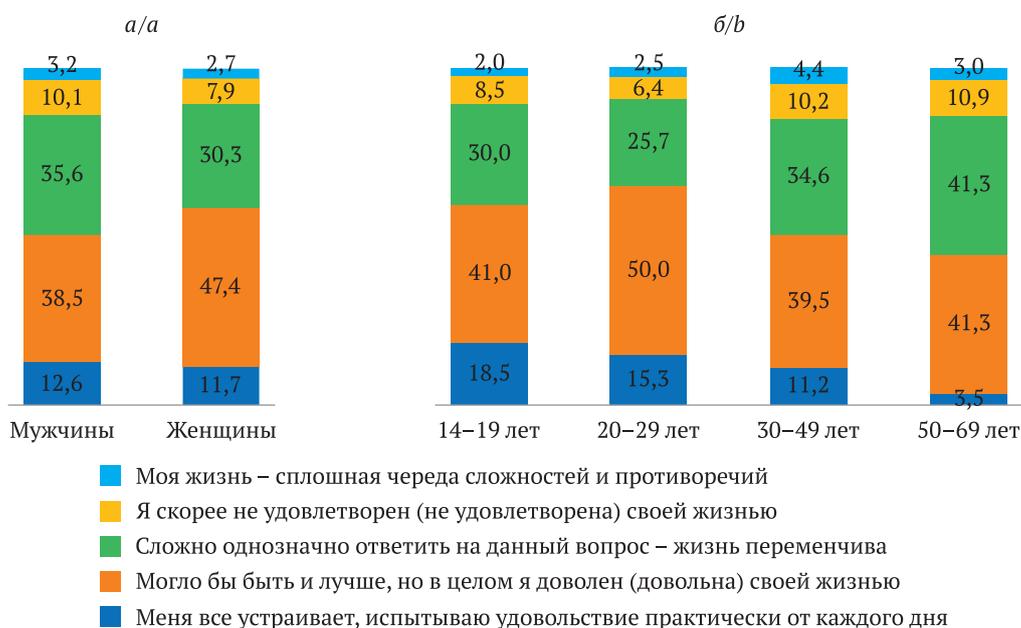

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали свою удовлетворенность жизнью?» в зависимости от пола (а) и возраста (б), %

Fig. 2. Distribution of answers to the question: «How would you characterise your life satisfaction?» depending on gender (a) and age (b), %

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какое определение лучше всего описывает склад Вашего характера?», %

Fig. 3. Distribution of answers to the question: «Which definition best describes your character?», %

Блок вопросов о трактовках счастья начинается с набора дихотомических шкал в форме таблицы суждений, с каждым из которых респонденту предлагалось согласиться или нет. В таблице мы свели широко распространенные представления о счастье (те высказывания, которые ранее апробировали в опросах на тему счастья, уточнили в ходе интервью и подтвердили с помощью методики неоконченных предложений) как понятные, однозначно интерпретируемые и обыденные для представителей всех поколений. В таблице приведены доли согласившихся с каждым суждением, представления упорядочены

по снижению доли согласившихся с ними по выборке в целом. Как видим, в российском обществе доминирует личностная трактовка счастья, т. е. укоренено мнение о том, что человек – сам творец своего счастья, если умеет находить радость в жизни и людей, которые его понимают, не гоняется за счастьем как за чем-то внешним, а ищет его в себе, определяет счастье не как цель, а как образ жизни, поэтому большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть счастливыми, довольствуются тем, что у них есть, и не испытывают мучительной зависти к чужому счастью.

Доли согласившихся с определениями счастья
Shares of respondents who agree with the definitions of happiness

Широко распространенные представления о счастье	%
Уметь находить радость в жизни – лучший способ привлечь счастье	91,2
Счастье – это когда тебя понимают	82,4
Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом	80,3
Счастье – это не цель, а образ жизни	77,8
Исключительное счастье человека – заниматься любимым делом	77,0
Не существует пути к счастью: счастье – это и есть путь	76,7
Счастье увеличивается, если делишься им с другими	75,9
Большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть счастливыми	75,0
Счастье – довольствоваться тем, что у тебя уже есть	69,9
Никогда не будет счастлив тот, кого мучает вид большего счастья	69,7
Счастье – рациональный выбор: человек сам решает, быть ему счастливым или несчастным, невзирая на обстоятельства	66,6
Счастье – состояние души: либо человек чувствует себя счастливым, либо нет, от конкретных событий или людей счастье мало зависит	65,8
Единственная в жизни серьезная неудача – не научиться быть счастливым	64,1
Счастье – просто хорошее настроение: то по поводу, то без повода, то длительное (на несколько дней, недель или месяцев), то кратковременное	63,2
Счастье – результат тяжелого труда по налаживанию жизни	60,6
Счастлив тот человек, чьи радости требуют меньше всего денег	60,0
Счастье – мимолетное ощущение: то возникает, то неожиданно исчезает	59,7
Истинное счастье любит уединение, оно враг шума и роскоши и рождается главным образом из любви к себе	56,3
Ум – первое условие для счастья	51,5
В жизни есть лишь одно счастье – любить и быть любимым(ой)	49,0
Человек обязан быть счастливым: если он несчастлив, то сам виноват	42,9
Приносить пользу миру – единственный способ стать счастливым	32,1
Никто не бывает вполне счастливым, если нет свидетелей его счастья	23,0
Счастье – миф, чтобы людям было ради чего жить	18,3

Как видим, 70 % – некая линия, которая разграничивает не только суждения, набравшие больше и меньше ответов, но и несколько условных групп определений счастья. Так, суждения, набравшие 70 % и больше согласий, – достаточно общие, этиче-

ски предсказуемые, нормативно ожидаемые и социально стереотипные трактовки счастья. Можно выделить два других условных блока: достаточно разнородный уточняющий блок суждений, с которыми согласился как минимум каждый второй респон-

дент, и непопулярный блок суждений, с которыми согласился максимум каждый третий. Во второй блок вошли трактовки счастья как рационального выбора, состояния души, того, чему нужно научиться, просто хорошее настроение, результат тяжелого труда по налаживанию своей жизни, радости, для которой не нужно много денег, мимолетное ощущение, жизнь не напоказ в любви к себе, жизнь по уму, жизнь в любви и решение быть счастливым. Группу самых непопулярных определений счастья составили его трактовки как мифа, состояния, невозможного без свидетелей и общественного служения.

В трактовках счастья не прослеживается значимых гендерных и поколенческих различий, за исключением некоторых суждений. Утверждение о том, что счастье – это не цель, а образ жизни, более характерно для старшего поколения (84 % против 70 % среди подростков). Подростки чаще полагают, что счастливым человека делают любимое дело (80 % против 71 % в старшей группе), усилия по налаживанию своей жизни (67 % против 54 % соответственно), непоказная жизнь в любви к себе (63 и 67 % молодежи против 46 и 49 % в двух старших группах). Подростки реже, чем представители остальных поколений, уверены, что человек сам решает быть счастливым (70 %, а в группе 20–29-летних этот показатель самый высокий – 82 %), что ум – первое условие для счастья (45 и 47 % молодежи против 56 и 58 % в двух старших группах), что человек обязан быть счастливым и сам виноват, если у него это не получается (29 % против каждого второго в группе старше 30 лет). Подростки чаще всего выбиваются из общей картины, преимущественно самыми низкими показателями согласия по ряду суждений, но, как правило, по этим суждениям они максимально отличаются не от всех возрастных групп, а, скорее, от группы 20–29-летних. Представители старшего поколения максимально согласились с двумя суждениями – о счастье как образе жизни, а не цели (84 %), и о несовместимости счастья с мучительной завистью (78 % против 70 % по выборке и 64 % среди подростков).

Гендерные различия в трактовках счастья практически не прослеживаются, что говорит об универсально-стереотипном понимании счастья, не требующем уточнений по полу. Некоторые различия наблюдаются по трем суждениям: мужчины чаще соглашались с тем, что первым условием счастья является ум (60 % против 43 %) и что главное счастье в жизни – любить и быть любимым (55 % против 43 %), а женщины чаще соглашались с тем, что для счастья важно любить себя вне шума и роскоши (64 % против 50 %). Суждение про ум характеризует традиционные гендерные стереотипы российского общества (например, о том, что мужчина должен быть умным, а женщина – красивой). Гендерные расхождения в популярности второго и третьего суждений говорят о том, что мужчины в большей

степени ориентированы на счастье как на обретение второй половинки, а женщины – как на самопонижение и умение жить в ладу с собой. Вероятно, это можно объяснить перекосами в социально-демографической структуре российского общества, которые предоставляют мужчинам больше возможностей найти пару. Хотя больше половины опрошенных считают, что счастье не имеет специфических черт для женщин и мужчин (с суждением о том, что человек либо счастлив, либо нет и это не зависит от пола, согласны 60 % респондентов (68 % женщин против 52 % мужчин), 40 % все же полагают, что мужчины и женщины, как правило, счастливы по-разному (чаще мужчины – 48 % против 32 % среди женщин).

Каждый второй опрошенный (54 %) считает, что определенные люди (события, эмоции) делают нас счастливыми, каждый третий (36 %, чаще мужчины – 40 % против 32 % среди женщин) затрудняется ответить однозначно, полагая, что это верно не для всех, а каждый десятый (10 %, чаще старшее поколение, чем подростки – 16 % против 7 %) уверен, что счастье – это личное решение (мнение, состояние), т. е. человека нельзя сделать счастливым. Значимые поколенческие различия прослеживаются по двум позициям, и четыре возрастные группы здесь превращаются в две: среди респондентов младше 30 лет каждый третий затруднился высказаться однозначно, а в группе старше 30 лет таковых больше 40 %, респонденты младше 30 лет чаще считают, что счастье зависит от людей, событий и эмоций (больше 60 % против примерно 45 % в остальных возрастных группах). «Схлопывание» четырех групп в две прослеживается и по другим вопросам: например, в группе младше 30 лет свыше 62 % (против 56 %) считают, что счастье не имеет специфических черт для женщин и мужчин, а в группе старше 30 лет, напротив, выше доля тех, кто уверен в неизбежной гендерной окраске счастья (44 % против 36 %).

Каждый второй (52 %) уверен, что при желании своим счастьем можно одарить другого, 39 % затрудняются высказаться на этот счет однозначно, каждый десятый (10 %) убежден, что счастьем поделиться невозможно. С возрастом распределение долей постепенно меняется и становится иным в старшей группе, где практически каждый второй затрудняется оценить возможность поделиться счастьем (46 %), только 39 % верят в это, а 16 % категорически с этим не согласны. То, что свыше трети респондентов затруднились ответить на вопросы, объясняется, видимо, тем, что 59 % считают, что счастье – слишком абстрактное понятие, неизмеримый феномен, и только 38 % (чаще подростки – 46 %) полагают, что его можно измерить, но не в каких-то величинах, а сравнивая с прошлым. При этом каждый второй (51 %) считает, что по внешнему виду не всегда можно правильно оценить, счастлив человек или нет, иного мнения придерживаются 42 % респондентов.

Чаще всего уверены в том, что счастье нельзя «увидеть», подростки – 12 % против 4 % среди 20–29-летних и 7 % среди тех, кто старше 30 лет.

По ответам респондентов факторы счастья можно сгруппировать в три блока (рис. 4). Наиболее значимые факторы набрали свыше 49 %, т. е. их назвал каждый второй.

Безусловными лидерами здесь выступают здоровье, семья и любимый человек. Далее идут исполнение желаний (мечты), материальное положение, друзья. Свободное время и увлечения столь же значимы, как профессия (работа), везение (удача), т. е. личные предпочтения, личное благополучие

и ближний социальный круг. Второй блок формируют факторы, которые набрали от 10 до 33 %: уровень справедливости в обществе, место жительства, состояние окружающей среды, общая ситуация в стране, общественное признание, общая ситуация в мире. Это внешние обстоятельства жизни, к которым примыкают более частные вещи, видимо, имеющие меньшее значение для счастья, чем вошедшие в первый блок (уровень образования, возраст и исповедуемая религия). Третий блок, самый малочисленный по набору факторов и отметивших их респондентов, составили дата рождения, пол и политические взгляды.

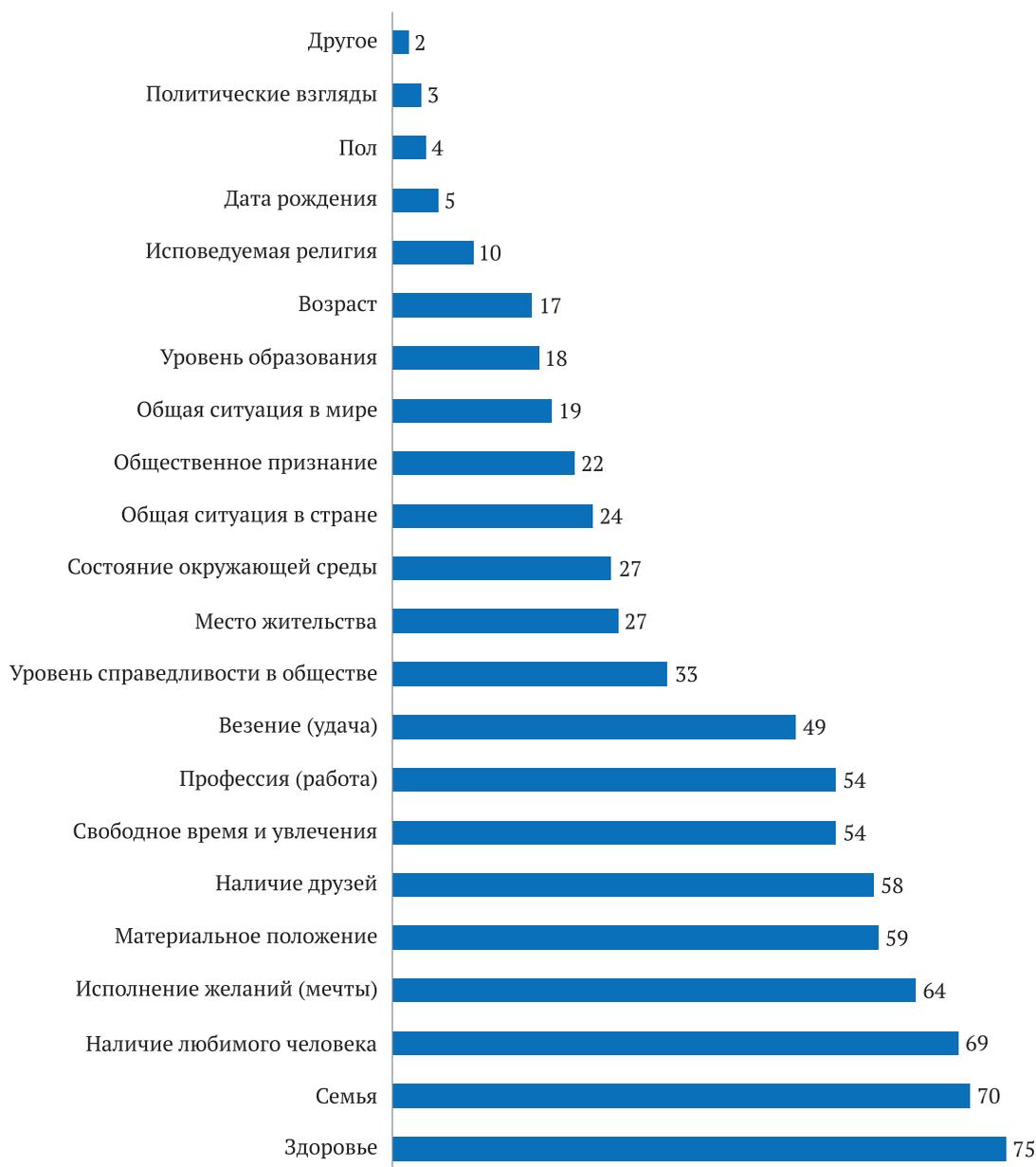

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, что в наибольшей степени определяет сегодня,
чувствует человек себя счастливым или, наоборот, несчастным?», %

Fig. 4. Distribution of answers to the question:
«What do you think most determines today whether a person feels happy or, conversely, unhappy?», %

Данная структура факторов не имеет гендерной специфики, но можно отметить некоторые предпочтения в данном контексте. Так, для женщин более значимы семья (74 % против 66 % среди мужчин), исполнение желаний (мечты) (68 % против 59 %), наличие друзей (65 % против 52 %), свободное время (58 % против 50 %) и уровень образования (21 % против 15 %). Поколенческие различия в выборе факторов счастья более выражены, хотя их общая структура и соотношение сохраняются, а все различия нельзя сгруппировать вокруг 30-летнего рубежа.

На рис. 5 представлены только те факторы счастья, по которым наблюдаются значимые различия: для подростков менее значимы, чем для старшего поколения, такие факторы счастья, как здоровье, семья и наличие любимого человека, и менее значима, чем для представителей всех остальных возрастов, профессия (работа). Материальное положение наиболее значимо для 30–49-летних, чуть менее значимо для старшей группы, а среди тех, кто младше 30 лет, его отметил каждый второй, хотя применительно к уровню образования ситуация иная: 30–49-летние указывают его реже, чем все остальные. Рубеж 30 лет разделил опрошенных на две группы по двум факторам: значение друзей с возрастом уменьшается, а влияние общей ситуации в стране, напротив, возрастает, что, видимо, говорит, о юношеско-молодежном максимализме (вере в собственные силы). Важность справедливого устройства общества имеет важное значение для подростков, постепенно снижается к 49 годам, но в самой старшей группе возвращает позиции.

Если в предшествующих вопросах респонденты, по сути, рассуждали о счастье в общем, то следую-

щий блок предлагал им ответить на вопросы о себе. Сначала участники опроса должны были отметить то, что считают самым главным в жизни для себя лично (рис. 6). Безусловный лидер – здоровье, далее следуют крепкая семья, благополучие близких и наличие любимого человека, на 3-м месте – материальный достаток, на 4-м – дети и внутренняя гармония, на 5-м – оптимизм и любимое хобби. Только потом идут внешние обстоятельства – социальная справедливость и мир во всем мире, наименее значимы вера в Бога и общественное признание. Гендерные различия здесь незначительны: благополучие близких людей и внутренняя гармония более важны для женщин (62 % против 54 % и 45 % против 34 % соответственно), а наличие любимого человека, напротив, важнее для мужчин (57 % против 48 % среди женщин). Поколенческие различия проявились по большему числу ценностей, из общей картины несколько выбиваются два поколения – самое молодое и самое старшее. С возрастом все более приоритетными становятся крепкое здоровье (51 – 67 – 74 – 77 %), дети (24 – 40 – 54 – 50 %) и наличие близкого человека (каждый второй во всех группах и 60 % в самой старшей), а менее приоритетными – любимое хобби (35 – 24 – 22 – 11 %), мир во всем мире (24 – 18 – 12 – 16 %) и общественное признание (10 – 7 – 4 – 5 %). Внутренняя гармония более важна в молодости и старшем возрасте (43 и 44 %), чем в подростковом возрасте и зрелости (33 и 37 %), а социальная справедливость более значима для подростков и представителей старшей группы (23 и 25 %), чем для молодых и зрелых людей (10 и 14 %).

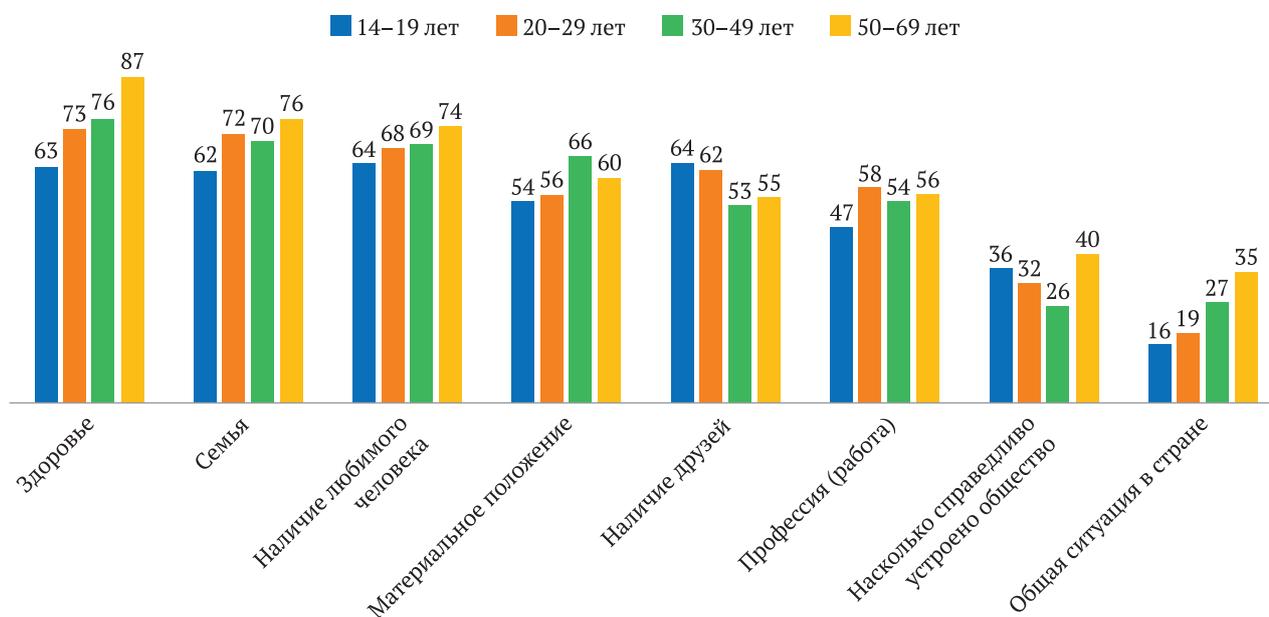

Рис. 5. Факторы счастья в зависимости от возраста, %

Fig. 5. Factors of happiness depending on age, %

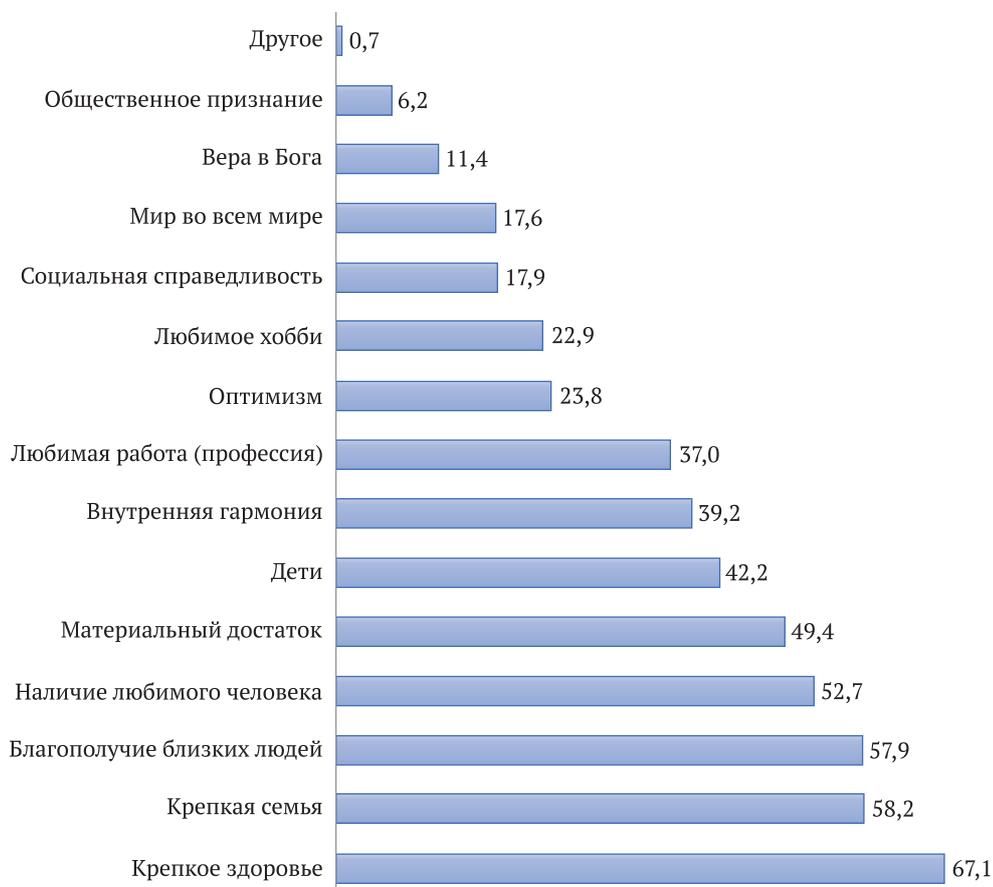

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос:
«Что для Вас лично самое главное в жизни?», %

Fig. 6. Distribution of answers to the question:
«What is the most important thing in life for you personally?», %

Рис 7. Распределение ответов на вопрос:
«На основании чего Вы можете назвать себя счастливым человеком?», %

Fig. 7. Distribution of answers to the question:
«On the basis of what you can call yourself a happy person?», %

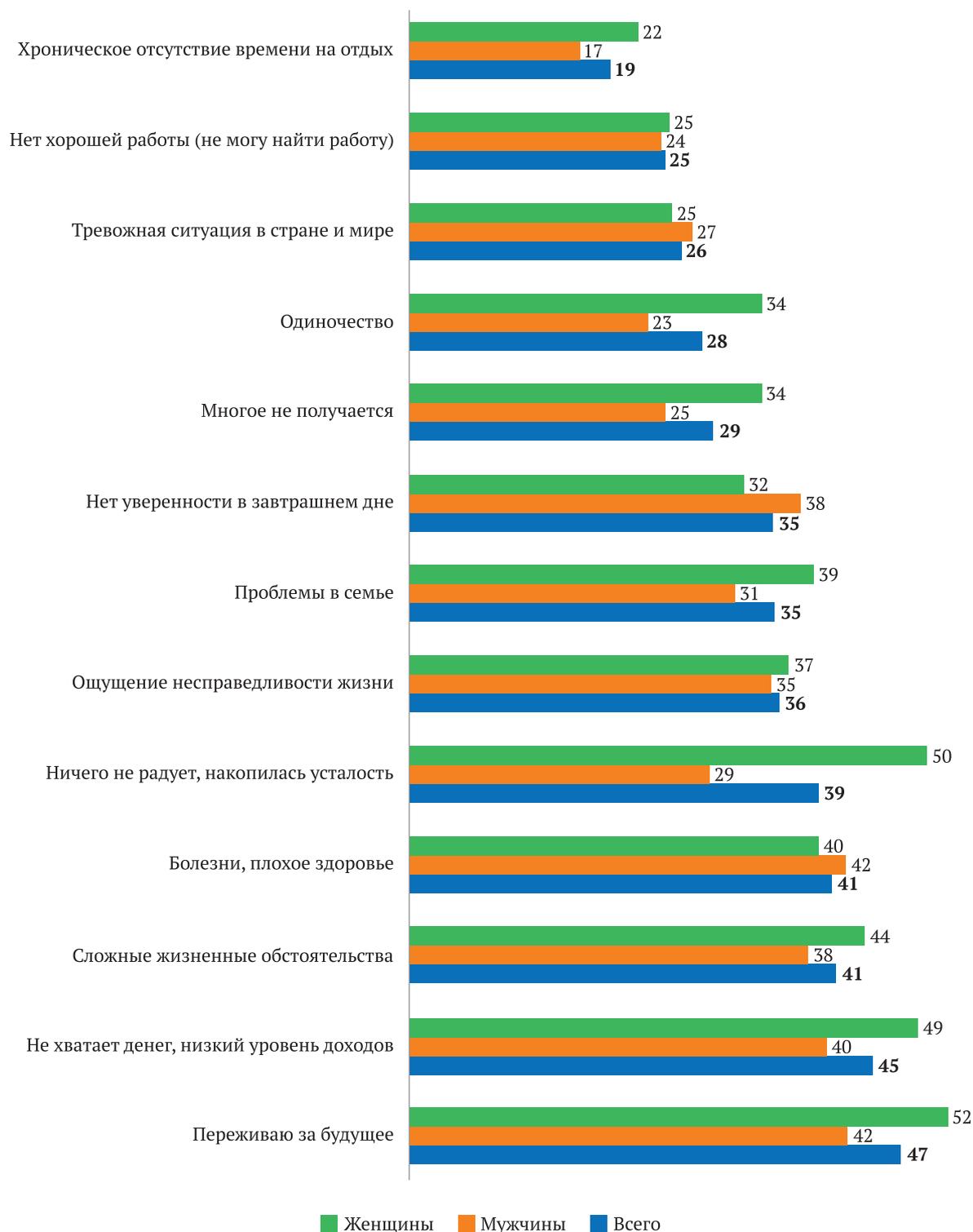

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос:
«Если, пусть даже иногда, Вы не ощущаете
себя счастливым, то почему?» в зависимости от пола, %
Fig. 8. Distribution of answers to the question:
«If, even sometimes, you do not feel happy, then why?» depending on gender, %

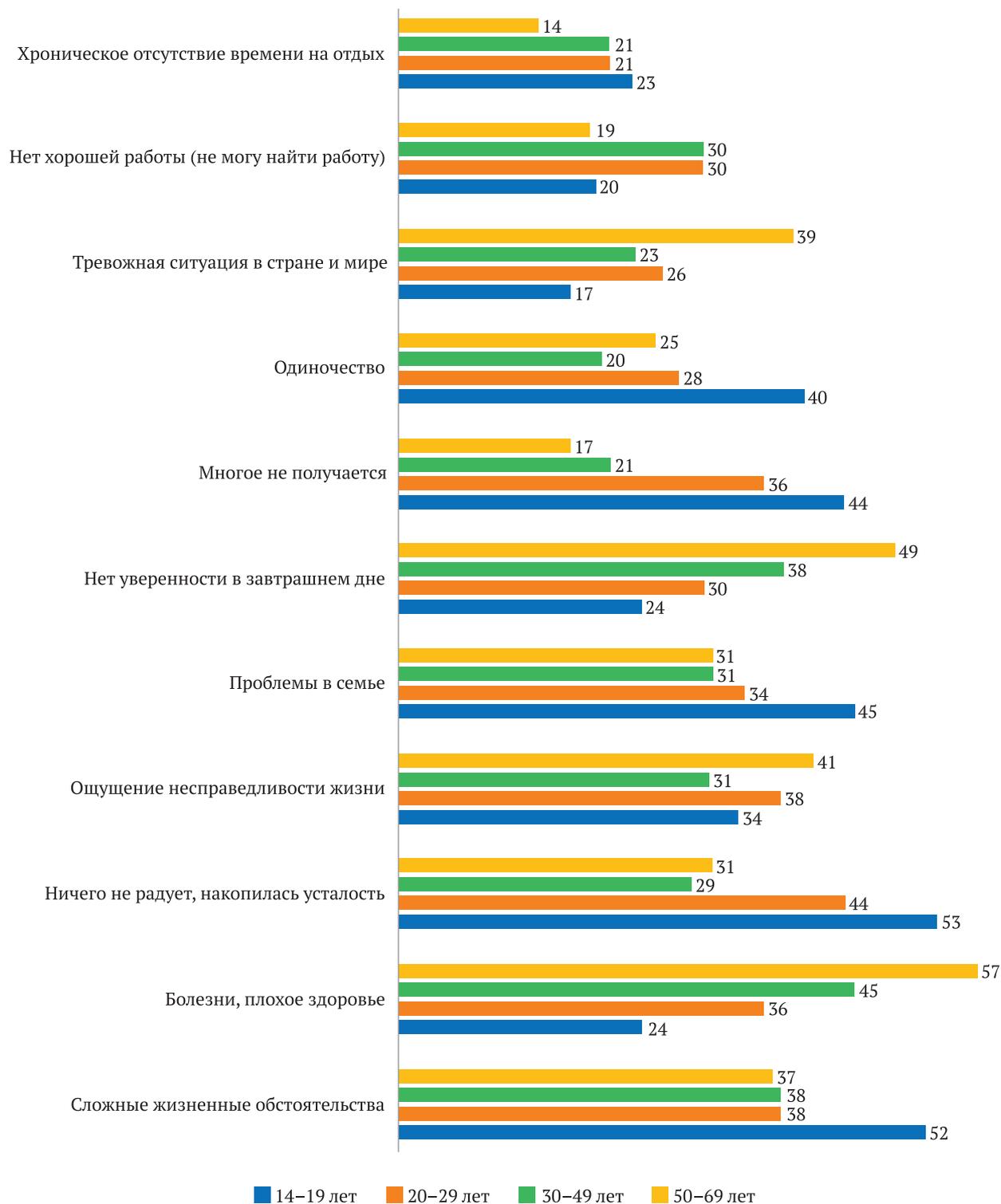

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы чувствуете себя несчастным?» в зависимости от возраста, %
Fig. 9. Distribution of answers to the question: «Why do you feel unhappy?» depending on age, %

Второй вопрос этого блока звучал следующим образом: «В жизни бывает всякое – и плохое, и хорошее. Но если говорить в целом, можете ли Вы назвать себя счастливым человеком?». Большинство (79 %) согласились назвать себя счастливым человеком (56 % выбрали ответ «Скорее да», 23 % – «Определенно да»), каждый пятый (21 %) не согласился (16 % выбрали ответ «Скорее нет», 5 % – «Уверенно нет»). Гендерные различия незначительны: женщины несколько чаще однозначно называли себя счастливыми (27 % против 20 % среди мужчин). Поколенческие различия также незначительны: доли признающих себя счастливыми несколько выше в возрастных группах с 20 до 49 лет (свыше 82 %) и ниже среди подростков и россиян старше 50 лет (76 %), поэтому в последних двух группах самые высокие доли тех, кто не может назвать себя счастливым (каждый четвертый). Оценивая свой уровень счастья по десятибалльной шкале, где 1 – отсутствие счастья, а 10 – полное счастье, большинство поставили себе достаточно высокие оценки (62 % – от 7 до 9, каждый второй – 7 или 8, каждый десятый – 10), что дало среднее значение по выборке (и подвыборкам мужчин и женщин) в 7 баллов. Гендерные различия незначительны: женщины несколько чаще ставили себе 7, а мужчины – 8 и 9. Поколенческие различия незначительны и предсказуемы. С возрастом снижается доля самых высоких оценок: 7 баллов себе поставил каждый пятый респондент до 30 лет, но каждый третий – старше 30 лет, 9 баллов – каждый седьмой и каждый десятый соответственно, 10 баллов – каждый седьмой подросток, каждый десятый молодой респондент, 7 % в группе 30–49-летних и только 4 % респондентов старше 50 лет.

В соответствии со своими жизненными ценностями и трактовками счастья респонденты относят к факторам личной счастливости (см. рис. 7) в первую очередь здоровье (свое и близких) и семейное благополучие. На 2-м месте – наличие любимого человека, любви к близким и просто ощущение радости жизни, на 3-м – хорошие друзья (важнее для женщин – 50 % против 41 % среди мужчин), на 4-м – дети и внуки, хорошая, интересная работа (учеба), хорошее материальное положение и творчество (важнее для женщин – 30 % против 16 % среди мужчин). Поколенческие различия проявились по большому числу факторов, но они предсказуемы: для подростков менее значимы здоровье и семейное благополучие (каждый второй против свыше 64 % в остальных группах) и более значимо творчество (37 % против каждого четвертого среди молодежи, каждого пятого в старшей группе и всего 13 % среди 30–49-летних). Столь же ожидаемо для ощущения себя счастливым в старшей группе оказались более

важны чувства радости от того, что жив (62 % против каждого второго в остальных группах), есть дети, внуки (каждый второй против 28 % среди молодежи и 41 % в группе 30–49-летних).

Поскольку большинство опрошенных считают себя в целом счастливыми людьми, неудивительно, что доли ответивших на вопрос: «Если, пусть даже иногда, Вы не ощущаете себя счастливым, то почему?» оказались значительно ниже, чем в предыдущем вопросе (см. рис. 8). На первом месте оказались переживания за будущее и низкий уровень доходов, далее идут сложные жизненные обстоятельства и болезни (плохое здоровье), накопленная усталость (неспособность радоваться) и ощущение несправедливости жизни, проблемы в семье и отсутствие уверенности в завтрашнем дне, то, что многое не получается, одиночество, тревожная ситуация в стране и мире, отсутствие (хорошей) работы и хронический недостаток времени на отдых. Гендерные различия здесь более выражены, чем в предыдущем вопросе. Женщины демонстрируют более высокий уровень тревожности: чаще не ощущают себя счастливыми, переживая за будущее, и по причине низкого уровня доходов, что взаимосвязано, накопленной усталости, не дающей радоваться жизни, проблем в семье, того, что многое не получается, и одиночества.

Поколенческие различия здесь тоже существенны (см. рис. 9). С одной стороны, с возрастом все более значимы болезни и плохое здоровье, отсутствие уверенности в завтрашнем дне и тревожная ситуация в стране и мире, но все менее значимы накопленная усталость, мешающая радоваться жизни, и то, что многое не получается. Это можно объяснить юношеским максимализмом подростков и осознанием старшим поколением важности мелких радостей жизни и смирением с ее неизбежным ходом. Подростки выбиваются из общей картины, чаще называя в качестве причин своей несчастливости сложные жизненные обстоятельства (каждый второй против примерно каждого третьего в остальных группах), проблемы в семье и одиночество, т. е. факторы скорее воображаемо-проективные, чем реальные. Старшее поколение и молодежь чаще сетуют на несправедливость жизни, что, вероятно, объясняется столкновением с реалиями трудовой и семейной жизни в молодости и с выпадением из многих сфер жизни в старшем возрасте. Столь же предсказуемо, что отсутствие (хорошей) работы в большей степени волнует людей с 20 до 49 лет, чем подростков и представителей старшей группы, а хроническое отсутствие времени, как и хроническое отсутствие времени на отдых – респондентов до 50 лет (порядка 22 % против 14 % в самой старшей группе).

Заключение

Результаты онлайн-опроса позволяют сделать выводы методического и содержательного характера.

Во-первых, на прямые вопросы о себе россияне дают позитивно смещенные ответы, следуя стереотипам

социальной нормальности, поэтому каждый второй декларативно доволен своей жизнью. В российском обществе сложилась персоналистическая трактовка счастья как состояния, за которое человек сам несет ответственность: определяя для себя счастье, выбирая профессиональный и жизненный путь, формируя ближнее социальное окружение и другие аспекты частной жизни. Это своего рода ядро определения счастья. Его периферия более разрозненна: сюда входят как подкрепляющие ядро трактовки счастья (рациональный выбор, состояние души, решение, жизнь по уму, в счастье и т. д.), так и внешние элементы (общественное служение, внешняя оценка, мифологема). Соответственно распределены и факторы счастья: ядро формируют здоровье, личное благополучие (материальное и эмоциональное) и ближний социальный круг, периферию – внешние вещи (справедливо устроенное общество, общая ситуация в стране и мире, общественное признание и др.).

Во-вторых, наблюдаются небольшие гендерные различия в ответах на вопросы анкеты, но они менее выражены, чем можно было бы ожидать и чем мы фиксировали ранее в наших опросах по тематике ценностных ориентаций [21–23]. Так, женщины высказывают большую удовлетворенность жизнью, чаще называют себя счастливыми и признают свое эмоциональное восприятие жизни. Несколько неожиданно, что мужчины, с одной стороны, воспроизводят гендерный стереотип о большей значимости ума для мужчины, а с другой – являются большими приверженцами (декларативно) жизненного приоритета «любить и быть любимым», тогда как женщины чаще говорили о важности любить себя.

В-третьих, поколенческие различия ответов более существенны и более ожидаемы, чем гендерные. Объективное снижение уровня и качества жизни россиян с возрастом не могло не отразиться на их субъективном благополучии: с возрастом уменьшается доля удовлетворенных жизнью и снижается доля высоких оценок своего счастья, несмотря на (декларативно) спокойное и невозмутимое отношение к жизни. Чаще всего из общей картины выбиваются подростки: их позиция либо максимально отличается от позиции представителей старшей группы, либо только от позиции молодежи, либо вместе с ней формируют группу, которая отличается по суждениям и приоритетам от тех, кто старше 30 лет. В частности, респонденты младше 30 лет значительно чаще считают, что счастье человека зависит от внешних факторов (других людей и событий) и не имеет гендерной специфики.

В целом выявленные высокие показатели счастья – явное следствие социальной желательности, а не особого жизненного настроения, поскольку 43 % опрошенных считают себя реалистами, а остальные разделились на две группы – оптимистов (25 %) и ситуационистов, для которых настрой зависит от ситуации (23 %). Варианты «фаталист»,

«пофигист» и «пессимист» набрали незначительные число ответов: 2, 3 и 4 % соответственно. И здесь практически не наблюдаются гендерные и поколенческие различия, за исключением двух моментов: во-первых, среди женщин больше тех, кто ориентируется по ситуации (28 % против 19 %); во-вторых, с возрастом доля ситуационистов снижается (34 % подростков и 26 % молодежи против 18 и 16 % в следующих возрастных группах) преимущественно за счет возрастания доли реалистов с 20 лет (35 % среди подростков и 45 % в остальных возрастных группах) и оптимистов с 30 лет (с 21 до 28 %).

Вторым подтверждением того, что высокие показатели счастья – явное следствие социальной желательности, является распределение ответов на проективный вопрос, считает ли респондент, что среди его близких и знакомых больше счастливых людей, чем несчастливых. На прямой вопрос: «Можете ли Вы назвать себя счастливым человеком?» большинство (79 %) ответили утвердительно, но, оценивая свое окружение, 13 % отметили, что среди их близких и знакомых скорее больше несчастливых людей, 39 % – что больше счастливых, а каждый второй (48 %) видит примерно одинаковое число тех и других. Мужчины настроены несколько более пессимистично, чаще наблюдая несчастливых людей в своем близком кругу (15 % против 10 %) и реже – счастливых (35 % против 43 %). Поколенческие различия по этому вопросу также отражают снижение качества жизни с возрастом: соотношение тех, кто видит в своем ближнем окружении больше счастливых людей, и тех, кто видит скорее больше несчастливых, меняется с 52 и 10 % среди подростков на 44 и 10 % среди молодых, 33 и 12 % среди зрелых, 29 и 18 % среди представителей старшей группы. Четыре подгруппы здесь также можно объединить в две: до 30 лет примерно одинаковое количество счастливых и несчастливых людей в своем ближнем окружении наблюдают менее половины опрошенных (39 % подростков и 46 % молодежи), а после 30 лет – больше половины (55 и 53 % в следующих двух возрастных группах).

И, наконец, третье подтверждение давления социальной желательности в оценках своей счастья – распределение ответов на вопрос: «Представьте себе лестницу, где первая ступенька означает худшую жизнь из возможных, а десятая – лучшую. На какой ступеньке Вы сейчас находитесь?». Если, оценивая свое ближнее социальное окружение, респонденты дают значительно более аккуратные ответы, чем характеризуя свое субъективное благополучие, то, когда вопрос вновь касается их самих, ситуация меняется: половина оценок собственной жизни сосредоточилась на высоких ступеньках – 7-й и 8-й (29 + 22 = 51 %), еще треть – на 5-й и 6-й (11 + 18 = 29 %), на самые высокие ступеньки (8-я, 9-я и 10-я) себя поместили треть опрошенных (22 + 6 + 4 = 32 %). Причем эти оценки практически не имеют гендерных или поколенче-

ских особенностей: единственное значимое различие состоит в том, что до 30 лет несколько выше доля тех, кто дает собственной жизни максимально высокие оценки – выше восьми (больше и меньше трети опрошенных).

Подчеркнем, что зафиксированные показатели счастья россиян и определяющие их факторы характеризуют доковидную эпоху, поскольку опрос был проведен до признания за новой коронавирусной инфекцией статуса пандемии и введения

в России локдаунов и множественных ограничений. Но эта характеристика российского общества принципиально важна для объективной оценки того, как пандемия повлияла на массовое сознание и социальные представления о нормальном, правильном и возможном. Для этого нужны повторные опросы на основе аналогичного инструментария (можно дополнить анкету вопросами о том, как сами респонденты оценивают произошедшие изменения) и той же выборки.

Библиографические ссылки

1. Абрамов АВ, Багдасарян ВЭ, Бышок СО, Володенков СВ, Евстафьев ДГ, Егоров ВГ и др. Пандемия COVID-19: Конец привычного мира? *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)* [Интернет]. 2020 [прочитано 14 августа 2021 г.]; DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001. Доступно по: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1001>.
2. Волков ЮГ, Курбатов ВИ. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды посткоронавирусного мира. *Гуманитарий Юга России*. 2020;9(2):17–32. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.1.
3. Гришин ВИ, Домащенко ДВ, Константинова ЛВ, Кошкин АП, Устюжанина ЕВ, Штыхно ДА и др. Жизнь после пандемии: экономические и социальные последствия. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. 2020;3:5–18. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-3-5-18.
4. Ослон АА. *Социология пандемии. Проект коронаФОМ*. Москва: Институт фонда «Общественное мнение»; 2021. 319 с.
5. Тощенко ЖТ. *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. Москва: Весь мир; 2020. 352 с.
6. Беляева ЛА. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации. *Социологические исследования*. 2009;1:33–42.
7. Карабчук ТС, Сальникова ДВ. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси. *Социологические исследования*. 2016;5:96–109.
8. Климова АМ, Чмель КШ. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;1:143–176. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.07.
9. Латова НВ. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 – год бифуркации. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016;3:16–37. DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.02.
10. Стиглиц Д, Сен А, Фитусси Ж-П. *Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса*. Кушнарева И, переводчик; Дробышевская Т, редактор. Москва: Издательство Института Гайдара; 2015. 216 с.
11. Троцук ИВ, Гребнева ВЕ. Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019;25(3):7–35. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-7-35.
12. Аргайл М. *Психология счастья*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 271 с. (Мастера психологии).
13. Троцук ИВ, Королева КИ. Неочевидные ограничения социологической оценки благополучия: результаты методического эксперимента. *Социальная политика и социология*. 2020;19(1):107–114.
14. Троцук ИВ, Королева КИ. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье? *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020;9:57–62. DOI: 10.23672/w3129-9969-0189-t.
15. Trotsuk IV. Three approaches to the sociological study of the social well-being. *Sociološki pregled*. 2019;53(1):80–99. DOI: 10.5937/socpreg53-20845.
16. Шматова ЮЕ, Морев МВ. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2015;3:141–162. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11.
17. Троцук ИВ. Методические и содержательные особенности социологического изучения феномена счастья опросными методами. *Социальная политика и социология*. 2019;18(1):147–156. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-1-147-156.
18. Родионова ЛА. Методологические аспекты измерения и моделирования уровня счастья. *Экономика. Управление. Право*. 2012;1:25–30.
19. Andrews FM, Withey SB. *Social indicators of well-being. Americans perceptions of life quality*. New York: Springer; 1976. 476 p. DOI: 10.1007/978-1-4684-2253-5.
20. Нарбут НП, Троцук ИВ. *Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта)*. Москва: Российский университет дружбы народов; 2017. 400 с.
21. Нарбут НП, Троцук ИВ. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2018;18(1):131–155. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155.
22. Нарбут НП, Троцук ИВ. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2018;18(2):284–302. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-284-302.
23. Нарбут НП, Троцук ИВ. Жизненные планы российской студенческой молодежи: гендерные и иные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2014;(3):143–168.

References

1. Abramov AV, Bagdasaryan VE, Byshok SO, Volodenkov SV, Evstafiev DG, Egorov VG, et al. Pandemia COVID-19: The end of the familiar world? *Bulletin of the Moscow Region State University (electronic journal)* [Internet]. 2020 [cited 2021 August 14];2. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001. Available from: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1001>. Russian.
2. Volkov YuG, Kurbatov VI. Global pandemic sociology: domestic and foreign scenarios and trends of the post-coronavirus world. *Humanities of the South of Russia*. 2020;9(2):17–32. Russian. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.1.
3. Grishin VI, Domashchenko DV, Konstantinova LV, Koshkin AP, Ustyuzhanina EV, Shtykhno DA, et al. Life after the pandemic: Economic and social consequences. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. 2020;3:5–18. Russian. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-3-5-18.
4. Oslon AA. *Sotsiologiya pandemii. Proekt koronaFOM* [Sociology of the pandemic. Project CoronaFOM]. Moscow: Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie»; 2021. 319 p. Russian.
5. Toshchenko ZhT. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of trauma: between evolution and revolution (a case of theoretical and empirical analysis)]. Moscow: Ves' mir; 2020. 352 p. Russian.
6. Belyaeva LA. [The level and quality of life. Measurement and interpretation issues]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009;1:33–42. Russian.
7. Karabchuk TS, Salnikova DV. [Objective and subjective well-being: a comparative analysis of the countries of Central Asia, Russia and Belarus]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;5:96–109. Russian.
8. Klimova AM, Chmel KSh. Regional differences in subjective wellbeing: does social policy offset the effects of inequality in Russia? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2020;1:143–176. Russian. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.07.
9. Latova NV. Russian satisfaction with life during the crisis: 2015 as a year of bifurcation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2016;3:16–37. Russian. DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.02.
10. Stiglitz JE, Sen A, Fitoussi J-P. *Mismeasuring our lives. Why GDP doesn't add up*. New York: The New Press; 2016. 176 p. Russian edition: Stiglitz JE, Sen A, Fitoussi J-P. *Neverno otsenivaya nashu zhizn. Pochemu VVP ne imeet smysla. Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa*. Kushnareva I, translator; Drobyshevskaya T, editor. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2015. 216 p.
11. Trotsuk IV, Grebneva VY. Possibilities and limitations of the key methodological approaches to the study of happiness. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(3):7–35. Russian. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-7-35.
12. Argyle M. *The psychology of happiness*. 2nd edition. London: Routledge; 2001. 288 p. Russian edition. Argyle M. *Psikhologiya schastyia*. Saint Petersburg: Piter; 2003. 271 p. (Masterska psikhologii).
13. Trotsuk IV, Koroleva KI. [Nonobvious limitations of the sociological study of well-being: results of the methodological experiment]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2020;19(1):107–114. Russian.
14. Trotsuk IV, Koroleva KI. [Subjective well-being – quality of life or happiness?]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2020;9:57–62. Russian. DOI: 10.23672/w3129-9969-0189-t.
15. Trotsuk IV. Three approaches to the sociological study of the social well-being. *Sociološki pregled*. 2019;53(1):80–99. DOI: 10.5937/socpreg53-20845.
16. Shmatova YE, Morev MV. Assessing the level of happiness: a review of Russian and foreign research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2015;3:141–162. Russian. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11.
17. Trotsuk IV. [Methodological and conceptual issues of the sociological study of the phenomenon of happiness by survey techniques]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2019;18(1):147–156. Russian. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-1-147-156.
18. Rodionova LA. [Methodological aspects of measuring and modeling the level of happiness]. *Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 2012;1:25–30. Russian.
19. Andrews FM, Withey SB. *Social indicators of well-being. Americans perceptions of life quality*. New York: Springer; 1976. 476 p. DOI: 10.1007/978-1-4684-2253-5.
20. Narbut NP, Trotsuk IV. *Tsennostnye orientatsii i sotsial'noe samochuvstvie studenchestva (rezul'taty issledovatel'skogo proekta)* [Value orientations and social well-being of students (results of the research project)]. Moscow: RUDN University; 2017. 400 p. Russian.
21. Narbut NP, Trotsuk IV. The social well-being of the post-Socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): comparative analysis of value orientations (part 1). *RUDN Journal of Sociology*. 2018;18(1):131–155. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155.
22. Narbut NP, Trotsuk IV. The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): comparative analysis of fears and hopes (part 2). *RUDN Journal of Sociology*. 2018;18(2):284–302. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-284-302.
23. Narbut NP, Trotsuk IV. Russian students' life plans: gender and other differences in the estimates of prospects in the labor market. *RUDN Journal of Sociology*. 2014;(3):143–168. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.11.2021.
Received by editorial board 23.11.2021.

УДК 316.1

МОДЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ КОНТЕНТА НОВЫХ МЕДИА НАСЕЛЕНИЕМ БЕЛАРУСИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОСТРОЕНИЯ

А. М. БЕЛЬСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Обозначается актуальность исследования медиапрактик населения с выходом на формирование относительно устойчивых моделей медиапотребления в условиях рефлексивного роста воздействия такого игрока информационного поля, как новые медиа. Характеризуются особенности и подходы типологизации и классификации социальных субъектов, отражаются возможные противоречия в ходе реализации указанных процедур. Обосновывается двухэтапный сценарий исследования медиапотребления белорусского населения с созданием социальных портретов потребителей традиционных и новых медиа. Обзорно уточняется содержание данных конструктов. На примере репрезентативного социологического исследования демонстрируются возможности факторного и кластерного анализа в эмпирической типологизации, осуществляемой при помощи программных средств, с детальным описанием процедур и путей разрешения возможных сложностей. Приводится и интерпретируется авторская пятикомпонентная типология моделей медиапотребления, обосновывается возможность ее применения на практике с имеющимся массивом первичной социологической информации на основе расчета дополнительных показателей. Полученные результаты могут найти применение в социологии массовой коммуникации и средств массовой информации, адресованы специалистам в области социологии общественного мнения, теорий информационного общества, а также теории и методологии социологии.

Ключевые слова: медиапотребление; медиaprостранство; медиаменю; типологизация; классификация; факторный анализ; кластерный анализ; новые медиа.

CONTENT CONSUMPTION PATTERNS NEW MEDIA BY THE POPULATION OF BELARUS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT OF THE CONSTRUCTION

A. M. BELSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article indicates the relevance of the study of media practices of the population with the exit to the formation of relatively stable models of media consumption in the conditions of the reflexive growth of the impact of such a player in the information field as new media. The characteristics of the features of the typologisation and classification of social subjects are given, possible approaches to typologisation and classification are reflected, as well as those contradictions that may arise during the implementation of the designated research procedures. A two-stage scenario for the implementation of the study of media consumption of the population of Belarus with the derivation of social portraits of consumers of traditional and

Образец цитирования:

Бельский АМ. Модели потребления контента новых медиа населением Беларуси: теоретико-методологический аспект построения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;4:97–109. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-97-109>

For citation:

Belski AM. Content consumption patterns new media by the population of Belarus: theoretical and methodological aspect of the construction. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;4:97–109. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-97-109>

Автор:

Александр Михайлович Бельский – научный сотрудник Центра социологических и политических исследований, старший преподаватель кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander M. Belski, researcher at the Center of Sociological and Political Research and senior lecturer at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. ksander_mogilev@mail.ru

new media finds its justification, the content of these constructs is reviewed. Using a practical example of an independent representative sociological research, the possibilities of factor and cluster analysis in empirical typology using software are demonstrated with a detailed description of the implementation of procedures and proposals for ways to resolve possible difficulties in the course of their application. The author presents and interprets the author's five-component typology of media consumption models with an exit to the possibility of its application in wide practice with the available array of primary sociological information on the basis of calculating a number of additional indicators. The results obtained can find their application in the sociology of mass communication and the media and are addressed to specialists in the field of sociology of public opinion, theories of the information society, as well as the theory and methodology of sociology.

Keywords: media consumption; media space; media; typology; classification; factor analysis; cluster analysis; new media.

Введение

Медиапотребление представляет собой широкую палитру вариаций использования ресурсов, сервисов и контента медиaprостранства. Процесс потребления обусловлен социальными, экономическими, психологическими и культурологическими факторами [1–5]. Гаджет выступает звеном между пользователем и миром новых медиа, а последние являются информационным посредником между социальным субъектом и обществом. Это говорит о том, что реализация социальности требует от индивида перманентного медиапотребления.

Медиапотребление – это процесс удовлетворения потребностей, причем не только в информационной, но и в коммуникативной плоскости ввиду объективной сложности разделения новых медиа сугубо на канал информирования и средство коммуникации. Данный конструкт характеризуется скорее как сложный синтез, фундирующий эти два начала. Процесс потребления медиаконтента сегодня может быть описан как демонстративный, ведь социальному субъекту важно публично продемонстрировать филигранное жонглирование устойчивыми выражениями пользующегося популярностью у его референтной группы канала, выражая сопричастность с ней. При этом пользователь достаточно часто является не только потребителем, но и творцом информационного продукта, примеряя на себя идентичность блогера, а также транслятором его на свое окружение.

Все это формирует определенное представление о социальном субъекте по принципу «мы есть то, что мы читаем» [6]. Рациональность медиапотребления все чаще сменяется иррациональностью [7, р. 17–78], что наделяет его символическими значениями [8], ведет к формированию определенных моделей медиапотребления, которые распространяются в обществе за счет появления новых адептов.

Научное осмысление современного медиапотребления приводит к ощущению осязаемой значимости именно новых медиа [9], которые не только имеют вес уже в моменте, но и постоянно наращивают символический капитал. Мессенджеры, преисполненные информационными, образовательными и развлекательными каналами, предоставляют возможность оперативного овладения медиановосткой [10, р. 465–481] при достаточно невысокой цене удовлетворения этой потребности (необходимы лишь электронный гаджет, клиентское приложение и выход в сеть). Мобильный телефон с целым миром внутри находится у социального субъекта под рукой весь день, что влияет на то, что он пребывает в уплотняющейся паутине медиасреды в среднем более восьми часов в сутки. Такой тайминг медиадня приближает его фактически к половине времени реального бодрствования. Обозначенное остро актуализирует детальное научное изучение медиапотребления и его моделей.

Методологическая технология построения моделей медиапотребления

Объективный исследовательский интерес вызывают как современные практики потребления контента новых медиа, так и формируемые в результате этого процесса модели медиапотребления. В данном случае в число традиционных СМИ включаются газеты, радио и телевидение [11; 12]. Новые медиа разграничены по таким структурным компонентам, как интернет-сайты, социальные сети и мессенджеры [13, с. 98–106]. Детальное изучение медиапотребления включало два этапа. На первом этапе были использованы результаты социологического исследования информационных предпочтений населения Беларуси, проведенного в четвертом квартале 2020 г. Центром социологических и политических

исследований БГУ при непосредственном участии автора (сбор информации осуществлялся путем опроса лицом к лицу с использованием технологии *PAPI* по репрезентативной национальной стратифицированной выборке (пол, возраст, образование, населенный пункт), объем выборки – 1000 респондентов (18–79 лет), подобранных методом случайного отбора по принципу ближайшей к опросу даты рождения среди проживающих в домохозяйстве). Было определено, что высокая погруженность в интернет не означает субъективного отождествления своего медиаменю только с продуктами новых медиа. Для белорусских пользователей виртуального пространства характерно микширование источников инфор-

мации. Для четкости построения портрета медиа-аудитории и ее практик необходимо учесть ту часть респондентов, которые используют продукты преимущественно новых или традиционных медиа. Для построения социального портрета было решено исключить из общей совокупности респондентов тех, кто сочетает источники информации. В результате удалось кристаллизировать социальные портреты.

Потребитель контента новых медиа – это скорее мужчина (51,4 %) в возрасте 18–44 лет (18–29 лет – 35,5 %, 30–44 лет – 39,9 %) с высшим (32,6 %) или средним специальным (30,4 %) образованием, проживающий в столице (32,6 %) или областном центре (23,9 %) и имеющий средний (выше среднего) достаток (40,0 и 28,1 %). Приверженцем традиционных СМИ можно назвать скорее женщину (58,3 %), чаще старше 60 лет (64,3 %), реже 45–59 лет (29,8 %), имеющую общее среднее или среднее специальное образование (36,9 и 25,0 % соответственно) и средний (ниже среднего) достаток (46,4 и 40,5 %), проживающую или в сельской местности, или в городе численностью менее 199,9 тыс. человек, или в городе численностью менее 50 тыс. человек (25,0; 20,2; 20,2 % соответственно).

Таким образом, пользователи новых медиа, в отличие от пользователей традиционных медиа, имеют более высокий уровень образования, дохода, проживают в густонаселенной местности, что делает их активными акторами деятельности по социальным преобразованиям, модели для которой они могут черпать в интернете [14, р. 781–802]. Интересны и возрастные различия. При описании социальных портретов интернет-пользователей и приверженцев традиционных СМИ ранее часто использовали клише «конфликт отцов и детей». Сегодня произошел сдвиг поколений, в результате которого «отцы и дети» солидаризировались, отделившись в выборе наиболее релевантных информационных источников от более старшего поколения. При этом внутри конструкта новых медиа возрастная вариация отражает порядок выделения его составляющих, т. е. младшая возрастная группа (18–29 лет) задает тренд и чаще использует мессенджеры (49,3 %), чуть реже – социальные сети (45,1 %) и ощутимо реже – интернет-порталы (34,6 %). При этом их потенциальные бабушки и дедушки (возрастная группа 50–79 лет) постепенно осваивают интернет-пространство, на данный момент обращаясь скорее к интернет-сайтам (24,8 %), реже – к социальным сетям (14,4 %) и совсем редко – к мессенджерам (10,5 %).

Таким образом, для детального изучения медиа-практик стоит обратиться к самым активным медиа-потребителям, т. е. к оценкам населения в возрасте 18–49 лет в условном разрезе «родитель – ребенок» (30–49 и 18–29 лет) в целях уточнения как ключевых характеристик их медиаменю, так и установок в его потреблении.

Для этого на втором этапе исследования нами выполнено программирование социологического

исследования медиапотребления белорусского населения, которое было проведено во втором квартале 2021 г. Сбор информации реализовывался путем опроса лицом к лицу с использованием технологии *SAPI* по национальной квотной целевой выборке (пол, возраст). Объем выборки – 1100 респондентов, подобранных методом снежного кома. Среди вопросов был блок, посвященный сугубо характеристикам медиапотребления, которые были подвержены субъективной оценке респондентов на примере их взаимодействия с мессенджером *Telegram*, который пользуется ощутимой популярностью именно у обозначенной аудитории. На основании полученной информации далее предполагается как оценить практики медиапотребления, так и «уплотнить» имеющиеся характеристики, установив границы и выделив группы респондентов, произведя их последующее наименование.

Каждый социальный субъект является носителем определенных признаков. В совокупности они образуют уникальную личность и могут выступать относительно устойчивыми критериями, позволяющими исследователям формировать типологии, которые представляют собой высокий уровень обобщения [15, с. 182–190]. Подходы к типологизации достаточно разнообразны, так как каждый исследователь вправе выделить и обосновать свои критериальные рамки, наполнив их валидным содержанием. Не стоит упускать из внимания то, что типологические модели социальных субъектов, как правило, выстраиваются в рамках того или иного исследовательского проекта, который уже выступает рамочной основой, предопределяющей выбор критериев. Вместе с тем существует проблема вариативности когнитивного осмысления самой дефиниции «тип». Кажется очевидным то, что термин обладает самим собой разумеющимся смыслом, являет некую форму, характеризующуюся наличием определенной совокупности признаков. Конструкция «тип» может трактоваться и как мерило, т. е. как эталон, с которым может входить или не входить в соответствие некий конкретный социальный субъект, объект или даже явление. Одновременно простое и понятное раскрытие смысла дефиниции делает возможным ее использование в связке с такими конструктами, как вид, категория и даже класс.

Указанное приводит нас к тому, что необходимо определиться с тем, типологизируем мы или классифицируем социальных субъектов. Логика процедур классификации и типологизации различна. Типологизация предполагает скорее интеграцию ряда характеристик социального субъекта или явления, тогда как классификация базируется на делении имеющегося множества на некие подмножества [15, с. 182–190]. В первом случае мы действуем строго композиционно, покоряемся законам индукции (группируем что-либо в соответствии с наличием или отсутствием ряда критериев, имеющихся у эталонных

образцов), тогда как во втором – декомпозиционно, дедуктивно (задаем множеству определенную структуру на основании соответствия его элементов критериям, которые изначально определили). Стоит отметить, что в первом случае конструкты будут менее жесткими, а размежевание – более трудоемким, так как за счет наличия идеально типического объекта индуктивной логики границы будут не такими четкими. Во втором случае процесс будет формализован и субъект или явление, не отвечающие определенным признакам классификации, просто выпадут из данного класса, переместившись в другой, что сделает границы каждого достаточно четкими и однозначными.

Выделение групп возможно в двух вариациях. Как было отмечено, изначально важны определенные характеристики, которые позволяют выполнить интеграцию элементов вокруг них по соответствию или его отсутствию. Определенный тип может образовывать как что-то усредненное, так и максимально выраженное. Формирование типа по первому сценарию повесит ярлык нетипичности на все элементы, которые будут иметь нетривиальные характеристики, исключив их. Второй сценарий окрашивает в нетипичное все то, что не имеет ярко выраженных и доступных к измерению характеристик, т. е. является обыденным. Говоря об исследовательских проектах, мы сталкиваемся преимущественно со вторым сценарием, ведь нам важно не образовать нечто усредненное, а, наоборот, постараться как можно четче описать эталонный элемент, который позволит объединить вокруг себя другие элементы совокупности, сформировать группы.

Именно на этом этапе в исследование привносится весомый элемент субъективизма. Вес субъективизма определяется тем, насколько глубоко исследователь погружен в тему и способен полноформатно выделить исчерпывающее число характеристик, описать каждый предлагаемый им тип, что может быть спорно, так как делает такие типологизации локальными, подходящими конкретному исследовательскому проекту, сложноэкстраполируемыми. При формировании эталона исследователь из всей совокупности характеристик выбирает те, которые, по его мнению, в наибольшей степени соответствуют определенному типу, при этом сам перечень сформирован также исследователем. Вместе с тем часто игнорируется мера выраженности той или иной характеристики, вследствие чего большое количество типов с рядом характеристик имеют нечеткие границы, что обуславливает и вовсе одновременное попадание социального субъекта или явления сразу в обе спроектированные совокупности. Таким образом, для снижения веса субъективности важно как выделить оптимальное и исчерпывающее количество характеристик, определить их иерархию

и выраженность, так и обоснованно наделить ими эталонные группы-образцы, количество которых также должно быть релевантным. Каждый из этих этапов имеет высокую вероятность субъективного искажения, которое следует минимизировать.

В целях минимизации субъективного искажения обратимся к статистическим процедурам, выполняемым с помощью программных средств, которые способны к формированию необходимых нам группировок. Опираясь на значения коэффициентов и их значимость, произведем эмпирическую типологизацию, переместившись в трехмерное физическое пространство свойств, о котором говорил еще П. Лазарсфельд в контексте скопления или рассеивания признаков в многомерном пространстве. Использование факторного и кластерного анализа позволит нам выделить определенные однородные группы характеристик [16, р. 1–9]. Выбор именно этих видов анализа обусловлен тем, что при логистической регрессии или дискриминантном анализе, которые в целом преследуют аналогичные цели, в арсенале исследователя уже имеется четкое определение зависимой переменной, предполагающей две и более вариаций, что сводит работу к выделению известных заранее целевых групп. В нашем случае такой переменной нет, более того, выделение определенных групп выступает ключевой задачей, т. е. каждая переменная изначально является независимой и равнозначной в соотношении с другими.

Респондентам, которыми выступили наиболее активные пользователи социальных сетей и мессенджеров, в ходе анализа моделей их медиапотребления было предложено оценить 21 параметр его проявления, которые в полной мере характеризуют данный процесс. Частоту реализации обозначенного сценария в их повседневной практике медиапотребления следовало оценить по десятибалльной шкале, где 1 балл соответствовал варианту ответа «Никогда», а 10 баллов – варианту ответа «Всегда». В дальнейшем варианты ответа были преобразованы в аналоги шкалы Ликерта. Данные опроса были обработаны и проанализированы в пакете программ SPSS. Компьютерному анализу были подвергнуты наблюдения по 21 переменной, каждой из которых соответствовал только один вариант ответа. В табл. 1 представлены данные характеристики с показателями, отражающими их значимость (медиана и индексный вес, значения которого располагаются в интервале от –1 (нехарактерно) до +1 (характерно)).

Выделение определенных моделей медиапотребления методом эмпирической типологизации предполагает выявление схожих характеристик обозначенного процесса за счет наличия их значимой корреляции друг с другом. Единичная модель выступает однородной группой, включающей ряд микропараметров, являя собой макропараметр.

Таблица 1

Характеристики медиапотребления и их значимость

Table 1

Characteristics of media consumption and their significance

№ п/п	Характеристики	Индексный вес*	Среднее значение**
1	Подписываетесь ли Вы на новые каналы?	-0,19	4,35
2	Отписываетесь ли Вы от старых каналов?	-0,17	4,27
3	Дочитываете ли Вы до конца, читаете ли без пропусков информационный пост, состоящий более чем из одного абзаца текста, серии изображений (видео)?	0,28	6,48
4	Перепроверяете ли Вы информацию из каналов, на которые подписаны?	-0,07	4,65
5	Перепроверяете ли Вы информацию из каналов, присланную от друзей, если сами на них не подписаны?	0,01	4,81
6	Делитесь ли Вы с друзьями информацией из каналов, на которые подписаны?	0,08	5,12
7	Комментируете ли Вы информационные посты в каналах?	-0,39	2,40
8	Добавляете ли Вы комментарий от себя при пересылке новости из канала друзьям?	0,09	4,58
9	Предлагаете ли Вы собственный контент в каналы?	-0,31	2,00
10	Отрываетесь ли Вы от обычных дел, откладываете ли дела для проверки обновлений в канале?	-0,35	2,99
11	Пролистываете ли Вы новости, не вчитываясь, только для того, чтобы исчезли уведомления о новых сообщениях?	0,04	4,99
12	Ощущаете ли Вы, что солидарны с оценкой событий в информационном посте канала, на который подписаны?	0,13	5,75
13	Переосмысливаете ли Вы свою позицию на события, после того как прочитаете аналитику на них из канала, на который подписаны?	-0,06	4,83
14	Ощущаете ли Вы, что <i>Telegram</i> для Вас скорее источник информации, чем средство общения?	0,02	5,18
15	Ощущаете ли Вы полное недоверие к любой информации из канала, если он позиционирует себя как сторонник противоположной Вам точки зрения?	-0,21	4,33
16	Переосмысливаете ли Вы свое отношение к источнику информации, после того как друзья положительно о нем отозвались?	-0,21	4,38
17	Отправляете ли Вы жалобы на контент, который, на Ваш взгляд, не соответствует действительности или нарушает нормы морали и права?	-0,09	3,29
18	Ощущаете ли Вы себя на месте героя информационного сообщения, примеряете ли на себя ситуацию?	-0,23	3,60
19	Руководствуетесь ли Вы советами из каналов, на которые подписаны, в реальной жизни?	-0,13	4,31
20	Советуете ли друзьям подписаться на какие-либо каналы из Вашей подборки?	-0,12	4,03
21	Получаете ли Вы советы от друзей подписаться на какие-либо каналы?	-0,16	4,15

Примечание. * – расчет показателя произведен без учета категории респондентов, для которых характеристика не является актуальной (за исключением ответа «Никогда»), что отражает ее релевантную «значимость»; ** – расчет описательной статистики включает в себя вариант ответа «Никогда».

Начнем с факторного анализа, позволяющего сепарировать имеющиеся у нас переменные-характеристики на группы, внутри которых будет наблюдаться их весомая корреляция между собой, при этом может отсутствовать или быть статистически слабой корреляция с переменными, образующими иную группу [17, р. 466–491]. Каждая группа выступит определенной моделью медиапотребления, образованной из ранее выделенных равнозначных характеристик. Удачно реализованный факторный анализ позволит как сформировать однородные группы переменных-характеристик, так и адекватно их проинтерпретировать, что представляет наибольшую важность и значимость. Противоречивость характеристик внутри выделенных групп будет свидетельствовать как о некорректном составлении их общего перечня, так и о неадекватности данной статистической методики поставленной цели исследования [18, р. 849–885]. Кроме того, на необходимость пересмотра решения использовать данный вид анализа может указывать и ситуация, при которой одна и та же переменная будет в достаточной мере коррелировать сразу с двумя и даже более факторами. В данном случае, помимо отказа от статистической методики в целом, можно выполнить пересчет модели уже без спорной характеристики или совершить данное включение, основываясь на максимальном значении коэффициента корреляции, просмотрев все его значения. Данные методы в достаточной мере легитимны и способны сохранить перспективу сегментирования.

Рассмотрим особенности кластерного анализа. Данная статистическая методика схожа с факторным анализом тем, что результатом ее реализации также является выделение групп переменных-признаков, именуемых кластерами, которые включают в себя схожие характеристики. Ее отличает то, что классификация происходит не с опорой на коэффициенты корреляции, а с ориентацией на более сложные статистические процедуры, например на оценку расстояний между переменными в образуемых кластерах. Это позволяет использовать методику также для кластеризации определенных групп респондентов, если изначально целевые группы явно и однозначно не выделяются. В результате кластерного анализа формируются как кластеры из взаимозависимых переменных-признаков, так и сегменты из респондентов, характеристики которых взаимозависимы.

Учитывая то, что факторный и кластерный анализ предназначены для решения достаточно схожих задач, используем обе статистические методики и сравним полученные результаты. Перед нами стоит задача сгруппировать характеристики медиапотребления в макромоделю. За счет сокращения числа характеристик это позволит оптимизировать структуру имеющихся данных, т. е. представить мо-

дели поведения белорусских пользователей медиапространства. При этом есть возможность определить того, кому в большей степени присуща каждая модель, исходя из параметров пола и возраста, фиксируемых в исследовании.

Прежде всего выясним, насколько обоснованным является применение обозначенной методики к имеющимся данным, подтвердим справедливость использования факторного анализа в соответствии с поставленной задачей при помощи описательных статистик [19, р. 41–62]. В нашем случае мера адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина (КМО) равна 0,89. Значение данной меры имеет вариацию от 0 до 1. Результат теста, близкий к 1, говорит о том, что сформированная факторная модель практически идеальна для описания имеющейся структуры данных. Чтобы выполнить проверку гипотезы об отсутствии корреляции переменных факторного анализа друг с другом, воспользуемся критерием сферичности Бартлетта. В нашем случае значимость менее 0,000 1, что свидетельствует о наличии корреляций, причем пригодность использования факторного анализа может быть обоснована уже на значимости 0,05.

Далее следует выбрать метод формирования факторов. Подходящим является тот метод, который дает возможность однозначно распределить как можно больше характеристик по числу выделенных групп. Выбранный нами метод главных компонент позволяет выполнить распределение 19 переменных из 21 (14,29 %). Выпадение из него более 15 % от общего числа переменных считается неприемлемым для использования данной статистической методики. Немаловажным является количество образуемых факторов. Важность данного показателя заключается в том, что значение здесь может быть использовано как программное, равное 1, так и установленное самостоятельно. Установка самостоятельного значения позволяет снизить число выделяемых факторов, приблизив их к значению, которое будет поддаваться логической интерпретации. В случае необходимости такой процедуры мы возвращаемся к повышению доли субъективизма, но в случае экстремально большого количества выделенных факторов это единственный способ сохранить возможность использования обозначенной методики. Стоит отметить опасность увеличения числа неоднозначно классифицированных характеристик при индивидуализированной пользовательской установке значения числа факторов. Однако и этот нюанс можно решить путем отказа от факторов, содержащих в себе характеристики с недостаточно значимыми коэффициентами корреляции. Мы первоначально использовали значение параметра, равное 0,55.

Следующим шагом является определение способа ротации матричных коэффициентов [20]. Наилучшим способом ротации будет являться тот, который

максимально идеализирует факторную модель, однозначно классифицирует большее количество характеристик. В нашем случае применяется метод *varimax* (метод ортогонального вращения). Значения новых переменных, в свою очередь, рассчитываются регрессионно. Для полного видения картины распределения характеристик по факторам мы сознательно не удаляем из модели характеристики с невысоким значением параметра (в нашем случае 0,42; 0,46 и 0,47), так как каждая из них имеет для нас важность, однако при интерпретации учитываем его значение как ранговый вес. Уровни экстракции также можно самостоятельно варьировать в целях повышения однозначности отнесения характеристик или снижения их числа за счет отсека менее значимых.

Обратимся к повернутой матрице компонентов как к ключевой таблице произведенного анализа, где 19 характеристик из 21 были успешно классифицированы в релевантное количество факторов (в нашем случае 5). Таким образом, мы имеем пять моделей медиапотребления, что является адекватным для нас результатом. Неклассифицированными характеристиками можно было бы пренебречь, т. е. просто отсечь их от сформированной модели, но оптимально отнести их к сформированным факторам на основании коэффициентов корреляции даже слабой силы (табл. 2). При интерпретации необходимо учитывать, что однозначность их отнесения ниже. Это должно быть отражено в интерпретации выделенной модели.

Таблица 2

Повернутая матрица компонентов

Table 2

Rotated component matrix

Номер характеристики	Компоненты				
	1	2	3	4	5
1	0,56	-	-	-	-
2	-	-	-	-	0,67
3	-	-	-	0,47	-
4	-	-	-	0,84	-
5	-	-	-	0,84	-
6	0,72	-	-	-	-
7	-	0,70	-	-	-
8	0,63	-	-	-	-
9	-	0,75	-	-	-
10	-	0,46	-	-	-
11	-	-	-	-	0,78
12	-	-	0,55	-	-
13	-	-	0,55	-	-
14	-	-	0,68	-	-
15	-	-	0,65	-	-
16	-	-	0,58	-	-
17	-	0,64	-	-	-
18	-	0,42	-	-	-
19	0,57	-	-	-	-
20	0,71	-	-	-	-
21	0,61	-	-	-	-

Завершающим этапом факторного анализа выступает интерпретация сформированных факторов, которая базируется сугубо на теоретической подготовке и практическом опыте исследователя. Относительно легкая для ученого интерпретация полученных факторов говорит об удачной реали-

зации статистической процедуры. При этом стоит понимать, что коэффициенты корреляции могут быть достаточно близкими, что может потребовать перегруппировки факторов в случае разницы коэффициента корреляции приблизительно до 0,05 (логическая релевантность переноса такого признака

в другой фактор вполне обоснованна). Злоупотребление подобным решением противоречия, как и простым исключением, объединением одного признака с другими, не рекомендуется, так как может привести к полному нивелированию эффекта анализа.

Рассмотрим пять моделей медиапотребления. Мы проводим интерпретацию, руководствуясь порядком убывающей значимости коэффициента корреляции характеристик, выделенных в модель факторным анализом.

Модель медиапотребления № 1 «трансляторы». Данная модель характеризуется активной трансляцией потребляемого контента на свое ближнее окружение как в плоскости отдельных информационных событий, так и в целом источников информации, что приводит к формированию их медиамению. Такая трансляция имеет усиленное воздействие, так как сопровождается подкреплением контента собственной оценкой. Обозначенный процесс происходит двунаправленно, ближнее окружение социального субъекта использует аналогичную стратегию медиапотребления в плоскости трансляции. Повседневность такого индивида включает в себя как реализацию на практике установок, сформированных в результате взаимодействия с информационным источником, так и расширение их числа.

Модель медиапотребления № 2 «творцы». Ее особенностью выступает то, что социальный субъект является скорее создателем контента, чем его распространителем. Активность индивида направлена на значительно более широкую аудиторию, чем ближнее окружение. Он не только предлагает инфоповоды, но и активно комментирует их публично, причем примеряет на себя идентичность «санитара сети», направляя жалобы на контент, который в его понимании не соответствует действительности или нарушает нормы морали и права. В повседневной жизни такой социальный субъект довольно часто отрывается от обычных дел и погружается в виртуальные перипетии, причем пропускает каждый инфоповод через себя.

Модель медиапотребления № 3 «ведомые». Данная модель может быть охарактеризована как зависимая. Социальные субъекты, которым свойственны характеристики этой модели, достаточно плотно погружены в виртуальную реальность, причем по сравнению с первой и второй моделями это интровертная погруженность. Для индивида интернет выступает во многом источником информации, а не средством общения. Вместе с тем имеется обостренное недоверие, невосприятость инакомыслия, что уже представляет собой опасный маячок, который усиливается повышенной внушаемостью. Такой социальный субъект верит всему, что транслируется в легитимизированном для него источнике, может легко отказаться от убеждений, которые были сформированы ранее под влиянием друга. Учитывая интровертность данного

социального субъекта, авторитет такого друга в условиях отсутствия множества социальных контактов может быть единственным и непоколебимым.

Модель медиапотребления № 4 «скептики». Данная модель являет собой индивидов, постоянно сомневающих в достоверности получаемой информации. Такие социальные субъекты скептически относятся ко всему, что видят на просторах интернета. Критичность индивида в современных условиях «всеядности» значительной массы пользователей новых медиа можно отметить как несомненное преимущество. Скепсис в отношении контента распространяется как на увиденное самостоятельно, так и на то, что было передано ближним окружением. Это указывает на значительный индивидуализм. Такая критичность не является простым отрицанием. Представители четвертой модели медиапотребления читают информационные сообщения полностью, т. е. проявляют вдумчивую критичность.

Модель медиапотребления № 5 «зеваки». Данная модель описывает скучающих «серферов сети» или сторонников демонстративного медиапотребления. Такие социальные субъекты подписаны на Telegram-каналы, но сами толком не знают для чего (считают это модным), причем отписываться особо не хотят (на случай, если это не вышло из моды, или просто нет желания этим заниматься). Количество подписок им не мешает, так как большинство уведомлений они просто пролистывают для того, чтобы те исчезли.

Воспринимая указанные модели медиапотребления как универсальные, важно обозначить ряд моментов, которые позволят использовать их объяснительную способность на конкретном кейсе. В нашем случае им выступает медиапотребление новых медиа в Беларуси. Для каждой характеристики модели поведения может быть рассчитана описательная статистика, что делает возможным построить их иерархию, оценить выраженность и сформировать целостное представление как о конкретной модели, так и о их совокупности. Кроме того, возможно определить меру выраженности конкретной модели поведения для той или иной выборки. Расчет коэффициента выраженности следует предложить как среднее арифметическое средних значений характеристик, выделенных в пределах одной модели (т. е. частное, где первым делителем выступает сумма из слагаемых средних значений характеристик, а вторым делителем – число характеристик). Медиана, как центральная тенденция совокупности данных, имеющих в своем составе крайние значения, видится не самой целесообразной для использования ввиду того, что крайние значения могут значительно сместить среднее, отбросить его в то место, которое вряд ли можно рассматривать как центральную область. При этом модальное значение описывает выраженность характеристики излишне грубо. Уточнение значимости каждой

характеристики можно произвести с помощью индексных весов. Не углубляясь в детальный анализ моделей медиапотребления населения Беларуси, обозначим, что мера выраженности для первой модели составляет 4,4, для второй – 2,9, для третьей – 4,9, для четвертой – 5,3, для пятой – 4,6.

Справедливость выделения именно пяти факторных групп подтверждается на графике собственных значений (см. рисунок) по критерию каменистой осыпи. График наглядно отражает, что убывание собственных значений максимально замедляется от четвертого компонента к пятому, что дает возможность высказать предположение, что справа от пятого компонента будет находиться уже факториальная осыпь. Как подтверждает исследовательская практика, чаще всего в таких случаях останавливаются на том значении интервала, которое находится правее. Кроме того, результат кластеризации выделенных факторов указывает на то, что обозначенные группы могут быть укрупнены до двух. В первую из них предлагается включение моделей № 1–4 медиапотребления, характеризующихся реальной включенностью в информационную повестку, тогда как модель № 5 относится в отдельный кластер.

Сохранение факторных рейтингов позволяет выполнить процедуру сегментирования выборки [20]. Мы произвели анализ факторных рейтингов в соотношении с полом и возрастом респондентов выборочной совокупности для определения того, кому в наибольшей степени свойственна каждая из образованных моделей медиапотребления. Для этого

мы выполнили ранжирование и разделение факторных рейтингов на квартили (один интервал – 25 %). В результате получена порядковая шкала, состоящая из 4 уровней, определяющих, насколько данная модель свойственна определенному полу, а также возрастной группе, где 1 соответствует варианту ответа «Не свойственна», 2 – «Скорее не свойственна», 3 – «Скорее свойственна», 4 – «Свойственна». Также выполнена процедура повышения жесткости шкалы с четырех до двух позиций (табл. 3 и 4).

Представленные в табл. 3 и 4 результаты отражают, что половозрастные критерии не выступают жесткими предикторами той или иной модели медиапотребления. Это во многом объясняется тем, что медиаменю становится все более гендерно-нейтральным, а возрастные границы активной медиааудитории не так широки, чтобы позволить выстраивать градации. Таким образом, снова подтверждается гипотеза о том, что конфликта «детей и родителей» нет. Определение факторов, которые подталкивают к реализации той или иной модели поведения, представляет собой проблематику самостоятельного исследования. Однако повышение жесткости шкалы позволяет высказать некоторые предположения. Первая модель медиапотребления свойственна скорее мужчинам младшей возрастной группы, тогда как вторая – женщинам той же младшей группы. Третья и четвертая модели медиапотребления характерны скорее для женщин старшей возрастной группы. Пятая модель свойственна мужчинам младшей возрастной группы.

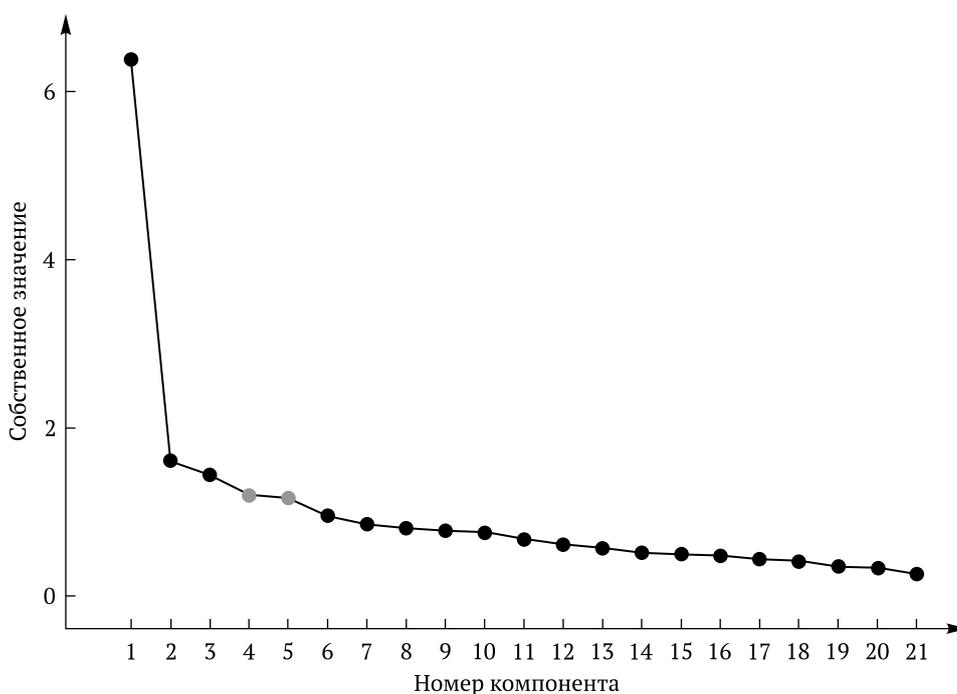

График собственных значений
Own value graph

Таблица 3

**Факторная нагрузка моделей медиапотребления
по половой принадлежности с дополнительными параметрами, %**

Table 3

Factor load of media consumption models by gender with additional parameters, %

Вариант ответа	Модель № 1		Модель № 2		Модель № 3		Модель № 4		Модель № 5	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Не свойственна	24,90	24,90	25,80	24,10	25,60	24,30	28,50	21,60	22,90	26,80
Скорее не свойственна	21,60	28,30	25,20	24,90	25,80	24,30	25,80	24,30	23,10	26,80
<i>Всего</i>	<i>46,50</i>	<i>53,20</i>	<i>51,00</i>	<i>49,00</i>	<i>51,40</i>	<i>48,60</i>	<i>54,30</i>	<i>45,90</i>	<i>46,00</i>	<i>53,60</i>
Скорее свойственна	25,20	24,90	24,50	25,60	24,50	25,60	22,90	27,00	27,20	23,10
Свойственна	28,30	21,80	24,50	25,40	24,00	25,80	22,70	27,00	26,70	23,30
<i>Всего</i>	<i>53,50</i>	<i>46,70</i>	<i>49,00</i>	<i>51,00</i>	<i>48,50</i>	<i>51,40</i>	<i>45,60</i>	<i>54,00</i>	<i>53,90</i>	<i>46,40</i>

Примечание. Цифра 1 – мужчины, цифра 2 – женщины.

Таблица 4

**Факторная нагрузка моделей медиапотребления
по возрасту с дополнительными параметрами, %**

Table 4

Factor load of media consumption models by age with additional parameters, %

Вариант ответа	Модель № 1		Модель № 2		Модель № 3		Модель № 4		Модель № 5	
	17–29 лет	30–49 лет								
Не свойственна	17,20	34,40	21,30	29,40	26,20	23,40	21,90	28,60	18,70	32,50
Скорее не свойственна	21,50	29,40	24,50	25,80	28,60	20,80	29,80	19,30	23,90	26,50
<i>Всего</i>	<i>38,70</i>	<i>63,80</i>	<i>45,80</i>	<i>55,20</i>	<i>54,80</i>	<i>44,20</i>	<i>51,70</i>	<i>47,90</i>	<i>42,60</i>	<i>59,00</i>
Скорее свойственна	29,20	20,00	25,80	24,10	26,00	23,90	24,30	26,00	23,50	27,00
Свойственна	32,10	16,20	28,40	20,80	19,10	32,00	24,10	26,00	33,90	14,10
<i>Всего</i>	<i>61,30</i>	<i>36,20</i>	<i>54,20</i>	<i>44,90</i>	<i>45,10</i>	<i>55,90</i>	<i>48,40</i>	<i>52,00</i>	<i>57,40</i>	<i>41,10</i>

Далее обратимся к кластерному анализу с запросом, аналогичным факторному анализу, и сопоставим полученные результаты [21]. Для этого мы можем использовать как иерархический кластерный анализ (характеризуется программным определением необходимых параметров), так и кластерный анализ методом *k*-средних (определение большинства ключевых параметров). Исходя из объективной сложности реализации второго типа кластерного анализа, чаще всего свое применение находит первый. Однако стоит обратить внимание на адекватность используемых в нем переменных, так как даже одна нерелевантная характеристика может нивелировать эффект всей статистической процедуры.

Проведем иерархический кластерный анализ нашего массива данных. Первый этап анализа заключается в определении релевантного количества кластеров. В чистом виде программное определение получить невозможно, однако предлагаемые пакетом программ *SPSS* выкладки, которые мы

имеем в результате реализации первого этапа, позволяют использовать их как подсказку. Данные таблицы с результатами формирования кластеров (имеется в виду порядок агрегации кластеров) дают представление о том, каким должно быть их оптимальное число. В исследовательской практике это производится по анализу скачков агрегации (до скачка происходила интеграция находящихся на близком расстоянии друг от друга случаев, тогда как после него – на более далеком). В нашей ситуации рост происходит от 784 до 2957. Скачок наблюдается на шаге 19, что говорит о том, что релевантным видится выделение двух кластеров. Данное количество следует проверить уже с помощью распределения, чтобы продемонстрировать наполняемость кластеров статистически значимым количеством характеристик. В противном случае переход на завершающий этап процедуры кластерного анализа, которым выступает интерпретация результатов, невозможен. Стоит отметить, что исследователь вправе

определить количество кластеров исходя из своего практического опыта и видения, т. е. внести субъективизм. При этом значимым может быть и считает-

ся кластер, состоящий даже из одной переменной. Представим результаты кластерного анализа для 2–5 кластеров в табл. 5.

Таблица 5

Распределение характеристик в кластеры (наборы с 2–5 кластерами)

Table 5

Distribution of characteristics into clusters (sets with 2–5 clusters)

Номер характеристики	Соответствующий кластер			
	2 кластера	3 кластера	4 кластера	5 кластеров
1	1	1	1	1
2	1	1	1	1
3	1	1	1	1
4	1	1	1	1
5	1	1	1	1
6	1	1	1	1
7	2	2	2	2
8	1	1	1	3
9	2	2	2	2
10	2	2	2	2
11	1	3	3	4
12	1	1	1	1
13	1	1	1	1
14	1	1	1	1
15	1	1	1	1
16	1	1	1	1
17	2	2	4	5
18	2	2	4	5
19	1	1	1	1
20	1	1	1	1
21	1	1	1	1

Результаты двух методов статистического анализа, полученные на аналогичном материале, имеют разительные отличия. С учетом особенностей метода кластерный анализ не позволяет сохранить параметр групповых рейтингов, который был использован нами для оценки свойственности той или иной модели медиапотребления респондентам разных возрастных групп и половой принадлежности, что уже является ощутимым недостатком. Кроме того, в кластер объединены взаимоисключающие характеристики, тогда как имеются кластеры, включающие в себя всего 1 или 2 из 21 характеристики. Все это затрудняет и даже делает невозможной ин-

терпретацию полученных значений. Существует стратегия перестройки модели с введением максимального и минимального числа кластеров, но даже этот способ, с установлением числа кластеров от 2 до 5, не позволил достичь адекватного результата. Простота реализации кластерного анализа часто выглядит крайне привлекательной для использования в целях классификации характеристик, однако практика отражает, что его результаты адекватны скорее для непосредственного сегментирования респондентов, которое можно совершить по заранее выделенным факторам, т. е. предварить кластерный анализ факторным.

Заклучение

Новые интернет-медиа стали важным атрибутом повседневности, причем их роль и значимость характеризуются устойчивым ростом. Принимая во внимание то, что новый тип медиа становится приоритетным источником информации, обоснованный научный интерес вызывает исследование моделей медиапотребления. Выделение групп социальных субъектов по ряду характеристик всегда основывалось на исследовательской субъективности, преодоление которой выступает важной целью научной практики. В этом направлении стоит рассмотреть возможности эмпирической типологизации, где наиболее широкое проявление нашли факторный и кластерный анализ данных.

Несмотря на то что и факторный, и кластерный анализ способны выступать статистическими методами классификации переменных, можно сделать вывод о нецелесообразности использования последнего. Для интеграционного сокращения числа переменных высока релевантность факторного анализа,

тогда как кластерный анализ адекватнее использовать для классификации непосредственно респондентов на ряд целевых групп. Вместе с тем предвзято выделение данных целевых групп в случае весомого количества характеристик можно путем их факторного анализа, который позволит эффективно свести их до существенных перед кластеризацией.

Эмпирическая типологизация, выполненная с применением факторного анализа, позволила не только эффективно спроектировать универсальную типологию моделей медиапотребления (включает в себя пять моделей: «трансляторы», «творцы», «ведомые», «скептики», «зеваки»), но и оценить свойственность каждой из них определенным половозрастным группам на основе сегментирования выборки с использованием факторных рейтингов. Вместе с тем предложенные автором коэффициенты, построенные на основе ряда описательных статистик и индексов, позволяют в дальнейшем осуществить более детальное описание медиапрактик.

Библиографические ссылки

1. Albig W. *Public opinion and propaganda*. Sturgis: Sturgis Press; 2007. 496 p.
2. Lim J. Cross-lagged analysis of agenda setting among online news media. *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2006;83(2):298–312. DOI: 10.1177/107769900608300205.
3. Луман Н. *Реальность массмедиа*. Антоновский АЮ, переводчик. Москва: Праксис; 2005. 256 с. (Образ общества).
4. Маклюэн М. *Понимание медиа: внешние расширения человека*. Николаев В, переводчик. 3-е издание. Москва: Кучково поле; 2011. 464 с.
5. McQuail D. *Mass communication theory: an introduction*. London: Sage; 1994. 564 p.
6. Липпман У. *Общественное мнение*. Барчунова ТВ, переводчик; Левинсон КА, Петренко КВ, редакторы. Москва: Институт фонда «Общественное мнение»; 2004. 384 с.
7. Zaller J. The myth about massive effect of media revived? New support of discredited idea. In: Mutz DC, Sniderman PM, Brody RA, editors. *Political persuasion and attitudes change*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1996. p. 17–78.
8. Бодрийяр Ж. *К критике политической экономии знака*. Кролечкин Д, переводчик. Москва: Библион – Русская книга; 2003. 272 с.
9. McCombs ME. *Setting the agenda. The mass media and public opinion*. Cambridge: Polity; 2014. p. 1–21.
10. McCombs ME, Shaw DL. The agenda-setting function of mass media. *Public opinion quarterly*. 1972;36(2):176–187.
11. Бурдье П. *О телевидении и журналистике*. Анисимова Т, Маркова Ю, переводчики; Шматко Н, редактор. Москва: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; 2002. 160 с. Совместно с Институтом экспериментальной социологии.
12. Long NE. The local community as an ecology of games. *American Journal of Sociology*. 1958;64(3):251–261. DOI: 10.1086/222468.
13. Стинс О, Ван Фухт Д. Новые медиа. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика*. 2008;7:98–106.
14. McCombs ME, Shaw DL, Weaver DH. New directions in agenda-setting theory and research. *Mass Communication and Society*. 2014;17(6):781–802. DOI: 10.1080/15205436.2014.964871.
15. Ядов ВА. *Социологическое исследование: методология, программа, методы*. Самара: Самарский университет; 1995. 328 с.
16. Bartholomew DJ, Steele F. The Analysis and Interpretation of Multivariate Data for Social Scientists [Internet; cited 20 July 2021]. Available from: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Analysis-and-Interpretation-of-Multivariate-for-Bartholomew-Moustaki/e5cfb20df1a1abb9b425fb85a4529855017714db>.
17. Costello AB, Osborne J. Best practices in exploratory factor analysis: four recommendations for getting the most from your analysis. *Practical Assessment, Research, and Evaluation*. 2005;10:7. DOI: 10.7275/yj1-4868.
18. Flora DB, Curran PJ. An empirical evaluation of alternative methods of estimation for confirmatory factor analysis with ordinal data. *Psychological Methods*. 2004;9(4):466–491. DOI: 10.1037/1082-989X.9.4.466.
19. Abdi H. RV coefficient and congruence coefficient. In: Salkind NJ, editor. *Encyclopedia of Measurement and Statistics*. Thousand Oaks: Sage Publications; 2007. p. 849–885.
20. Vermunt JK, Magidson J. Factor analysis with categorical indicators: a comparison between traditional and latent class approaches. In: van der Ark LA, Croon MA, Sijtsma K. *New developments in categorical data analysis for the social and behavioral sciences*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates Publishers; 2005. p. 41–62 (Quantitative methodology series).
21. Haddad S, Kordon F, Pautet L, Petrucci L. *Models and analysis in distributed systems*. London: Wiley-ISTE; 2011. 368 p.

References

1. Albig W. *Public opinion and propaganda*. Sturgis: Sturgis Press; 2007. 496 p.
2. Lim J. Cross-lagged analysis of agenda setting among online news media. *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2006;83(2):298–312. DOI: 10.1177/107769900608300205.
3. Luhmann N. *Die Realität der Massenmedien*. Wiesbaden: GWV Fachverlage GmbH; 2004. 220 S.
Russian edition: Luhmann N. *Real'nost' massmedia*. Antonovskii AYu, translator. Moscow: Praxis; 2005. 256 p. (Obraz obshchestva).
4. McLuhan M. *Understanding media: the extensions of man*. New York: McGraw-Hill; 1964. 359 p.
Russian edition: McLuhan M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka*. Nikolaev V, translator. 3rd edition. Moscow: Kuchkovo pole; 2011. 464 p.
5. McQuail D. *Mass communication theory: an introduction*. London: Sage; 1994. 564 p.
6. Lippmann W. *Public opinion*. New York: Free Press; 1997. 272 p.
Russian edition: Lippmann W. *Obshchestvennoe mnenie*. Barchunova TV, translator; Levinson KA, Petrenko KV, editors. Moscow: Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie»; 2004. 384 p.
7. Zaller J. The myth about massive effect of media revived? New support of discredited idea. In: Mutz DC, Sniderman PM, Brody RA, editors. *Political persuasion and attitudes change*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1996. p. 17–78.
8. Baudrillard J. *Pour une critique de l'économie politique du signe*. Paris: Gallimard; 1972. 280 p.
Russian edition: Baudrillard J. *K kritike politicheskoi ekonomii znaka*. Krolechkin D, translator. Moscow: Biblion – Russkaya kniga; 2003. 272 p.
9. McCombs ME. *Setting the agenda. The mass media and public opinion*. Cambridge: Polity; 2014. p. 1–21.
10. McCombs ME, Shaw DL. The agenda-setting function of mass media. *Public opinion quarterly*. 1972;36(2):176–187.
11. Bourdieu P. *Sur la television: Suivi de L'emprise du journalism*. Paris: Liber-Raisons d'agir; 1996. 95 p.
Russian edition: Bourdieu P. *O televidenii i zhurnalistike*. Anisimova T, Markova Yu, translators; Shmatko N, editor. Moscow: Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury»; 2002. 160 p. Co-published by the Institut eksperimental'noi sotsiologii.
12. Long NE. The local community as an ecology of games. *American Journal of Sociology*. 1958;64(3):251–261. DOI: 10.1086/222468.
13. Stins O, Van Fukht D. New media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2008;7:98–106. Russian.
14. McCombs ME, Shaw DL, Weaver DH. New directions in agenda-setting theory and research. *Mass Communication and Society*. 2014;17(6):781–802. DOI: 10.1080/15205436.2014.964871.
15. Yadov VA. *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody* [Sociological research: methodology, program, methods]. Samara: Samara University; 1995. 328 p. Russian.
16. Bartholomew DJ, Steele F. The Analysis and Interpretation of Multivariate Data for Social Scientists [Internet; cited 20 July 2021]. Available from: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Analysis-and-Interpretation-of-Multivariate-for-Bartholomew-Moustaki/e5cfb20df1a1abb9b425fb85a4529855017714db>.
17. Costello AB, Osborne J. Best practices in exploratory factor analysis: four recommendations for getting the most from your analysis. *Practical Assessment, Research, and Evaluation*. 2005;10:7. DOI: 10.7275/jyj1-4868.
18. Flora DB, Curran PJ. An empirical evaluation of alternative methods of estimation for confirmatory factor analysis with ordinal data. *Psychological Methods*. 2004;9(4):466–491. DOI: 10.1037/1082-989X.9.4.466.
19. Abdi H. RV coefficient and congruence coefficient. In: Salkind NJ, editor. *Encyclopedia of Measurement and Statistics*. Thousand Oaks: Sage Publications; 2007. p. 849–885.
20. Vermunt JK, Magidson J. Factor analysis with categorical indicators: a comparison between traditional and latent class approaches. In: van der Ark LA, Croon MA, Sijtsma K. *New developments in categorical data analysis for the social and behavioral sciences*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates Publishers; 2005. p. 41–62 (Quantitative methodology series).
21. Haddad S, Kordon F, Pautet L, Petrucci L. *Models and analysis in distributed systems*. London: Wiley-ISTE; 2011. 368 p.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021.
Received by editorial board 08.11.2021.

УДК 159.9.072

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА ОПРОСНИКА АССЕРТИВНОСТИ

В. П. ШЕЙНОВ¹⁾, А. С. ДЕВИЦЫН²⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предпринята попытка сократить количество пунктов опросника А26 с помощью совершенствования его факторной структуры. Отмечается, что осуществленная ранее разработка надежного и валидного русскоязычного опросника ассертивности А26 позволила получить большой массив результатов, в том числе не только частично повторяющих зарубежные, но и показывающих существенные отличия ассертивности у русскоязычных участников исследований. Опросник А26 включает 26 вопросов, направленных на выяснение того, как человек ведет себя по отношению к окружающим, друзьям, близким людям и как реагирует на различные жизненные ситуации. Проведен корреляционный и факторный (эксплораторный и конфирматорный) анализ исходной версии опросника А26 и его версии А23, сокращенной до 23 пунктов. Представлены и проанализированы факторные модели опросников А26 и А23. Они содержат факторы «уверенность» и «решительность», включающие в себя все пункты А23, при этом в А26 есть три пункта, не вошедших ни в один из факторов. Модель А23 сильнее связана с двумя указанными факторами ассертивности, а также с наиболее надежными коррелятами ассертивности: стратегиями поведения в конфликте, удовлетворенностью жизнью (положительная связь) и стеснительностью (отрицательная связь). При этом А23 обладает лучшей по сравнению с А26 однородностью и дискриминативностью. Корреляция между А26 и А23 равна 0,988. Получена сокращенная до 23 пунктов версия опросника ассертивности (А23), обладающая лучшими свойствами и удовлетворяющая основным критериям надежности и валидности. Три диапазона значений опросника А23 диагностируют, соответственно, неуверенное, ассертивное и агрессивное поведение. Представлены полная (А26) и сокращенная (А23) версии опросника ассертивности.

Ключевые слова: ассертивность; опросники; надежность; валидность; факторная структура; уверенность; решительность.

FACTOR STRUCTURE OF ASSERTITY QUESTIONNAIRE

V. P. SHEINOV^a, A. S. DZIAVITSYN^b

^aNational Institute of Higher School, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. P. Sheinov (sheinov1@mail.ru)

The authors made an attempt to reduce the number of items on the A26 questionnaire by improving the factor structure of the assertiveness questionnaire. The previously carried out development of a reliable and valid Russian-language assertiveness questionnaire A26 made it possible to obtain a large number of results, including partially repeating foreign

Образец цитирования:

Шейнов ВП, Девицын АС. Факторная структура опросника ассертивности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;4:110–118.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-110-118>

For citation:

Sheinov VP, Dziavitsyn AS. Factor structure of assertivity questionnaire. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;4:110–118. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-110-118>

Авторы:

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры психологии и педагогического мастерства.
Антон Сергеевич Девицын – старший преподаватель кафедры веб-технологий и компьютерного моделирования механико-математического факультета.

Authors:

Viktor P. Sheinov, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of psychology and pedagogical excellence.
sheinov1@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>
Anton S. Dziavitsyn, senior lecturer at the department of web technologies and computer simulation, faculty of mechanics and mathematics.
devitsin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2804-4107>

ones, but also showing significant differences in the properties of assertion among Russian-speaking research participants. Questionnaire A26 includes 26 questions aimed at finding out how a person behaves in relation to others, to friends, close people and how he reacts to various life situations. Correlation and factor (exploratory and confirmatory) analyses of the original version of the A26 questionnaire and its version A23, reduced to 23 items, were carried out. The factorial models of the A26 and A23 questionnaires are presented and analysed. Both of them contain factor 1 «confidence» and factor 2 «determination», which include all items of A23, but in A26 there are two items that are not included in any of the factors. Model A23 is more strongly associated with the indicated factors of assertiveness, as well as with the most reliable correlates of assertiveness: strategies of behaviour in conflict, life satisfaction (positive connection) and shyness (negative connection). At the same time, A23 has better uniformity and discrimination than A26. The correlation between A26 and A23 is 0.988. We obtained a reduced to 23 items version (A23) of the assertiveness questionnaire with the best psychometric properties, which meets the main criteria of reliability and validity. The article contains the full (A26) and abbreviated (A23) versions of the assertiveness questionnaire.

Keywords: assertiveness; questionnaires; reliability; validity; factor structure; confidence; decisiveness.

Введение

Важным свидетельством актуальности того или иного направления в исследованиях являются мнения об их значимости, высказанные выдающимися учеными. В контексте проблематики данной статьи, посвященной методике измерения assertивности, приведем слова патриарха белорусской гуманитарной науки, академика НАН Беларуси Евгения Михайловича Бабосова (который для многих, в том числе и для автора статьи, является учителем): «Прослужив много лет в сфере гуманитарного знания, могу честно сказать, что меня беспокоит немало в данной сфере, но, пожалуй, главный предмет беспокойства состоит в том, что гуманитарные знания пока еще не достигли такой же ценности, точности, достоверности и признательности, как знания естественно-научные» [1, с. 19].

Акцентируем внимание на высказывании Е. М. Бабосова о недостаточной точности знаний. В эмпирических исследованиях социальной реальности ключевую роль играет точность информации, получаемой от исследуемых лиц. Точность же напрямую зависит от качества методики измерения.

Наиболее часто в целях получения информации используется метод опроса [2, с. 199], осуществляемый посредством опросных листов, анкет, вопросников (далее будем представлять все эти инструменты одним, более универсальным термином «опросники»).

Всякий опросник, «составленный в соответствии с научными требованиями, должен удовлетворять критериям достоверности, надежности и валидности» [2, с. 247]. Доказано, что принятый в данной работе за основу исследования опросник assertивности A26 достоверен, надежен и валиден [3].

Проведенный ранее анализ детерминантов assertивного поведения позволил установить, что основные принципиальные положения понятий «assertивность» и «assertивное поведение» представлены в следующем определении: «...assertивность – это способность человека уверенно и с достоинством отстаивать свои права, не попирая при

этом прав других. Assertивным называется прямое, открытое поведение, не имеющее целью причинить вред другим людям» [4, с. 35]. Assertивное поведение – наиболее конструктивный способ межличностного взаимодействия, выступающий альтернативой деструктивным способам, манипуляции и агрессии.

Одним из предметов исследования в социальных науках выступает изучение поведения людей [2, с. 260–263]. На поведение индивида и возникающие последствия этого поведения в значительной степени влияет то, обладает он assertивностью или нет. Именно поэтому изучение вопросов, связанных с assertивностью, весьма актуально.

Еще одним существенным требованием к опросникам является то, что «количество вопросов следует ограничивать необходимым минимумом» [2, с. 247].

В последнее время в зарубежных [5] и отечественных [6; 7] исследованиях наметилась тенденция к сокращению количества вопросов в используемых опросниках. Это связано с тем, что сбор исходных данных с помощью больших опросников приводит к трудностям: испытуемые отказываются тестироваться или, устав от вопросов, начинают отвечать на них небрежно (что еще хуже, поскольку получаемые при этом «результаты» не отражают действительного положения вещей и ставят исследователей в сложное положение). Поэтому при использовании больших опросников приходится снижать их общее количество в исследовании, что ограничивает возможности получения новых результатов.

В то же время при грамотном сокращении количества вопросов в опросниках исследователям нередко удается добиться того, что более короткие (сокращенные) варианты дают такие же результаты, как и их более полные прообразы, при этом свойства опросников даже улучшаются [5–7].

Таким образом, цель данного исследования – уменьшить количество вопросов в опроснике assertивности A26, улучшив при этом его качественные характеристики.

Материалы и методы исследования

Методики. За основу исследования принят опросник ассертивности А26, надежность и валидность которого доказаны [3]. Опросник включает 26 вопросов, направленных на выяснение того, как человек ведет себя по отношению к окружающим, друзьям, близким людям и как реагирует на различные жизненные ситуации.

Для описания типов поведения людей в конфликтах и их количественной оценки использован тест Томаса (адаптирован Н. В. Гришиной) [8, с. 381–388], определяющий стратегии поведения субъекта в конфликте. Тест реализует двумерную модель урегулирования конфликтов, выявляющую соотношение учета человеком интересов других людей, вовлеченных в ситуацию, и акцента на собственных интересах. В модели выделяются пять способов урегулирования конфликтов:

- 1) соперничество (конкуренция) – стремление добиться своих интересов в ущерб другому;
- 2) приспособление – принесение в жертву собственных интересов ради другого;
- 3) компромисс – соглашение на основе взаимных уступок, предложение варианта, снимающего возникшее противоречие;

4) избегание – отсутствие стремлений и к учету человеком интересов других участников конфликта, и к достижению собственных целей;

5) сотрудничество – участник ситуации стремится удовлетворить интересы обеих сторон.

Нами использована «шкала удовлетворенности жизнью», адаптированная на русский язык и валидизированная Е. Н. Осиным и Д. А. Леонтьевым [9]. Оценка стеснительности осуществлена посредством методики «шкала: робость, стеснительность» [10, с. 358].

Участники исследования. В исследовании приняли участие 812 пользователей социальных сетей из Беларуси, России, Украины, в онлайн-формате анонимно ответивших на предложенные авторами вопросы тестов, в том числе 498 девушек и женщин 16–76 лет ($M = 37,21$; $SD = 9,5$) и 304 парня и мужчины 16–67 лет ($M = 30,9$; $SD = 9,8$).

Статистический анализ. Данная процедура осуществлялась с помощью пакета SPSS-22, платформы R, инструментов на базе этой платформы (*jamovi*) и специализированных статистических модулей. Принят уровень значимости $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Корреляционный анализ. Для выбора используемых в данном исследовании методов корреляционного анализа – параметрических или непараметрических – все выборки были проверены критерием Колмогорова – Смирнова на их соответствие нормальному распределению. Оказалось, что при принятом уровне значимости ($p = 0,05$) эмпирическое распределение ряда рассматриваемых переменных существенно отличается от нормального.

Поскольку одна часть изучаемых переменных распределена нормально, а другая – нет, поэтому корреляции вычислялись по непараметрическому критерию Кендалла (который охватывает к тому же и возможные нелинейные зависимости) и коэффициенту корреляции Пирсона, при этом в каждом конкретном случае выбиралась соответствующая корреляция.

Проверка опросника А26 на дискриминативность его пунктов (связь каждого пункта опросника с его общим баллом) показала, что у пунктов № 23 и 25 (см. приложение) эта связь очень низкая (корреляции 0,124 и 0,086 соответственно) и что при их удалении однородность опросника несколько улучшается: возрастает альфа Кронбаха (с 0,737 до 0,738).

В соответствии с рекомендацией специалистов по психодиагностике (согласно которой требуется минимальная корреляция 0,2 [11, с. 174]) удаляем пункты № 23 и 25. При этом однородность опросника А24, получившегося после удаления пунктов

№ 23 и 25, выше, чем у А26: альфа Кронбаха увеличилась до 0,741.

Последовавшая затем проверка опросника А24 на дискриминативность показала, что у пункта № 22 эта связь также низкая: корреляция равна 0,152.

Удаление переменной № 22 привело к тому, что однородность опросника А23, получившегося после удаления данного пункта, стала еще выше: альфа Кронбаха А23 равна 0,744. При удалении из А23 любого пункта альфа Кронбаха уменьшается, что свидетельствует о нежелательности дальнейшего сокращения опросника ассертивности.

При этом дискриминативность пунктов опросника А23 очень высокая: у пункта № 21 она больше 0,5 и только у двух переменных корреляции меньше 0,5 (0,342 и 0,389).

Факторный анализ. При факторном анализе опросников А26, А24 и А23 выделено наличие двух факторов у всех из них: фактора 1 «уверенность» и фактора 2 «решительность». Они включают все переменные А24 и А23, но из А26 в них не вошли переменные № 22, 23 и 25. Мы условно объединили их в фактор 3, назвав его «ответственность».

В табл. 1 продемонстрировано, что у фактора 3 «ответственность» значительно меньшая связь с ассертивностью по сравнению с первыми двумя факторами, а также что модель ассертивности А23 сильнее других связана с главными факторами ассертивности – фактором 1 «уверенность» и фактором 2 «решительность». Это первое обстоятельство в пользу модели А23.

Таблица 1
Корреляции A26, A24 и A23 с их факторами

Table 1
Correlations of A26, A24 and A23 with their factors

Модели ассертивности	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
A26	0,920**	0,878**	0,372**
A24	0,898**	0,907**	–
A23	0,903**	0,908**	–

Примечание. ** – корреляции статистически значимы при $p = 0,01$.

Наиболее надежные маркеры ассертивности и ее конструктивной валидности – связь ассертивности со стратегиями поведения в конфликте (положительная связь с соперничеством, отрицательная связь

с приспособлением и отсутствие связи с остальными стратегиями), положительная связь с удовлетворенностью жизнью [11, с. 47], а также сильная отрицательная связь со стеснительностью [3].

Таблица 2

Корреляции A26 и A23 и их факторов с маркерами ассертивности

Table 2

Correlations of A26 and A23 and their factors with assertive markers

Фактор	Опросник	Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление	Стеснительность	Удовлетворенность жизнью
1	A26	0,379**	-0,197	-0,191	0,051	-0,203	-0,622**	0,377**
	A23	0,385**	-0,218	-0,157	0,017	-0,229*	-0,609**	0,337**
2	A26	0,314**	-0,093	-0,134	-0,050	-0,043	-0,537**	0,183
	A23	0,330**	-0,089	-0,175	-0,038	-0,239*	-0,555**	0,197*
3	A26	0,329**	-0,221	-0,083	-0,005	-0,243*	0,161	-0,066

Примечание. ** – корреляции статистически значимы при $p = 0,01$; * – корреляции статистически значимы при $p = 0,05$. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые корреляции.

Из табл. 2 следует, что только в модели A23 оба ее фактора положительно связаны с соперничеством и удовлетворенностью жизнью и отрицательно – с приспособлением и стеснительностью. Это еще одно свидетельство предпочтительности модели A23. Преимуществом является также меньшее количество пунктов в опроснике A23, что и послужило целью данного исследования.

Эксплораторный факторный анализ. В целях изучения опросника A23 и его факторной структуры проведен эксплораторный факторный анализ с ис-

пользованием платформы R, инструментов на базе этой платформы (*jamovi*) и специализированных статистических модулей. Для моделирования выбран метод извлечения минимальных факторных остатков с использованием косоугольного вращения. Данный выбор обусловлен тем, что в опроснике A23 (судя по проведенному корреляционному анализу) имеются связи между пунктами шкал и общая система далека от ортогональности. В результате анализа получена первоначальная (исходная) двухфакторная модель опросника A23 (табл. 3).

Таблица 3

Факторная модель опросника A23

Table 3

Factor model of the A23 questionnaire

Номер пункта	Фактор 1	Фактор 2
1	0,754	–
13	0,598	–
12	0,518	–

Окончание табл. 3
Ending table 3

Номер пункта	Фактор 1	Фактор 2
4	0,504	–
26	0,499	–
5	0,483	–
19	0,476	–
15	0,475	–
6	0,462	–
7	0,431	–
24	0,340	–
21	0,229	–
2	–	0,654
11	–	0,618
20	–	0,558
18	–	0,555
17	–	0,529
10	–	0,508
8	–	0,408
3	0,360	0,385
9	0,347	0,353
16	–	0,347
14	–	0,275

Переменные № 3 и 9 были включены в состав фактора 2 по причине их большей нагрузки в этом факторе и лучшего смыслового соответствия фактору 2. В результате факторная модель приобретает следующий вид.

Фактор 1 «уверенность/неуверенность»

1. Я не умею знакомиться с людьми, к которым чувствую симпатию. Жду, когда они сделают первый шаг.

13. Если что-то в поведении собеседника мешает беседе, мне не хватает решимости сказать ему об этом.

12. Мне трудно обратиться с просьбой об услуге.

4. Пригласить на встречу интересующего меня человека (например, противоположного пола) выше моих сил.

26. Мне бывает трудно признаться, что я не понял объяснения (задания).

5. Когда меня хвалят, говорят комплименты, я теряюсь, не знаю, как на это реагировать, чувствую себя не в своей тарелке.

19. Постесняетесь ли Вы попросить официанта в дорогом ресторане заменить блюдо, если оно плохо приготовлено или сервировано?

15. Бывает ли так, что Вы сторонитесь каких-то людей или стараетесь не попадать в определенные ситуации из-за нежелания испытать неловкость?

6. Во время разговора о чем-нибудь важном или с кем-либо, от кого я завишу, я путаюсь и ощущаю свою неубедительность.

7. Мне очень трудно попросить о чем-либо незнакомого человека.

24. Для меня очень важно мнение окружающих.

21. Я не могу объективно судить о собственном поведении.

Фактор 2 «решительность/нерешительность»

2. Разговаривая с кем-либо, я не способен возразить, даже если думаю, что моя собственная точка зрения более правильная. Мне проще промолчать.

11. Для меня трудно смотреть в глаза человеку, с которым я расхожусь во взглядах.

20. Сложно ли Вам защитить свою точку зрения, если она противоречит взглядам человека, которого уважаете?

18. Трудно ли Вам смотреть в глаза собеседнику?

17. Если какой-то человек в чем-то не прав, Вы постесняетесь сказать ему об этом?

10. Я стесняюсь указать всем, кто работает, отдыхает или проживает со мной в одной комнате, чтобы они выполняли свою долю работы по поддержанию порядка.

8. Для меня трудно заводить разговор с чиновниками и с руководителями, даже если необходимо просто что-то им сообщить.

3. На заседаниях и различных собраниях я предпочитаю отмалчиваться, чтобы не оказаться в глупом положении.

9. Я не отстаиваю свои права.

16. Вам неудобно напомнить о себе официанту, если тот, не обслужив Вас, начнет обслуживать пришедшего позже Вас посетителя?

14. Я позволяю вить из себя веревки.

Модель A23 была проверена следующими тестами. Тест Бартлетта: $\chi^2 = 1318$, $Df = 253$, $p < 0,001$. Тест Кайзера – Мейера – Олкина (КМО): значение

КМО равно 0,884, что интерпретируется как «очень хорошо». Тест *RMSEA*: значение равно 0,0486, допустимое значение меньше 0,08; вывод – отлично.

Таким образом, построенная факторная модель высокодостоверна по всем входящим в нее параметрам.

Конфирматорный факторный анализ. Его результаты представлены в табл. 4 и 5.

В табл. 4 продемонстрировано, что все переменные входят в модель A23 с высокой степенью статистической значимости и высокими факторными нагрузками.

В табл. 5 показана точность соответствия модели A23.

Таблица 4

Статистическая значимость переменных,
входящих в модель ассертивности A23

Table 4

Statistical significance of the variables
included in the A23 assertiveness model

Фактор	Переменная	Факторная нагрузка	SE	Z
Уверенность/неуверенность	1	0,469	0,0554	8,46
	13	0,431	0,0447	9,63
	12	0,463	0,0465	9,94
	4	0,370	0,0564	6,56
	26	0,361	0,0487	7,40
	5	0,431	0,0568	7,58
	19	0,396	0,0635	6,24
	15	0,411	0,0489	8,41
	6	0,322	0,0453	7,11
	7	0,423	0,0557	7,60
	24	0,259	0,0555	4,66
	21	0,218	0,0598	3,64
Решительность/нерешительность	2	0,365	0,0460	7,94
	11	0,422	0,0494	8,55
	20	0,424	0,0479	8,85
	18	0,369	0,0493	7,49
	17	0,323	0,0490	6,58
	10	0,327	0,0522	6,26
	8	0,370	0,0448	8,27
	3	0,490	0,0487	10,04
	9	0,459	0,0488	9,39
	16	0,410	0,0550	7,46
	14	0,286	0,0437	6,54

Таблица 5

Тесты на точное соответствие модели A23

Table 5

Model A23 exact compliance tests

χ^2	Степень свободы	p
350	229	<0,001
RMSEA	90 %, д. и. (минимум)	90 %, д. и. (максимум)
0,052 4	0,041 0	0,063 1

Примечание. Д. и. – доверительный интервал.

Корреляция между опросниками A26 и A23 равна 0,988 ($p < 0,001$). Поэтому все полученные ранее [3] результаты относительно опросника A26 сохраняются и для опросника A23. «Значения теста в диапазоне ассертивности положительно коррелируют с уверенностью индивида, отстаиванием им своих прав, прямоотой и откровенностью, независимостью от внешних воздействий, направленностью на взаимодействие с окружающими, но отрицательно связаны с направленностью на себя и с макиавеллизмом. Ассертивных женщин несколько больше, чем ассертивных мужчин. Женщины значительно чаще мужчин демонстрируют неуверенное поведение,

а мужчины значительно чаще женщин – агрессивное» [3, с. 115].

Тест A26 был сконструирован так, что его значения ниже 66 свидетельствуют о неуверенности испытуемого и его неспособности отстаивать свои права, выше 77 – об агрессивном поведении и нарушении прав других, в интервале 66–77 – об ассертивности.

В соответствии с удалением из A26 трех пунктов тест A23 указывает на ассертивность в пределах значений от 60 до 71, это диапазон ассертивности. Значения A23 ниже 60 указывают на неуверенное поведение и неспособность отстаивать свои права, выше 71 – на агрессивное поведение и нарушение прав других.

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующий вывод: получена сокращенная до 23 пунктов версия опросника ассертивности (A23), обладающая улучшенными свойствами и удовлетворяющая

основным критериям надежности и валидности. Три диапазона значений опросника A23 диагностируют, соответственно, неуверенное, ассертивное и агрессивное поведение.

Приложение

Опросники ассертивности A26 и A23

Опросник A23 получается из опросника A26 удалением пунктов № 22, 23, 25 (выделены курсивом). Варианты ответа следует выбирать по следующему правилу: если ситуация имеет место всегда – 1 балл, часто – 2, редко – 3, никогда – 4 балла.

1. Я умею знакомиться с людьми, к которым чувствую симпатию. Не жду, когда они сделают первый шаг.

2. Разговаривая с кем-либо, я не способен возразить, даже если думаю, что моя собственная точка зрения более правильная. Мне проще промолчать.

3. На заседаниях и различных собраниях я предпочитаю отмалчиваться, когда есть риск оказаться в глупом положении.

4. Мне трудно пригласить на встречу интересующего меня человека (например, противоположного пола).

5. Когда меня хвалят, говорят комплименты, я теряюсь, не знаю, как на это реагировать, чувствую себя не в своей тарелке.

6. Во время разговора о чем-нибудь важном или с кем-либо, от кого завишу, я путаюсь и ощущаю свою неубедительность.

7. Мне трудно попросить о чем-либо незнакомого человека.

8. Для меня трудно заводить разговор с чиновниками и руководителями, даже если необходимо просто что-то им сообщить.

9. Я отстаиваю свои права.

10. Я не стесняюсь указать всем, кто работает, отдыхает или проживает со мной в одной комнате, чтобы они выполняли свою долю работы по поддержанию порядка.
11. Мне несложно смотреть в глаза человеку, с которым я расхожусь во взглядах.
12. Мне трудно обратиться с просьбой об услуге.
13. Если что-то в поведении собеседника мешает беседе, мне хватает решимости сказать ему об этом.
14. Я позволяю вить из себя веревки.
15. Бывает ли так, что Вы сторонитесь каких-то людей или стараетесь не попадать в определенные ситуации из-за нежелания испытать неловкость?
16. Вам неудобно напомнить о себе официанту, если тот, не обслужив Вас, начнет обслуживать пришедшего позже Вас посетителя?
17. Если какой-то человек в чем-то не прав, Вы постесняетесь сказать ему об этом?
18. Мне трудно сделать комплимент или похвалить кого-либо.
19. Постесняетесь ли Вы попросить официанта в дорогом ресторане заменить блюдо, если оно плохо приготовлено или сервировано?
20. Трудно ли Вам защитить свою точку зрения, если она противоречит взглядам человека, которого уважаете?
21. Я объективно оцениваю собственное поведение.
22. Мне приходилось оправдываться и извиняться за свое поведение.
23. Я переживаю за близких, когда у них возникают проблемы.
24. Для меня очень важно мнение окружающих.
25. Я должен быть логичным в принятии решений.
26. Мне трудно признаться, что я не понял объяснения (задания).

Ключ к тесту A23

1. Перед подсчетом результатов следует произвести инверсию в № 1, 9, 10, 13, 21, заменив 1 балл на 4, 2 балла на 3, 3 балла на 2, 4 балла на 1.
2. Необходимо подсчитать сумму всех полученных баллов. Сумма меньше 60 говорит о неуверенности испытуемого, в интервале 60–71 – о его асертивности, выше 71 – о склонности к агрессии.

Библиографические ссылки

1. Данилов АН, Бабосов ЕМ. «Я ввел для себя правило – ставить перед собой сверхзадачу...» (четыре беседы члена-корреспондента НАН Беларуси А. Н. Данилова с академиком НАН Беларуси Е. М. Бабосовым). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;1:6–22.
2. Данилов АН, редактор. *Социологическая энциклопедия*. Минск: Беларуская энцыклапедыя; 2003. 384 с.
3. Шейнов ВП. Разработка теста асертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности. *Вопросы психологии*. 2014;2:107–116.
4. Шейнов ВП. Детерминанты асертивного поведения. *Психологический журнал*. 2015;36(3):28–37.
5. Min Kwon, Dai-Jin Kim, Hyun Cho, Soo Yang. The smartphone addiction scale: development and validation of a short version for adolescents. *PLOS ONE*. 2013;8(12):e83558. DOI: 10.1371/journal.pone.0083558.
6. Шейнов ВП. Методика исследования виктимизации взрослых индивидов. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:133–142.
7. Шейнов ВП. Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона». *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2021;6(1):97–115. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005.
8. Гребень НФ. *Психологические тесты для профессионалов*. Минск: Современная школа; 2008. 494 с.
9. Осин ЕН, Леонтьев ДА. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В: *Материалы III Всероссийского социологического конгресса; 21–24 октября 2008 г.; Москва, Россия* [CD-ROM]. Москва: Институт социологии РАН; 2008. 1 CD-ROM: 351 Мб.
10. Ильин ЕП. *Психология воли*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Питер; 2009. 368 с. (Мастера психологии).
11. Бурлачук ЛФ. *Психодиагностика*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Питер; 2011. 384 с.
12. Шейнов ВП. Социальные взаимодействия асертивной личности с окружающими людьми. *Системная психология и социология*. 2019;1:47–57. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.29.1.04.

References

1. Danilov AN, Babosov EM. «I have introduced a rule – to set myself a super task...» (four conversations between corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus A. N. Danilov and academician of the National Academy of Sciences of Belarus E. M. Babosov). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;1:6–22. Russian.
2. Danilov AN, editor. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Sociological encyclopedia]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja; 2003. 384 p. Russian.

3. Sheinov VP. On development of an assertiveness test answering requirements of reliability and validity. *Voprosy psikhologii*. 2014;2:107–116. Russian.
4. Sheinov VP. Determinants of assertive behavior. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015;36(3):28–37. Russian.
5. Min Kwon, Dai-Jin Kim, Hyun Cho, Soo Yang. The smartphone addiction scale: development and validation of a short version for adolescents. *PLOS ONE*. 2013;8(12):e83558. DOI: 10.1371/journal.pone.0083558.
6. Sheinov VP. Research methodology for victimization of adult individuals. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:133–142. Russian.
7. Sheinov VP. Short version of the questionnaire «Scale of dependence on the smartphone». *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*. 2021;6(1):97–115. Russian. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005.
8. Greben' NF. *Psikhologicheskie testy dlya professionalov* [Psychological tests for professionals]. Minsk: Sovremennaya shkola; 2008. 494 p. Russian.
9. Osin EN, Leont'ev DA. [Approbation of Russian-language versions of two scales for rapid assessment of subjective well-being]. In: *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa; 21–24 oktyabrya 2008 g.; Moskva, Rossiya* [Materials of the 3rd All-Russian Sociological Congress] [CD-ROM]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2008. 1 CD-ROM: 351 Mb. Russian.
10. П'ин EP. *Psikhologiya voli* [Psychology of will]. 2nd edition. Saint Petersburg: Piter; 2009. 368 p. (Mastera psikhologii). Russian.
11. Burlachuk LF. *Psikhodiagnostika* [Psychodiagnosics]. 2nd edition. Saint Petersburg: Piter; 2011. 384 p. Russian.
12. Sheinov VP. Social interactions of assertive individuals with people around them. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya*. 2019;1:47–57. Russian. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.29.1.04.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021.
Received by editorial board 12.10.2021.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

— — — — —

**Николай Егорович
ЛИХАЧЁВ**

**Nikolai Egorovich
LIKHASHEV**

— — — — —

Старейшина белорусского социологического цеха, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова Николай Егорович Лихачёв 15 декабря отметил 80-летний юбилей. Жизненный путь этого прекрасного человека, известного ученого и эффективного преподавателя был непрост, под стать науке, с которой его связала судьба. Социология стала делом жизни Н. Е. Лихачёва.

Будущий профессор социологии родился в селе Новонежино Шкотовского района Приморского края в семье рабочих. В 1950 г. после смерти главы семьи, участника гражданской войны и Великой Отечественной войны, мать с детьми вернулась на свою родину в Могилёв. Там и прошли школьные годы Н. Е. Лихачёва. Какое-то время он воспитывался в детском доме.

Трудовая биография Николая Егоровича началась на стройках Казахстана по комсомольскому призыву. Работал токарем на могилёвском заводе «Электродвигатель», после срочной службы в армии трудился проходчиком подземных выработок на шахте № 18 треста «Воркутауголь». В работе зака-

лялся характер и наступала социальная зрелость. Спокойствие и мудрость этого человека поражают. Сама жизнь сформировала в нем учителя, строгого, но доброго, справедливого, отзывчивого, открытого.

Не раз Николаю Егоровичу приходилось круто менять жизнь. В 1963 г. он поступил на исторический факультет Могилёвского государственного педагогического университета, который с отличием окончил в 1968 г. Решил попробовать себя в общественной работе. Это решение было верным – молодежь Кричевского района избрала его первым секретарем райкома комсомола. Но тяга к знаниям не давала покоя умудренному опытом молодежному лидеру. В 1972 г. Николай поступил в очную аспирантуру при кафедре гуманитарных дисциплин Белорусского политехнического института. В 1977 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по философии.

В 1975–1990 гг. Н. Е. Лихачёв работал на кафедре политической истории и теории социализма в Могилёвском технологическом институте, сначала в должности старшего преподавателя, а затем – доцента и заведующего. В 1974 г. молодой ученый

приобщился к возрождающейся социологической науке. Вокруг него сплотилась группа единомышленников. Они проводили исследования по локальным проблемам, выступали на конференциях, предлагали способы решения возникающих в регионе вопросов. Активная деятельность воплотилась в рождении социологического центра при Могилёвском облисполкоме, который стал базой для создания Могилёвского института региональных социально-политических исследований. Николай Егорович возглавлял институт с 1989 по 2012 г. и стал в Могилёве настоящей легендой. Институт иначе как лихачёвский никто не называет. Главными направлениями научных интересов коллектива стали проблемы сельских поселений, вопросы региональной социальной политики, воспитания молодежи и др.

В 1990 г. Н. Г. Лихачёв перешел на работу в свою альма-матер и работал сначала в должности доцента, а затем заведующего кафедрой политологии и социологии. Именно он возглавлял кафедру в самое трудное, первое, десятилетие ее деятельности. По его инициативе был открыт набор на подготовку социологов (1999).

В 2008 г. Николай Егорович успешно защитил докторскую диссертацию по социологическим наукам в Совете при Институте социологии НАН Беларуси на тему «Динамика социально-экономических преобразований в аграрной сфере Республики Беларусь: социологический анализ» (научный консультант – доктор философских наук, профессор Г. Н. Соколова). Все силы, авторитет и влияние Николай Егорович

направляет на развитие социологического образования и социологической науки в своем регионе.

Н. Е. Лихачёв – ведущий в стране специалист в области социологии села, автор более 100 научных публикаций. Его монографии «Белорусское село в социальном измерении» (2007) и «Социология белорусского села» (2014), где представлены концептуальные подходы к проблемам сельского расселения, формирования трудовых ресурсов, демографии, духовной культуры, изменений в социальной структуре сельского сообщества, получили высокую оценку научной общественности и широко используются в управленческой деятельности и учебном процессе.

Профессор Н. Е. Лихачёв – отличник образования Республики Беларусь. Он активно работает в науке: преподает, участвует в исследованиях, руководит дипломными и курсовыми работами студентов, публикуется в научных изданиях. Две дочери Николая Егоровича Светлана и Ольга пошли по стопам отца, успешно защитили кандидатские диссертации и работают в социологии. Свою новую монографию «Социальная сфера белорусского села: социологический анализ состояния и перспектив развития» (2020) профессор написал совместно с дочерью Светланой Николаевной Лихачёвой, заведующей кафедрой политологии и социологии Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова.

Дорогой Николай Егорович, искренне поздравляем Вас с 80-летием! Желаем оптимизма, крепкого здоровья, благополучия и радости жизни на долгие годы.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316.334.2(075.8)

Филинская Л. В. **Экономическая социология** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 05 «Социология» / Л. В. Филинская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 94 с. Библиогр. : с. 92–94. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/270621>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.10.2021, № 009922102021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Экономическая социология» подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «Социология», учебной программой по дисциплине «Экономическая социология» в целях учебно-методического обеспечения студентов специальности 1-23 01 05 «Социология». ЭУМК предназначен для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по социологическим специальностям очной и заочной формы получения первого высшего образования.

Электронный учебно-методический комплекс содержит конспект лекций, контрольные вопросы по темам, темы семинарских занятий, примерный перечень первоисточников, перечень контрольных мероприятий, вопросы к экзамену, список рекомендуемой литературы.

УДК 316.6(082)

Инновационные социально-психологические технологии: от теории к практике [Электронный ресурс] : сб. материалов Междунар. науч.-практ. Фестиваля кафедры соц. работы и реабилитологии фак. филологии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, посвящ. 100-летию ун-та (Минск, 20 нояб. 2021 г.) / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Красовская (отв. ред.), Д. В. Воронович, Е. И. Климушко]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 246 с. : ил., табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272021>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.11.2021, № 011822112021.

Сборник содержит материалы участников Международного научно-практического Фестиваля кафедры социальной работы и реабилитологии ФФСН БГУ и представляет собой результат коллективной работы ведущих специалистов-практиков социальной сферы, а также аспирантов, магистрантов и студентов Республики Беларусь и зарубежья.

Сборник адресуется научным работникам и специалистам-практикам социально-психологического профиля, а также аспирантам и магистрантам, студентам и всем, кто интересуется инновационными социально-психологическими технологиями работы с социально уязвимыми категориями населения в современных условиях.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ротман Д. Г., Данилов А. Н.</i> Четверть века – роковая дата в судьбе университетской социологии (беседа главного редактора журнала А. Н. Данилова с руководителем Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, доктором социологических наук, профессором Д. Г. Ротманом)	4
---	---

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Кучко Е. Е., Урбан Д. О.</i> Генезис теоретических оснований использования триангуляции в социологических исследованиях	9
<i>Щербин В. К.</i> Методы моделирования социально-экономических явлений – метод построения многократных спиралей и мультимодальный анализ	15
<i>Подлесная М. А.</i> Философия народничества в работе социолога: памяти Ирины Альбертовны Халий (1950–2020)	26

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Шимов В. В.</i> Цивилизационный подход в России и его историческая эволюция	32
<i>Антонович И. И.</i> Столетие Коммунистической партии Китая и перспектива социализма с китайской спецификой	39
<i>Кавецкий С. Т.</i> Может ли аномия быть нормальной?	50

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Иванов И. Ю., Косарецкий С. Г.</i> Неравенство возможностей детей во внешкольном образовании в постсоветских странах	58
<i>Яковлева И. А.</i> Постсоветские тренды развития дополнительного образования детей и молодежи: белорусский кейс	69

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Нарбут Н. П., Троцук И. В.</i> Счастье и его детерминанты в представлении россиян: результаты опроса	82
<i>Бельский А. М.</i> Модели потребления контента новых медиа населением Беларуси: теоретико-методологический аспект построения	97
<i>Шейнов В. П., Девяцын А. С.</i> Факторная структура опросника ассертивности	110

ЮБИЛЕИ

Николай Егорович Лихачёв	119
Аннотации депонированных в БГУ работ	121

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Rotman D. G., Danilov A. N.</i> A quarter of a century – a fatal date in the fate of university sociology (conversation of editor-in-chief of the journal A. N. Danilov with the head of the Center for Sociological and Political Research of the Belarusian State University, doctor of science (sociology), full professor D. G. Rotman)	4
--	---

ARTICLES AND REPORTS

<i>Kuchko E. E., Urban D. O.</i> Genesis of theoretical grounds for the use of triangulation in sociological research	9
<i>Shcherbin V. K.</i> Methods of modelling of socio-economic phenomena – method of constructing multiple spirals and multimodal analysis	15
<i>Podlesnaia M. A.</i> The philosophy of populism in the work of a sociologist: in memory of Irina Albertovna Khaliy (1950–2020)	26

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Shimov V. V.</i> Civilisation approach in Russia and its historical evolution	32
<i>Antonovich I. I.</i> Century of the Communist Party of China and the perspective of socialism with a Chinese specificity	39
<i>Kavetski S. T.</i> Can anomie be normal?	50

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Ivanov I. Yu., Kosaretsky S. G.</i> Inequality of children's opportunities in extracurricular education in post-Soviet countries	58
<i>Yakovleva I. A.</i> Post-Soviet trends in the development of non-formal education of children and youth: Belarusian case	69

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Narbut N. P., Trotsuk I. V.</i> Russians' interpretation of happiness and its determinants: results of the survey	82
<i>Belski A. M.</i> Content consumption patterns new media by the population of Belarus: theoretical and methodological aspect of the construction	97
<i>Sheinov V. P., Dziavitsyn A. S.</i> Factor structure of assertivity questionnaire	110

JUBILEES

Nikolai Egorovich Likhachev	119
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	121

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 4. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Е. В. Жерносек, М. А. Подголина*
Технический редактор *В. В. Пишкова*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 27.12.2021.
Тираж 105 экз. Заказ 580.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 4. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *E. V. Zhernosek, M. A. Podgolina*
Technical editor *V. V. Pishkova*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 27.12.2021.
Edition 105 copies. Order number 580.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 2014 March 3.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021